

«Я ИМЕЛ ОДНУ ВИНУ – СЛУЖБУ У БЕЛЫХ...»

*Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В.И. Оберюхтина**

Биография одного из видных деятелей Белого движения на Востоке России, военного специалиста РККА, военного историка, человека трудной судьбы генерала Виктора Ивановича Оберюхтина практически не привлекала внимания исследователей. В специальных работах его жизненный путь и выбор подверглись определенным искажениям¹, а его жизнь и деятельность во второй половине XX в. оставались неизвестными, поскольку считалось, что

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-81-01022-ОГН «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии». Выражаю искреннюю признательность к.и.н. Ф.А. Гушину за содействие.

¹ Можно отметить печатавшуюся с продолжением в газете «Эхо ГУЛАГа» статью выпускника Военной академии им. М.В. Фрунзе 1953 г., полковника в отставке М.М. Бондаря «Разорванная фотография» (Бондарь М.М. Разорванная фотография (начало) // Эхо ГУЛАГа (Москва). 1993. Июль. № 3 (6). С. 3; То же (продолжение) // Там же. Ноябрь. № 4 (7). С. 7). Две части статьи удалось выявить в РГБ. К сожалению, окончание статьи в РГБ, Государственной публичной исторической библиотеке и библиотеке общества «Мемориал» отсутствует. Можно предположить, что автор был лично знаком с В.И. Оберюхтиным, в результате чего привел ряд значимых биографических подробностей, полученных непосредственно от героя публикации. Вместе с тем в изложение вкрались некоторые данные, не соответствующие действительности (о бегстве В.И. Оберюхтина из германского плена и прибытии в Казань в апреле 1918 г., об обстоятельствах перехода на сторону антибольшевистских сил и настроениях лета 1918 г.; неверно и то, что первая супруга бросила Оберюхтина в период его ареста в 1920 г. – они разошлись через шесть лет после тех событий) и даже прямо фантастические (о нежелании служить белым, о встрече с адмиралом А.В. Колчаком и предложении им Оберюхтину поста военного министра с угрозой расстрела в случае отказа, об аресте и заболевании тифом у белых). Кроме того, статья содержит ошибки в отношении некоторых должностных лиц. При этом нельзя исключать, что такую версию своей биографии мог излагать сам герой статьи, тем более что в работе использованы подлинные служебные документы Оберюхтина.

В.В. Каминский в статье о В.И. Оберюхтине (*Каминский В.В. Социально-бытовая мотивация в конкретных судьбах: Генерального штаба подполковник Виктор Иванович Оберюхтин «слуга двух господ» поочередно (1918–1938 гг.) // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2013. № 1. С. 66–80*) допустил целый ряд фактических ошибок и некорректных суждений, что привело к искажению биографии героя статьи и к неверным выводам. Так, указанный автор отождествил Николаевскую академию Генерального штаба с академией Генерального штаба РККА и Военной академией им. М.В. Фрунзе (Там же. С. 76), представил себя первооткрывателем одного из ускоренных академических выпусков периода Гражданской войны (Там же. С. 77), заявил о существовании в Русской императорской армии стрелковых корпусов (Там же. С. 67). В статье оказался искажен последний чин Оберюхтина в старой армии. По утверждению В.В. Каминского, это был чин капитана (Там же. С. 68), на самом же деле – подполковника. В.В. Каминский публикует домыслы о производстве Оберюхтина в подполковники «после 21 октября... но не позднее 16 декабря 1917 г.» (Там же). В действительности произведен в этот чин Оберюхтин был еще 15.08.1917. Не будучи знакомым с таким основополагающим документом офицера, как послужной список, В.В. Каминский отрицал документированные данные о службе Оберюхтина (Там же. С. 69; детальную биографическую справку по данным послужного списка Оберюхтина и другим документам см.: *Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 520–523*). При этом В.В. Каминский заявил о «неадекватности» информации об Оберюхтине в известном справочнике по генералитету Восточного фронта белых, подготовленном И.В. Купцовым, А.М. Буяковым и В.Л. Юшко (*Каминский В.В. Социально-бытовая мотивация... С. 69*). Между тем в этом издании материалы послужного списка офицера как раз использовались. Искажена В.В. Каминским оказалась также дата взятия Казани антибольшевистскими силами в августе 1918 г. (Там же. С. 70), а дата вступления Оберюхтина в должность генерал-квартирмейстера штаба Западной армии переместилась на несколько месяцев назад (Там же. С. 71). В.В. Каминский исказил данные о структуре и эволюции колчаковских вооруженных формирований. В частности, он утверждал, что на июнь 1919 г. Западная армия входила в состав Московской группы армий (Там же). На самом же деле такая группа армий была создана лишь 10.10.1919. Стремясь обосновать так называемую теорию социально-бытовой мотивации (вульгарную концепцию, согласно которой офицерство периода Гражданской войны руководствовалось исключительно поиском личной и в особенности материальной выгоды), В.В. Каминский исказил биографию Оберюхтина и реалии кадровой политики РККА. Так, по его мнению, служба у белых карьере Оберюхтина в РККА никак не повредила (Там же. С. 73). На самом деле, конечно, повредила, поскольку белогвардейское прошлое постоянно преследовало Оберюхтина и использовалось оппонентами против него. В итоге большой карьеры в РККА он не сделал. Кроме того, вся его служба проходила на военно-педагогической работе, несмотря на значительный опыт работы в высших штабах у белых и в старой армии. Много места в статье В.В. Каминского занимают рассуждения о том, мог ли В.И. Оберюхтин, как указано в статье М.М. Бондаря (с которой В.В. Каминский не знаком и которую пересказывает по материалам реферата на одном из интернет-сайтов), быть арестованным и затем восстановленным в правах решением Сибревкома в 1930 г. (Там же. С. 73–74). При том, что это заурядная опечатка и речь шла о

он либо был расстрелян², либо умер в лагерях или ссылке после января 1950 г.³

Источников о жизни и деятельности генерала В.И. Оберюхтина сохранилось достаточно много. Служебные документы, материалы следственного дела и реабилитации, написанные Оберюхтиным воспоминания о Гражданской войне не были введены в научный оборот⁴. В результате осуществлявшихся на протяжении нескольких лет целенаправленных архивных поисков удалось значительно расширить представления о биографии генерала и полностью рекон-

1920 г. (в 1930 г. Сибревкома уже не существовало). Девятимесячная стажировка Оберюхтина в войсках в 1929 г. в изложении В.В. Каминского превратилась в пятилетнюю (Там же. С. 74). Далее В.В. Каминский заявил, что «из того факта, что В. Оберюхтин был уволен из РККА Приказом НКО № 1431 от 11 июня 1938 г., автоматически вовсе не следует его немедленный после такого увольнения арест. С другой стороны, нет никаких оснований полагать, что Оберюхтин был уволен из РККА по требованию органов НКВД» (Там же. С. 75). При этом никаких данных об аресте Оберюхтина В.В. Каминский не имел. В действительности в сохранившихся документах сам Оберюхтин указал на свое увольнение из РККА «по требованию УМГБ» (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 77313. Л. 4), вслед за чем последовал арест. Наконец, на примере судьбы Оберюхтина очевидна нелепость пресловутой «теории социально-бытовой мотивации». Подобные построения опровергаются архивными документами и фактами биографии офицера. Надо полагать, в бою под Трыстенем в июле 1916 г. Оберюхтин рисковал жизнью не из-за материальных благ. По логике такой концепции получается, что именно поиски личной выгоды привели Оберюхтина к переходу в Гражданскую войну от красных к белым, а затем к сдаче в плен красным, довели до многочисленных арестов, существования на склоне лет в нечеловеческих условиях и едва не стоили ему жизни.

² Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: биографический справочник. М., 2003. С. 151; Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 259.

³ Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: биографический справочник. М., 2011. С. 384; Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии... С. 522.

⁴ В архивно-следственном деле В.И. Оберюхтина, хранящемся в ГА РФ, отложились его послужной список на 20.02.1918 (Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 154–159об.), а также наградные документы. Послужной список на 18.11.1921 хранится в РГВА (Ф. 7. Оп. 8. Д. 316. Л. 200–208). Кроме того, автору удалось ознакомиться с личным делом Оберюхтина за советский период, отложившимся в частной коллекции и проливающим свет на ряд событий его жизни в 1920–1950-е гг. Поскольку речь идет о частной коллекции, в сносках приводятся полные названия цитируемых документов.

струировать его служебный и жизненный путь, впервые подробно осветить службу у белых и в Красной армии, проанализировать следственные материалы, процесс реабилитации, изучить подлинные обстоятельства жизни Оберюхтина во второй половине XX в. и даже установить его судьбу.

Ранние годы

В.И. Оберюхтин родился 31 октября 1887 г. в Воткинском заводе Сарапульского уезда Вятской губернии в большой семье канцелярского служащего. Получил домашнее образование, в 1899 г. окончил Нолинское городское училище (учился три года), в 1903-м – Воткинское окружное училище (учился четыре года), в 1905-м – два из четырех классов Ижевской оружейной школы (ушел из старшего класса из-за отсутствия средств на обучение), в 1908-м – Казанское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду. До 1909 г. родители Оберюхтина жили в Казани. Отец Оберюхтина умер в 1909 г., а мать, швея по профессии, – в 1918 г.

В автобиографии, датированной 1 июля 1938 г., Оберюхтин вспоминал о ранних годах: «Я начал работать учеником-слесарем в паровозном цехе Воткинского завода с 1903 года, где работал до поступления в Ижевскую оружейную школу; затем учился до поступления на военную службу.

Учился в Нолинском городском училище (4 года⁵), затем в Воткинском окружном училище, окончил его в 1903 г. Затем учился 2 года в Ижевской оруж[ейной] школе.

В 1905 г. вышел с 3-го курса оруж[ейной] школы за отсутствием средств на учение»⁶.

В службу Оберюхтин вступил 29 августа 1905 г., а первый офицерский чин подпоручика получил 15 июня 1908 г. (со старшинством с 14 июня 1907 г.). Службу начал в Самаре, во 2-й роте 215-го пехотного резервного Бузулукского полка, куда прибыл 25 июня 1908 г. Молодой офицер сразу же принял участие в лагерном и малом подвижном сборах под Самарой, в период которых временно командо-

⁵ Нолинское училище было трехклассным.

⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 161.

вал ротой и получил прикомандирование к полковой учебной команде. В аналогичных лагерных сборах Оберюхтин участвовал и в 1909–1910 гг. Вообще в полку приходилось заниматься различными вопросами: курировать подготовку прапорщиков запаса, участвовать в лагерных и подвижных сборах, полевых офицерских поездках и маневрах.

В июле 1910 г. Оберюхтин в составе полка убыл в Саратов на укомплектование 186-го пехотного Асландузского полка. На новом месте Оберюхтин служил младшим офицером, исполнял обязанности полкового библиотекаря, как и прежде, участвовал в лагерном сборе. Уже в начале 1911 г. он отправился в штаб Казанского военного округа держать предварительный экзамен в Императорскую Николаевскую военную академию, затем выдержал экзамены в Петербурге и поступил в академию. 25 ноября 1911 г. был произведен в поручики со старшинством с 14 июня того же года.

Оберюхтин окончил академию по 1-му разряду в мае 1914 г. в последнем предвоенном выпуске, причем за отличные успехи в науках был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и удостоен первой премии им. генерала Леонтьева за лучшую стратегическую работу⁷. Владел французским и отчасти чешским языками⁸. Вместе с ним академию окончили будущие лидеры белых П.Г. Бурлин и В.Г. Науменко, а также видные советские военные специалисты А.И. Корк, С.А. Пугачев, М.П. Строев (Рихтер)⁹.

Великая война

От академии Оберюхтин был отчислен к штабу войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, а через месяц, в июне 1914 г., прикомандирован к штабу I армейского корпуса. В июле 1914 г. участвовал в мобилизационных работах. На фронт Первой мировой, или Великой, войны отправился в чине поручика как исполняющий

⁷ РГВА. Ф. 39466. Оп. 2. Д. 6. Л. 28.

⁸ Коллекция учетно-послужных карт РГВА (№ 194178, 194179, 194180, 194181).

⁹ Подробнее о последнем предвоенном выпуске академии см.: Ганин А.В. Свои среди чужих, чужие среди своих // Родина. 2015. № 8. С. 48–53.

должность обер-офицера для поручений при штабе корпуса. Перешел границу с Германией у городов Млава и Сольдау.

На фронте проявил себя достойно. В 1914 г. участвовал в боях под Сольдау, Нейденбургом, Млавой, Яновым, Хоржеле, Праснышем, в марш-маневрах в районе Рожаны, Остров, Чижев, Варшава, в боях под Варшавой, в боях от Варшавы до реки Варта, в Лодзинской операции, в Савских боях и боях под Ломжей.

Позднее участвовал в боях на Оржицких позициях, марш-маневрах и боях в Галиции в районах Радымно, Львов, станция Ходоров, на реке Днестр у Журавно, Голешова, Равы-Русской, Томашева, Комарова, Забарус-Щацко, на путях и в районе Кобрин, Барановичей, в Виленской операции с боями у Рубно, Малой Быстрицы, Ныдзян, местечка Сола, Сморгони, на Сморгонской позиции, в марш-маневрах в районе Браилова, Волочиска, Галиции, Луцка, в боях на ковельском направлении в составе гвардейского отряда, в Трыстен-Стоходской операции, в боях у Вульки Порской, Шельвова, Звоняче на реке Липе, в переходах в район Трембовли, Галича, в отходных боях от Галича до Збруча, в боях на Збруче.

Неоднократно приходилось бывать под обстрелом. Серьезных ранений Оберюхтин избежал, но получил несколько травм и контузию. На шоссе у Иллово в Восточной Пруссии в ночь на 16 августа 1914 г. получил сильные ушибы левой ступни, следствием чего стали периодические боли в ноге. В бою 11 октября 1914 г. под Казимежем офицер был контужен гранатой в левую половину головы и левое ухо, следствием чего стали «меньшая чувствительность левого уха, периодическое нервное подергивание век левого глаза, головные боли и головокружение»¹⁰. Следующую травму он получил в ночь на 18 декабря 1914 г. во время боев на Равских позициях. Тогда Оберюхтина экстренно командировали в штаб 24-й пехотной дивизии. По выполнении этого поручения с офицером произошел несчастный случай – на обратном пути он наткнулся на телеграфный провод, получив ушибы и ссадины левой щеки, левого угла рта и вывих пальца левой руки.

В послужном списке офицера особо отмечено, что с 26 августа по 24 ноября 1916 г. при расположении частей 3-й гвардейской пе-

¹⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 157.

хотной дивизии в районе деревень Шельвов, Войнин, Садово, Белосток Оберюхтин «неоднократно подвергался опасности для жизни со стороны аэропланов противника, почти ежедневно и в большом количестве бросавших бомбы в место расположения штаба дивизии и подвергавших этот район обстрелу из пулеметов, причем вблизи и в самом штабе были убитые и раненые люди и лошади»¹¹. 25 сентября 1916 г. Оберюхтин был вторично контужен в голову у деревни Звиняче при обходе позиции.

Оберюхтин был удостоен ряда боевых наград. 17 ноября 1914 г. за бои под Сольдау 10–16 августа 1914 г. он получил орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 30 ноября за бои под Варшавой с 27 сентября по 9 октября 1914 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, 27 апреля 1915 г. за бои под Лодзью 5–25 ноября 1914 г. – орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, за бои у деревни Хотислав 12 августа 1915 г. – орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, 12 июля 1916 г. за бои на реке Вилии и разведку под Сморгонью 5–11 сентября 1915 г. – орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 12 октября 1916 г. получил мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й степени за бои на Днестре под Журавно, Журавковым и Рагузно с 26 мая по 2 июня 1915 г.¹²

С 7 по 30 января 1915 г. Оберюхтин временно исполнял должность старшего адъютанта оперативного отделения штаба 2-й армии. 22 марта 1915 г. был переведен в Генеральный штаб с назначением обер-офицером для поручений при штабе I армейского корпуса (т.е. с утверждением в ранее занимаемой должности), 31 марта распоряжением штаба Северо-Западного фронта допущен к исполнению должности старшего адъютанта штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии (вступил в должность 13 апреля, утвержден Высочайшим приказом 21 апреля). С 17 по 28 сентября 1915 г. временно исполнял должность старшего адъютанта штаба Гвардейского корпуса.

10 сентября 1915 г. Оберюхтин был произведен в штабс-капитаны со старшинством с 14 июня того же года, а 15 августа 1916 г. стал капитаном также со старшинством с 14 июня 1915 г. Позднее, 21 октября 1917 г., ему был дарован год старшинства в этом чине, но еще

¹¹ Там же. Л. 157об.

¹² Там же. Л. 158об.

15 августа 1917 г. Виктор Иванович получил чин подполковника со старшинством с того же дня.

В 1915–1917 гг. Оберюхтин неоднократно состоял временно исполняющим должность начальника штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии (30 апреля – 11 мая 1915; 4 июня – 10 июля 1915; 28 сентября – 14 октября 1915; 15 января – 7 февраля 1916; 14–18 марта 1916; 20 апреля – 6 мая 1916; 9 мая – 13 июня 1916; 24 ноября – 26 декабря 1916; 31 декабря 1916 – 23 января 1917 и со 2 мая 1917).

Оберюхтин был награжден и Георгиевским оружием. Однако награждение прошло не без сложностей. К награде он был представлен за отличия в бою под деревней Трыстенъ 15 июля 1916 г. Этот бой считается одним из самых ярких сражений Ковельской операции в ходе наступления Юго-Западного фронта летом 1916 г. При штурме Трыстеня особо отличилась 3-я гвардейская пехотная дивизия генерал-лейтенанта В.В. Чернавина, которая с большими потерями прорвала фронт противника¹³. Представление Оберюхтина состоялось 18 августа 1916 г., но 29 сентября было отклонено думой Георгиевской думы. Вторично он был представлен к награде за отличия в боях 12–30 июля 1916 г. под Трыстеном и на Стоходе. Повторное представление состоялось только 3 июля 1917 г. «ввиду выяснения новых важных данных, доказывающих несомненность совершения подвига статутного»¹⁴. Лишь 15 декабря 1917 г., уже после большевистского переворота, вышло постановление петроградской Георгиевской думы о награждении «за то, что с 12-го по 30-е июля 1916 года под дер. Трыстенъ на р. Стоходе, будучи в чине штабс-капитана старшим адъютантом 3-й гвардейской пехотной дивизии, во время подготовительного периода и в течение боев принимал самое деятельное участие, неоднократно производил разведки и рекогносцировки неприятельских позиций, окопов и подступов к ним, тщательно наблюдал за ходом боев и тылом неприятеля из передовых линий и окопов, под сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, подвергая жизнь свою явной опас-

¹³ Подробнее см.: *Трамбицкий Ю.* Штурм деревни Трыстенъ Лейб-гвардии Кексгольмским полком 15 июля 1916 г. // *Военная быль* (Москва). 1998. № 10 (139). С. 13–22.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 158об.

ности, давал верную оценку обстановки боя в докладах начальнику дивизии и начальнику штаба, чем решительно содействовал успеху боя и всеми своими действиями много помог успешному завершению операции полков дивизии»¹⁵. Впрочем, уже на следующий день был обнародован декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах, согласно которому все ордена и знаки отличия отменялись¹⁶.

8 ноября 1916 г. Оберюхтин за бои 1–22 августа под деревней Шельвов и Порском, а также 3, 7, 19, 21–23 сентября, 15–16 октября 1916 г. был представлен к Высочайшему благоволению, однако временно командовавший Особой армией 27 ноября 1916 г. это представление отклонил. Вторичное представление состоялось 1 марта 1917 г., но было возвращено уже в силу падения монархии¹⁷.

С 4 июля 1917 г. офицер занимал пост исполняющего должность помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии, однако по пути к новому месту назначения распоряжением штаба Юго-Западного фронта откомандирован в штаб Западного фронта ввиду назначения помощником начальника отделения управления генерал-квартирмейстера с 22 июля. 26 июля Оберюхтин вступил в исполнение должности помощника начальника оперативного отделения. 23–25 сентября вместе с начальником штаба фронта осматривал позиции частей XXXVIII армейского корпуса к югу от местечка Крево.

С 30 сентября 1917 г. Оберюхтин служил исполняющим должность начальника общего отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта, с 13 ноября 1917 г. – временно исполняющим должность помощника генерал-квартирмейстера штаба фронта с исполнением должности начальника отделения и начальника связи фронта, что стало для него, безусловно, ценным служебным опытом. Интересно, что и в революционной армии у офицера были определенные карьерные успехи. В частности, он стал членом президиума штабного дивизионного комитета 3-й гвардейской пехотной дивизии.

¹⁵ Цит. по: *Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России... С. 383–384.

¹⁶ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 243.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 158об.

В связи с приближением немцев 20 февраля 1918 г. он получил приказ выехать из Минска, причем служащие штаба считались уволенными. Однако в то время Оберюхтин находился на лечении карбункула в минском госпитале и 21 февраля попал в плен. В плену он содержался в Минске и Новозыбкове вплоть до июля 1918 г.

Параллельно с 25 февраля 1918 г. он числился заведующим обучающимися Николаевской военной академии. Дело в том, что еще 22 ноября 1917 г. конференцией академии как ее высшим совещательным органом Оберюхтин был единогласно признан достойным замещения должности штаб-офицера, заведующего обучающимися в академии офицерами.

Факт своего пленения на следствии в 1938 и 1949 гг. Оберюхтин старался не афишировать, утверждая, что сразу попал на службу в РККА. Возможно, делал он это из опасения обвинений в связях с немцами. Впрочем, в автобиографиях того периода он эти сведения изложил, хотя и несколько путано. Согласно одной из автобиографий, 15 апреля 1918 г. он совершил побег из Минска. Но эта версия вызывает сомнения. Более того, окончание побега почему-то обозначено 6 августа 1918 г., когда Оберюхтин находился в Казани¹⁸. В более ранней автобиографии побег из плена датирован 11 июля 1918 г.¹⁹

Достовернее выглядят данные о том, что, возвратившись из германского плена, Оберюхтин 11 июля 1918 г. был направлен через Москву и Казань в Екатеринбург на присоединение к Военной академии. 15 июля 1918 г. Оберюхтин приехал в Казань, где явился в штаб советского Восточного фронта. По всей видимости, прибывшему сообщили, что ехать дальше на восток нецелесообразно ввиду активизации антибольшевистских сил и того, что академия ожидается в самой Казани. Это вполне устраивало Оберюхтина, поскольку в Казани проживали его мать и братья²⁰.

Генштабист был прикомандирован к штабу фронта с исполнением (как первый прибывший сотрудник) обязанностей квартирьера академии, эвакуировавшейся в Казань²¹. Из преподавателей ака-

¹⁸ Автобиография доцента-полковника Оберюхтина В.И. По состоянию к 07.05.1938.

¹⁹ Автобиография Оберюхтина В.И. 26.04.1933.

²⁰ В 1918 г. мать Оберюхтина из Казани уехала в Ижевск к дочери, где и умерла.

демии в Казани также находился А.П. Слижиков. По позднему свидетельству Оберюхтина, «я и преподаватель Слижиков, тоже направлявшийся в академию, были привлечены штабом Вост[очного] фронта к работам по проектированию укреплений Казанского района в качестве начальника инженеров фронта и его помощника»²².

Непосредственно к академии Оберюхтин присоединился по ее прибытии в Казань 1 августа 1918 г., заняв должность заведующего обучающимися офицерами²³. Его оклад за август составил 700 руб.²⁴

Против большевиков

Присоединившись к академии, Оберюхтин разделил судьбу этого военно-учебного заведения. Уже 7 августа Казань была взята чехословаками и Народной армией Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча). Оберюхтин вместе с другими преподавателями и представителями администрации академии оказался в антибольшевистском лагере. Впоследствии, вновь попав к красным, он, разумеется, выдавал свой переход к противникам большевиков за пленение антибольшевистскими силами (более того, утверждал, что был под следствием за службу у красных, хотя документов белых на этот счет не обнаружено), что никак не соответствовало действительному развитию событий. В одной из автобиографий он даже обвинил в этом командующего советским Восточным фронтом И.И. Вацетиса, якобы приказавшего академии оставаться в Казани²⁵. В советских документах Оберюхтина отмечалось, что в РККА он прослужил с 1 по 6 августа 1918 г.²⁶

О взятии Казани Оберюхтин рассказал подробно в специальной справке о своей службе у белых, составленной им 3 июля 1938 г.: «По сдаче данных нам поручений и работ в штаб Вост[очного] фронта, я и Слижиков обратились к своим обязанностям.

²¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 316. Л. 204.

²² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 162.

²³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 236.

²⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 146об.

²⁵ Автобиография Оберюхтина В.И. 15.11.1946.

²⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 4.

Однако, спустя несколько дней по прибытии академии в Казань, а именно 6 августа 1918 года, днем неожиданно, с разных направлений, началась артиллерийская и пулеметная стрельба. В городе началась паника. Никто не знал, что происходит. Направившись в академию, я узнал, что сильный отряд белых, поднявшись вверх по Волге на пароходах, неожиданно появился под Казанью и, окружив ее, перешел в наступление. Личному составу академии было приказано начальником академии (Андогский) оставаться на местах и ожидать распоряжений. Такой же ответ я получил при своем приходе в академию около 16 часов.

Наконец, после 19 часов 6 августа я прибыл в академию в 3-й раз и от находившихся там нескольких слушателей получил подтверждение ранее отданного по академии приказа. Позднее на улицах началась пулеметная стрельба и была сильнейшая гроза. Ночью все стихло. Утром 7 августа, направляясь в академию, я увидел на улицах верховых с белыми повязками. Явившись в академию, я нашел ее в сборе. Начальник академии Андогский объявил, что Казань взята “Народной армией”, что весь штаб Вост[очного] фронта и его учреждения в Казани захвачены отрядом Каппеля, захватившим Казань и золотой запас в ней. Гарнизон Казани (Сербский батальон и др[угие] части) перешел на сторону “Народной армии”, Латышский полк объявил нейтралитет, а потом отступил на запад, Вацетис – бежал в неизвестном направлении. Андогский объявил, что Каппель приказал всей академии немедленно грузиться на пароход и вечером сегодня же отбыть в Самару вместе с золотым запасом»²⁷.

Академия из Казани переехала в Самару – столицу Комитета членов Учредительного собрания, где располагались органы военного управления Народной армии и Комуча. По мнению Оберюхтина, в Самаре академию встретили «с подозрением»²⁸. Уже 14 августа Оберюхтин отправился в распоряжение управляющего Военным ведомством Комуча²⁹, а 16 августа стал исполняющим должность начальника канцелярии Военного ведомства³⁰.

²⁷ Там же. Л. 162–162об.

²⁸ Там же. Л. 162об.

²⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 239.

³⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 215.

В своих показаниях от 25 сентября 1938 г. Оберюхтин сравнительно объективно и подробно свидетельствовал об этом периоде: «10 августа академия прибыла в Самару, где около 10 дней находилась на пристани без разгрузки.

Около 16 августа 1918 г. из состава преподавателей и слушателей было выделено 5 преподавателей и до 10 слушателей для формирования Гл[авного] управления Ген[ерального] штаба. В это число попал и я³¹. Всем указ[анным] лицам приказано перейти в город и приступить к работе, а академия была направлена по жел[езной] дороге в Свердловск³², а оттуда в Томск для продолжения своей учебной работы.

Из оставшихся преподавателей Слижиков распределил всех по должностям и разместил в отведенном здании. Я был назначен начальником одного из отделов Гл[авного] управления Ген[ерального] штаба. Фактически все оставленные начали работу по формированию, но в течение почти месяца эта работа так и не была закончена»³³.

10 сентября 1918 г. Оберюхтин писал начальнику академии генералу А.И. Андогскому из Самары об обстановке, своем положении и взглядах на тот момент: «Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Пользуюсь случаем сообщить Тебе о всех событиях и настроении я самарской жизни и ее обитателей.

Со времени отъезда академии из Самары оставшиеся здесь ее питомцы разбрелись по своим должностям и приступили к работе.

Конечно, работа, как всегда и всюду у нас, велась недостаточно энергично, с трениями, а, самое главное, – отсутствие твердой единой цели, неясность и нерешительность были основной причиной тормоза. Это прозябание имеет место и по сие время. Все ждут результатов Уфимского совещания³⁴.

Полному размаху работы мешало также определенное мнение здешних руководящих кругов, кои обосновали все учреждения государственного масштаба скорее для большей солидности, авто-

³¹ В другом свидетельстве Оберюхтин утверждал, что отбор осуществлялся «по жребию» (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 162об.).

³² Екатеринбург.

³³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 73об.

³⁴ Речь идет о Государственном совещании в Уфе, проходившем в сентябре 1918 г.

ритета и эффекта, чем для пользы дела. Пока мы и сидим здесь в полуразвернутом положении, а в ожидании лучшего будущего ограничиваемся подготовительной работой.

По отходе академического эшелона из Челябинска 26 августа н[ового] ст[иля], я там же на станции встретил ген. [В.Г.] Болдырева. Он сообщил, что не успел прибыть к эшелону вовремя. Из его слов можно заключить, что академия его чем-то обидела, но враждебности и неприязни к Тебе и академическому персоналу в нем не заметил. Он же передал, что ген. [А.Ф.] Матковский чем-то сильно огорчен и принижен³⁵.

Кстати, сегодня в местных газетах напечатано о назначении г[енерала] Матковского комкором Степного.

Со стороны я узнал, что в Сибири ходят слухи о кандидатуре г[енерала] Болдырева на пост всероссийского военного министра. В конце августа он собирался в Уфу на совещание.

Говорят здесь в Самаре про Тебя как кандидата на пост всероссийского военного министра.

7го сентября в Уфу на совещание отбыли самарские представители. Для сопровождения г[енерала] [Н.А.] Галкина назначен подп[олковник] [А.Д.] Сыромятников.

Имеются сведения, что Ты с Аркадием Павловичем³⁶ отбыли также в Уфу.

Все мы абсолютно ничего не знаем о судьбе и существовании академии в Томске. Кормимся исключительно слухами, порою нелепыми и раздутыми. Горячо просим приказать информировать нас. Не нужно ли кого-либо командировать?

Курсовики старшего курса все распределены по должностям в штабах или центральных учреждениях. Курсовики младшего курса – в строевых частях самарского гарнизона. Несут службу хорошо. Некоторые из них взяты в штабы. “Историй” с ними не было. Положение курсовиков в Казани, судя по словам ездившего туда Василия Николаевича Касаткина и прибывших оттуда курсовиков, неважное. Во 1^х – из числа 15 чел., находящихся в Казани, лишь 5

³⁵ Подробнее о ситуации с А.Ф. Матковским см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии... С. 197–199, 209, 213–214, 236–241.

³⁶ Речь идет о полковнике А.П. Слижикове.

состоят на штатных должностях; остальные же – в прикомандировании и несут самые разнообразные поручения вплоть до комендантства и командования ротами и отрядами. Г[енерал] [Г.Д.] Романовский относится к курсовикам очень пренебрежительно и недоверчиво. Отношения его с полк[овником] [А.П.] Степановым натянуты. Курсовики стремятся уйти оттуда, полк[овник] Степанов, по словам их, разрешил всем, не занимающим штатных должностей, отбыть из Казани, но ген. Романовский их удерживает. Телеграммы полк[овника] [Г.В.] Леонова действия не возымели. Пока все остается по-старому не решенным.

Все вообще курсовики крайне заинтересованы своей будущей судьбой, и все спрашивают, когда же и будет ли функционировать академия.

Конечно, ответа им дать не могу, утешаю надеждой и терпением.

Неясность обстановки, неопределенность гнетет нас всех здесь страшно. Все же вместе взятое обращает все наши помыслы к академии, в Сибирь.

Вот разве Уфа даст разгадку ближайшего будущего и развяжет руки.

Повторяю, что работать нельзя, ибо все заведено для бутафории, штаты до сих пор не утверждены; кардинальные вопросы не решены, все тянется и переваливается, а в общем – застой, близкий к началу распада. Нужен сильный и энергичный военный министр вместо г[енерала] Галкина, последний же не подходит к занимаемой роли.

Политическая обстановка по-прежнему неясна. Известно, что союзники перешли к активным действиям на территории России, но это все еще не отражается на нашем положении. Создается впечатление, что нам приходится рассчитывать лишь на свои и чешско-словацкие силы. Это к тому же выгодно для нас. Конечно, возрождение наше требует общих чрезвычайных мер и средств, усилий и воли. Не знаю, хватит ли всего этого, а главное, организации.

Вся надежда опять-таки на Уфу.

Стратегическая обстановка балансирует пока довольно удачно для нас.

В последнее время обострилось положение Казани. Троцкий рвет и мечет под Казанью, ибо, по его словам, “Казань – это вся Советская Россия”. Красные сильно напирают с юга и запада. Операция

[В.О.] Каппеля в тыл красных проводилась блестяще, но в самый разгар боя, “по слухам и рассказам участников”, один батальон Народной армии, прибывший из Самары, частью разбежался, частью перешел к красным. Это свело к нулю достигнутый успех Каппеля, вызвав сильные потери ранеными и убитыми.

Теперь красные заняли весь правый берег Волги и пытаются переправиться у пристаней на левый берег, но отбиваются. Каппель что-то затеял опять. К Казани отовсюду стягивают войска, и, надо думать, Казань отстоят с честью.

Имеются сведения о занятии ст[анции] Котласа англичанами, кои ведут бои в 20 верстах южнее Котласа. На Симбирском и Пензенском направлениях – огонь. Наступления красных ликвидированы. Теперь муссируются слухи о наступлении красных на Симбирск, но никаких явных признаков сего не замечено. 6 сентября н[ового] ст[иля] взят чехами и народоармейцами Вольск. Войска двигаются далее. Судя по радио, ген. [М.В.] Алексеев вышел на линию Балашов – Елань и ведет бой в 20 вер[стах] севернее Балашова. Баку и Красноводск заняты англичанами.

Словом, стратегия пока в безопасности. Настроение общества крайне неопределенное и разное, в общем же пока сравнительно тихо. Сильно работает большевистская агитация, вызвавшая не так давно в Самаре восстание в 3[-м] стр[елковом] полку. Выступление быстро ликвидировано чехами. Двое зачинщиков расстреляны, и все стихло.

Рабочие идут все же за Комитетом членов Учр[едительного] собрания. Возмутительно поведение местных купцов-буржуев. От армии и строя, как всегда, бегут, абсолютно ничем не помогают, спекулируют безумно, в дома свои никого не пускают и держатся в отношении особенно к офицерству – нагло и возмутительно. В деревне – темнота. Все это глубоко печально. Выходит, что кучка офицерства с мелкой интеллигенцией дерется на фронте, гибнет, истекает кровью, нищенствует, а за их спинами – шкурничество, спекуляция, животный страх и алчность.

Так, конечно, продолжаться не может. Нужна твердая власть, и ее страстно ждут после Уфы. Лично мой взгляд, что власть останется за Комитетом членов Учредительного собрания. Конечно, если он станет действовать активно и твердо.

Впрочем, будущее покажет. Для нас важно восстановить армию на новых началах – и это, думаю, не за горами.

Лично у меня – горе большое. В конце августа в боях с большевиками под Казанью убит родной брат – офицер.

За 3 года командования ротой в полку на войне уцелел, а тут пал в первом же бою. Осталась жена с ребенком в Казани. Муж убит, а ей, конечно, никто не поможет – такова судьба каждого из нас, офицера и его семьи! О судьбе трех других братьев, также находящихся в строю под Казанью, – сведений не имею.

Хотел проехать в Казань сам, но теперь нельзя. К довершению всего меня обокрали более чем на 2 тыс. р. Прошу Тебя принять от всех Твоих подчиненных самый горячий привет и наилучшие наши пожелания Тебе здоровья, счастья и успехов!

Жена моя и я шлем Тебе, Александре Петровне³⁷ и всей Твоей дорогой семье наши сердечные пожелания и горячий привет!

Горячо любящий и глубокоуважающий Тебя, Твой В. Оберюхтин³⁸.

В письме прослеживается приверженность Оберюхтина антибольшевистским взглядам. Но, как видим, офицер ошибался во многих своих прогнозах (об удержании Казани, о сохранении власти Комуча и т.д.). При этом у него имелся личный мотив участвовать в Белом движении – месть за погибшего в боях с красными брата.

Дальнейшая карьера Оберюхтина в антибольшевистском лагере на Востоке России была связана со службой в центральных штабах. 26 сентября 1918 г. он занял пост начальника отделения по снабжению и начальника оперативного управления генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, оставаясь на этих постах до 10 октября. Затем перешел на службу в Ставку, став временно исполняющим должность начальника отдела снабжений. В канун омского переворота, 16 ноября 1918 г., Оберюхтин стал исполняющим должность начальника организационного отдела Главного штаба.

В показаниях Оберюхтина от 25 сентября 1938 г. этот период описан следующим образом: «В середине сентября 1918 г. в Уфе образовалось новое правительство – “Директория”, а при нем – штаб Верховного главнокомандующего Болдырева. На формирование

³⁷ Супруга А.И. Андогского.

³⁸ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 10–13об.

этого штаба были вызваны все работники академии, оставленные в Самаре. Я был назначен начальником отдела снабжения этого штаба. Из других преподавателей академии были назначены: Слижигов – пом[ощником] нач[альника] штаба, Сыромятников – генерал-квартирмейстером, Касаткин – начальником военных сообщений.

Работа в Уфе по организации нового штаба продолжалась около полумесяца, а в начале октября 1918 г. штаб Верховного главнокомандующего Болдырева отбыл в Омск вслед за “Директорией”.

В Омске эта работа продолжалась до середины ноября 1918 года, когда сибирскими казаками во главе с их атаманом [П.П.] Ивановым-Риновым “Директория” была арестована, а вместо нее появился “Верховный правитель Колчак”: штаб Верховного главнокомандующего Болдырева был переформирован в Ставку и Главный штаб. Первый³⁹ ведал делами фронта, а Главный штаб – орг[анизационно]-адм[инистративными] вопросами армии.

Я был назначен начальником отдела Главного штаба, тогда как остальные преподаватели остались в Ставке. Туда же были вызваны и назначены на должности из академии б[ывший] начальник академии Андогский и некоторые преподаватели.

В должности начальника отдела Главного штаба в Омске я пробыл до 25 мая 1919 г.»⁴⁰.

20 апреля 1919 г. Оберюхтин был произведен в полковники. Старшинство было установлено с 6 августа 1918 г. – т.е. с самого начала его службы в антибольшевистском лагере. По мнению курсовика Н.Н. Нелавицкого, изложенному в письме к генералу А.И. Андогскому от 19 февраля 1919 г., Главный штаб – «орган, не успевающий идти правильным темпом за быстрым течением событий. Причина этому кроется, конечно, в Марковском, человеке неширокого масштаба, честолюбивом “шкурнике”, сумевшем хитростью (а она у него не мала!) взять в руки безвольного Степанова. Единственно энергичными, действительно талантливыми помощниками – Оберюхтиным и Клерже – Глав[ный] штаб и держится!»⁴¹ Речь шла о начальнике Главного штаба генерал-лейтенанте В.И. Марковском, военном

³⁹ Так в документе.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 73об.–74.

⁴¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.

министре генерал-майоре Н.А. Степанове и помощнике начальника Главного штаба полковнике Г.И. Клерже.

Впрочем, энтузиазм Оберюхтина наталкивался на присущие белым штабам рутинерство и бюрократизм. По свидетельству генерала для поручений при Верховном главнокомандующем адмирале А.В. Колчаке К.В. Сахарова, исполнявшего обязанности по инспектированию всех формирований и школ подготовки младшего командного состава, «многоэтажные здания, полные офицеров и чиновников, работали также очень много и усердно; писали из одного отделения в другое и в Ставку отношения, составляли проекты, доклады и объяснительные записки. Как один из многих примеров, мне показывал начальник организационного отдела полковник Оберюхтин... проект о подготовке офицеров и унтер-офицеров, составленный вначале не только жизненно, но даже талантливо. Три месяца этот проект ходил от стола к столу, и за это время образовался объемистый том. На первом проекте была резолюция военного министра: “Доложить и пересоставить”. На втором, пересоставленном, стояло указание согласовать с такими-то статьями такой-то книги прежних законоположений. Затем шли третий, четвертый, пятый, шестой варианты доклада и объяснительные записки с объемистыми резолюциями; наконец, на последнем красовалась надпись начальника Главного штаба: “Повременить!”»⁴²

Неудивительно, что при такой нездоровой обстановке Оберюхтин стремился на фронт. В процитированном выше письме Н.Н. Нелавицкого к А.И. Андогскому отмечалось, что у Оберюхтина «положение в Гл[авном] штабе прочное, но он не хочет оставаться и собирается на фронт, т.к. с Марковским служить иногда бывает не под силу»⁴³.

Намерение удалось осуществить благодаря поддержке генерала К.В. Сахарова, занявшего 20 мая пост начальника штаба Западной армии, а 22 июня ставшего ее командующим. Как вспоминал генерал Г.И. Клерже, «появлялся иногда на омском горизонте и генерал К.В. Сахаров... Во время этих наездов в Омск генерал К.В. Сахаров нередко заходил в Главный штаб, где и познакомился более близко

⁴² Сахаров К.В. Белая Сибирь: Внутренняя война, 1918–1920. Мюнхен, 1923. С. 55–56.

⁴³ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 60. Л. 5–5об.

с полковником Оберюхтиным, заведывавшим организационным отделением»⁴⁴. 25 мая 1919 г. Оберюхтин был назначен исполняющим должность генерал-квартирмейстера штаба Западной армии⁴⁵.

Сахаров вспоминал: «Уже при ознакомлении по материалам, имевшимся в Ставке, с состоянием Западной армии, ее положением, с последними данными о противнике и с ходом операции, стало вырисовываться много ненормального; было ясно, что работа штаба армии оставляла желать многого; приходилось исподволь и там ввести тот же метод работы, жизненный и живой, без которого немыслим полный успех ни в каком деле.

Пригласив с собою ближайшим помощником полковника Оберюхтина из Главного штаба, я через день выехал в Уфу»⁴⁶. По дороге спутники знакомились с положением тыла армии, сделав остановки в Кургане и Челябинске. После назначения Сахарова командующим Оберюхтин 26 июня занял пост начальника штаба армии. 14 июля армия была переименована в 3-ю.

В показаниях Оберюхтина, данных на следствии в 1938 г., читаем: «25 мая 1919 г. в Главный штаб явился для поручений при Колчаке Сахаров, который объявил мне, что он назначен командармом вместо [М.В.] Ханжина, а его начальником штаба назначен я, согласно предложения Андогского и некоторых слушателей, знавших меня.

Сахаров объявил, что приказ уже есть и я должен вечером 25 мая уже отбыть с ним в 3[-ю] армию»⁴⁷. Мой отказ и просьба оставить меня на прежней должности Сахаровым были отклонены. Пришлось подчиниться. Сахарова я до того времени не знал вовсе.

С 27 мая до 10 июня 1919 г. шла приемка должностей в 3[-й] армии, а вслед за тем шла работа по отводу и отходу белых армий с Урала на восток.

В должности наштарма 3 я пробыл до середины ноября 1919 г. (5½ мес[яцев])»⁴⁸.

⁴⁴ Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Мукден, 1932. Ч. 1. С. 152.

⁴⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 353.

⁴⁶ Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 96–97.

⁴⁷ Так в документе. Правильно – в Западную армию.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 74об.

Судя по имеющимся документам, Оберюхтин в тот период в основном передавал в войска распоряжения командарма, оставаясь техническим исполнителем. На этом посту, сам того не ведая, он помог передаче через линию фронта красным секретного документа, поскольку санкционировал перевод машиниста штаба А.И. Анисимова, являвшегося советским агентом, на фронт⁴⁹. Интересно и то, что позднее, уже будучи преподавателем Военной академии РККА, Оберюхтин 3 октября 1921 г. на заседании военно-научного общества при академии участвовал в двустороннем докладе с красным генштабистом Я.М. Дворкиным «Операция 5-й Красной армии против армии ген.⁵⁰ Колчака от р. Tobol до озера Байкал». Дворкин представлял 5-ю армию красных, а Оберюхтин – 3-ю армию белых⁵¹.

Издававшиеся за подписями Сахарова и Оберюхтина приказы войскам 3-й армии касались самых разных вопросов. Среди них и организация борьбы с партизанским движением в тылу. Именно таким был суровый приказ № 687 от 12 сентября 1919 г., предписывавший войскам находиться в полной боевой готовности на случай нападения партизан, всем иметь при себе оружие, готовое к применению в любой момент, расстреливать партизан на месте без суда и заложников через десятого, а также уничтожать населенные пункты в случаях массового сопротивления.

Текст приказа был следующим: «В течение настоящей операции армии выяснилось, что в некоторых селениях красными, под видом жителей, составлялись особые отряды, иногда с пулеметами, скрытые в домах, подвалах, скирдах, огородах, церквях и проч., которые, по прибытии и расположении наших частей, обычно ночью, производили внезапные нападения на наши войска. Были случаи, когда такие нападения устраивали местные большевики. Дабы раз [и] навсегда покончить с подобным предательством и избавить войска от тяжелых положений, приказываю:

1) Всем частям, управлениям и учреждениям армии быть всегда в полной боевой готовности ко всякого рода нападениям со стороны вооруженных предателей и мерзавцев.

⁴⁹ Бударин М.Е. Были о чекистах. Омск, 1976. С. 53.

⁵⁰ Так в документе.

⁵¹ Красная армия. Вестник военно-научного общества при Военной академии. 1921. Октябрь. № 5–6. С. 85.

2) Строжайше выполнять требования сторожевой и вообще охранной службы, особенно мер непосредственного охранения войск в каждом селении, доме и месте расположения.

3) Чаще проверять несение этой службы самими начальниками или командированными лицами с подробными практическими личными указаниями на местах.

4) В каждом пункте расположения войск, в каждом доме назначать особо ответственных за бдительность и правильность несения сторожевой службы лиц.

5) Каждый воинский чин должен быть всегда и всюду с присвоенным ему оружием, годным в любую минуту к действию.

6) В каждой части и пункте иметь всегда готовыми к бою дежурные части, пулеметы и орудия.

7) При всяком расположении войска назначать сборные места вне населенных пунктов, куда, в случае тревоги или нападения, должны спешно собираться все чины для отражения и ликвидации нападения. Таких сборных мест должно быть два-три, дабы, при невозможности прибытия на одно, можно собраться на другом.

8) Предварительно занятия всякого селения производить разведку его особыми патрулями, а по прибытии части немедленно производить подробнейший осмотр всего населения и его окрестностей, проверяя документы и спрашивая местное население о наличии оружия и разбойных банд.

9) Перед расположением части в каждом селении вызывать старосту или оставшихся жителей и опрашивать их о наличии большевиков или спрятанного оружия, предупреждая, что за всякое предательство будет произведена суровая расправа. При надобности брать заложников.

10) В случае проявления единичного предательства со стороны граждан, виновных немедленно, без суда, расстреливать на месте, имущество преступника конфисковать в пользу казны или уничтожать; при массовом предательстве местного населения или укрывательстве большевиков-предателей, селения немедленно окружать и виновных, выданных жителями, немедленно расстреливать на месте, а их имущество конфисковать или уничтожать; в случае отказа от выдачи виновных расстреливать заложников или жителей через десятого. В случаях массового выступления жителей с оружием в ру-

ках против армии, такие населенные пункты немедленно окружать, всех жителей расстреливать, а самое селение уничтожать дотла.

11) Настоящий приказ объявлять всюду, прочитывая его перед сходом или через местные власти, старшин, старост и т.д.»⁵². Данных о применении этого приказа на практике в нашем распоряжении нет, однако подобными методами с партизанами боролись все стороны Гражданской войны. Документ был захвачен красными и использовался ими в печати для дискредитации белых. Впоследствии он был инкриминированOberюхтину в период массовых репрессий 1930-х гг.

Новый виток карьеры Oberюхтина пришелся на осень 1919 г. 13 сентября приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего «за отличия в делах против неприятеля»⁵³ он был произведен в генерал-майоры, получив генеральский чин в 31 год. 10 октября 1919 г. белыми была образована Московская группа армий во главе с генерал-лейтенантом К.В. Сахаровым, который взял к себе и своего прежнего начальника штаба. В группу армий вошли 3-я и Оренбургская армии (переименована из Южной армии 18 сентября 1919 г.⁵⁴), а также Степная группа⁵⁵. Впрочем, громкое название не привело к успеху. Тем более что наступили холода, а войска не были обеспечены зимним обмундированием.

Наконец, когда Сахаров 4 ноября 1919 г., незадолго до сдачи Омска, стал главнокомандующим Восточным фронтом, он вновь перевел Oberюхтина на должность начальника штаба при себе. Тогда Oberюхтин (по оценке генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева, «совершеннейший младенец»⁵⁶) приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака № 225 от 8 ноября 1919 г.⁵⁷ сменил опытного генерал-майора П.Ф. Рябикова.

⁵² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 142. Л. 220–220об. С некоторыми неточностями опубликовано в: Колчаковские документы // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. 04.12. № 276 (469).

⁵³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 142. Л. 253–253об.

⁵⁴ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 98.

⁵⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 645.

⁵⁶ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири, 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 93.

⁵⁷ РГВА. Ф. 39499. Оп. 2. Д. 30. Л. 85.

По ироничному наблюдению генерала Г.И. Клерже, «этот “выдвиженец”, которого почему-то генерал К.В. Сахаров выдвинул с такой молниеносной быстротой из скромных начальников отделений на высокую должность начальника штаба главнокомандующего Восточным фронтом, передался на сторону большевиков раньше, чем несчастная армия успела отойти от Омска до линии станции Тайги и Томска...»⁵⁸ На самом деле Клерже погрешил против истины, поскольку Оберюхтин сдался в плен под Красноярском.

Далее Клерже характеризовал Оберюхтина следующим образом: «Полковник⁵⁹ Оберюхтин был скромный молодой офицер Генерального штаба, горячий работник и фантаст быстрых решений, но... со слабой личной волей и панической душой. Пока невелика была ответственность маленького штабного работника, он казался “титаном” энергии и в таком виде, очевидно, произвел благоприятное впечатление на генерала К.В. Сахарова, который тоже имел довольно ретивый характер.

Однако тот же полковник Оберюхтин оказался жалким птенчиком в момент, когда на него “навалили” не по плечу грандиозную ответственность и предоставили его самому себе в омуте паники и в общей прострации расстроенного управления армией.

Причем армия эта уже фактически перепуталась с дезорганизованным до крайности тылом. Трудно было не растеряться в этой обстановке и весьма опытному военачальнику и администратору. Еще труднее было, конечно, решение такой задачи для неуверенного в своих силах и опыте полковника Оберюхтина...

Как натура неустойчивая он, вероятно, быстро впал в свою собственную волевою прострацию и, видя неизбежность полной катастрофы, не нашел иного для себя решения, как перейти на сторону... большевиков.

И таких, как Оберюхтин, было немало, к сожалению, на белом Сибирском фронте»⁶⁰. Клерже, как и другие участники Белого движения, ушедшие в эмиграцию, не мог простить офицерам, попавшим в плен к красным, сдачу с последующим поступлением на службу

⁵⁸ Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Ч. 1. С. 146.

⁵⁹ Так в документе. Правильно – генерал.

⁶⁰ Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Ч. 1. С. 146.

в РККА. Этим и обусловлена ядовитая характеристика. Рассуждая о «совсем юном»⁶¹ офицере и именуя Оберюхтина полковником, Клерже, несомненно, кривил душой, поскольку Оберюхтин являлся генералом и был моложе самого Клерже лишь на четыре года, а Сахаров был старше Оберюхтина только на шесть лет.

Далее Клерже рассуждал о кадровом решении Сахарова: «Неудачный выбор им начальника штаба в лице полковника Оберюхтина нельзя серьезно ставить в вину этому генералу. По этому выбору, который был, несомненно, сделан под горячую руку, когда рассуждать уже не было времени, можно только сделать заключение, что генерал К.В. Сахаров, сам будучи огненно живым человеком, в этот момент думал, что в Оберюхтине, хотя и слишком молодом, он нашел достаточную для своих тогдашних настроений гармонию.

Со временем он в этом скоро разобрался бы и смог бы снова взять себе помощника более опытного и достойного»⁶².

На самом деле все обстояло совсем не так, и попытки оправдать Сахарова выглядят неубедительно. Оберюхтин являлся давним и ближайшим его сотрудником на протяжении многих месяцев. Сахаров не скрывал своего восторженного отношения к помощнику, который запомнился ему как «человек, весь горевший желанием работать, приносить пользу и делать живое дело»⁶³.

В показаниях 1938 г. Оберюхтин отмечал: «В начале ноября 1919 г. Колчак объединил управление всех фронтов в своих руках и его Ставки. На севере Сибири три белые армии были объединены [М.К.] Дитерихсом, который к середине ноября 1919 года был заменен Сахаровым.

Последний, за 3 дня до оставления белыми Омска, вызвал меня в Омск для вр[еменного] и[сполнения] д[олжности] его начальника штаба. Прибыв в Омск, я нашел его в состоянии эвакуации, почему далее пришлось следовать на восток в эшелоне Сахарова»⁶⁴.

⁶¹ Там же. С. 153.

⁶² Там же.

⁶³ Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 55.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 74об.

Сознавая возможную ответственность за свои действия у белых, Оберюхтин в 1938 г. показал, что «по должности наштарма и наштафронта при Сахарове мне приходилось скреплять все приказы оперативного характера, которые подписывались и утверждались командармом Сахаровым.

Все эти приказы имелись в моем деле и были приняты в расчет при решении моего дела ВЧК по Сибири. За всю мою работу в белой армии я был осужден и отбывал наказание в омской тюрьме в 1920 г.»⁶⁵.

По свидетельству генерала С.А. Щепихина, 5 ноября Оберюхтин «читал по записке доклад о положении на фронте: все выходило очень успокоительно, но мало походило на правду»⁶⁶.

Однако уже происходил развал колчаковского фронта, находившегося в непрерывном отступлении⁶⁷. Разложение белых армий прогрессировало по мере ухудшения обстановки на фронте, затронув даже высший командный состав. 9 декабря 1919 г. командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев с братом, колчаковским премьер-министром В.Н. Пепеляевым, будучи недовольны неумелым, по их мнению, руководством Сахарова, сместили его с должности и арестовали на станции Тайга⁶⁸. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак, не располагавший тогда реальной силой, был вынужден смириться с такими действиями. Сахаров освобожден из-под ареста уже вечером следующего дня, но был формально уволен от должности по болезни с назначением в распоряжение Колчака. Место Сахарова занял генерал-лейтенант В.О. Каппель. До прибытия Каппеля временным главнокомандующим армиями Восточного фронта буквально на трое суток стал Оберюхтин⁶⁹. Каппель не оставил Оберюхтина при себе – начальником штаба фронта стал генерал-майор Б.П. Бо-

⁶⁵ Там же. Л. 76.

⁶⁶ НИА. С.А. Shcherikhin papers. Box 1. Дневник генерала русской службы С.А. Щепихина, бывшего начальника штаба войск белых армий в период Ледяного похода через Сибирь. С. 8.

⁶⁷ Подробнее см.: Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 296–304.

⁶⁸ Сахаров К.В. Белая Сибирь. С. 405–406, 485.

⁶⁹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 75. Л. 101.

гословский. В этой связи последней должностью Оберюхтина у белых оказалась малозначительная в той обстановке должность инспектора школ и пополнений Восточного фронта, каковую он занял 11 декабря⁷⁰.

В плену

29 декабря 1919 г. на станции Ачинск произошел мощный взрыв, разрушивший несколько стоявших на станции эшелонов. В результате взрыва у Оберюхтина, находившегося в одном из эшелонов, пострадала супруга, а его преемник на посту начальника штаба фронта генерал Богословский был ранен. По свидетельству генерала Г.И. Клерже, «на обоих этот взрыв и его последствия произвели такое неизгладимо тягостное впечатление, что они, уже тогда, открыто говорили о невозможности дальнейшего сопротивления большевикам и о необходимости прекращения против них вооруженной борьбы. Все тогда почему-то были уверены, что ачинский взрыв был организован или тайными агентами большевиков, или партизанами... Однако имеются полные основания утверждать, что это дело было следствием небрежного обращения с минами, которые на станции Ачинск перегружали из одного вагона в другой»⁷¹.

Очевидно, дальнейшее движение по тайге при сложившихся обстоятельствах генерал считал невозможным. Как отмечал впоследствии он сам, «Сахаров и др[угие] лица под Красноярском пересели из поездов на сани и уехали на восток. Я же отказался ехать далее на восток и служить добровольно в белой армии, почему перебрался из поезда в Красноярск, где ожидал прибытия частей 5-й красной армии»⁷².

5 января 1920 г. по прибытии в Красноярск Оберюхтин с большой группой старших офицеров колчаковских войск добровольно перешел на сторону красных, прибыв в штаб 5-й армии для регистрации. Позднее свой переход на сторону красных он датировал 4 января 1920 г.⁷³ Вскоре он заболел воспалением легких.

⁷⁰ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 67, 70, 72–72об.

⁷¹ Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Ч. 1. С. 181.

⁷² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 163об.

⁷³ Там же. Л. 18.

О последнем периоде службы у белых Оберюхтин свидетельствовал в показаниях 1938 г.: «Отход белых продолжался стихийно и безостановочно. В середине декабря 1919 г. штаб Сахарова прибыл в Новониколаевск (Новосибирск), где произошло выступление Пепеляева (сибиряков) с целью ареста Колчака, но окончилось неудачей.

Вслед за тем на ст[анции] Тайга тем же Пепеляевым был арестован Сахаров с требованием передать управление Каппелю. Это требование Сахаровым было выполнено. С этого времени закончилась и моя работа в штабе Сахарова. Далее я следовал в том же эшелоне на восток почти до Красноярска. 25 декабря 1919 года Каппель объявил белую постоянную армию демобилизованной, а вместо нее объявил набор в добровольческую армию. Считая себя этим приказом освобожденным от службы в белой армии, я отказался от дальнейшего следования на восток и остался в Красноярске до прибытия 5[-й] Красной армии»⁷⁴.

Генерал Оберюхтин попал в плен к частям 5-й армии, состоял на учете штаба армии и коменданта Красноярска (с 5 января по 7 марта 1920 г.), а 25 января уже давал показания⁷⁵. К 4 февраля 1920 г. его зарегистрировали в разведывательном отделе штаба армии наряду с другими генштабистами⁷⁶. Арестован он был 7 марта 1920 г. по ордеру Особого отдела при 5-й армии и содержался в красноярском доме лишения свободы⁷⁷.

21 марта 1920 г. с эшелонном пленных офицеров Генерального штаба он был направлен в Москву. Однако 27 марта, по прибытии в Омск, Оберюхтина направили в распоряжение представителя ВЧК по Сибири с содержанием под стражей в губЧК. В таком положении он находился до 10 мая, когда был переведен в распоряжение ВЧК по Сибири. За службу белым постановлением коллегии при ВЧК по Сибири от 20 июля 1920 г. Оберюхтина приговорили к заключению

⁷⁴ Там же. Л. 75.

⁷⁵ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1094. Л. 102–106об.

⁷⁶ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 75.

⁷⁷ Данные об аресте В.И. Оберюхтина в январе 1920 г. в Красноярске либо 03.02.1920 Омской губЧК (РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 1165. Л. 60; Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007) представляются недо-
стоверными.

в доме лишения свободы на пять лет с принудительными работами и применением амнистии. Однако на свободу он вышел не сразу.

21 ноября 1920 г. бывший генерал был переведен в омский губернский дом лишения свободы, где находился на принудительных работах до 27 ноября, когда по ноябрьской амнистии был направлен в представительство ВЧК при Сибревкоме. Затем 8 декабря председателем ВЧК по Сибири И.П. Павлуновским он был направлен в распоряжение помглавкома по Сибири, а уже 15 декабря откомандирован в Москву в распоряжение Всероссийского Главного штаба, куда прибыл 23 декабря.

В показаниях 1938 г. свои мытарства после пленения он изложил следующим образом: «4 января 1920 г. я явился в штаб 5[-й] армии для регистрации, а спустя 2 недели был арестован и содержался сначала в красноярской тюрьме, а затем в губЧК Омска. Там же я был судим ВЧК по Сибири и за службу у белых приговорен к 5 годам заключения в тюрьме. Наказание отбывал в омской тюрьме до 27 ноября 1920 года, когда был освобожден по амнистии Сибревкома.

Вслед за тем я был пред[ставителем] ВЧК по Сибири направлен в распоряжение помглавкома по Сибири, а оттуда 15 декабря 1920 г. командирован в распоряжение Всероглавштаба – в Москву.

Последний направил меня в Военную академию РККА⁷⁸ на должность преподавателя⁷⁹. Но лишь 28 декабря 1921 г. Оберюхтин был реабилитирован прокуратурой Омской области⁸⁰.

Преподаватель и тайный осведомитель

Так Оберюхтин поступил на службу в РККА, где проявил себя с самой лучшей стороны. 20 января 1921 г. после месячной проверки ВЧК он был откомандирован в распоряжение начальника академии

⁷⁸ Так в документе. Правильно – в академию Генерального штаба РККА.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 75.

⁸⁰ Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России... С. 384.

Генерального штаба РККА (с 5 августа 1921 г. – Военной академии РККА) для назначения. Бывший генерал вернулся к привычной работе. С 21 января 1921 г. заведовал обучающимися слушателями. 18 февраля 1921 г. он был единогласно утвержден конференцией академии руководителем групповых практических занятий по тактике, военной администрации и военной топографии, а с 1 января 1922 г. получил назначение помощником начальника учебного отдела и стал штатным групповым лектором. С 1 октября 1922 г. Оберюхтин являлся руководителем практических занятий по стратегии и тактике с одновременным исполнением по совместительству должности помощника начальника учебного отдела. 1 июля 1923 г. его освободили от должности группового руководителя. 3 января 1924 г. Оберюхтин стал помощником начальника учебного отдела с отнесением к категории командного состава К-10. В разное время замещал начальника учебного отдела. Преподавателем двух академий он проработал более семнадцати с половиной лет, до своего ареста в 1938 г. Вел занятия по тактике, оперативному искусству, военной истории и географии.

Впоследствии в показаниях сотрудникам НКВД от 26 августа 1938 г. Оберюхтин сообщал об этом периоде: «После отбытия наказания при ОГПУ [ВЧК] по Сибири я в декабре 1921 г.⁸¹ прибыл в Москву, где Всероглавштабом был назначен преподавателем Военной академии РККА с одновременным исполнением должности пом[ощника] начальника учебного отдела.

Начальником академии в это время был [А.Е.] Снесарев, а преподавательский состав состоял сплошь из старых военных специалистов. Все они были настроены к советской власти или индифферентно, или с неудовольствием, а некоторые – просто враждебно»⁸².

О преподавателях академии на следствии в 1938 г. Оберюхтин отзывался уничижительно: «Снесарев... возглавлял весь преподавательский состав и давал ему, а равно и всему преподаванию в академии уклон, оторванный от жизни армии; он проводил методы устаревшего лекционного преподавания, давно отжившего свой век... Изображая из себя непогрешимых жрецов, преподаватели от-

⁸¹ Так в документе. Правильно – 1920 г.

⁸² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 18об.

носились к слушателям свысока, а некоторые – третировали их»⁸³. Разумеется, это было неправдой. Как и утверждения о том, что возглавивший академию М.Н. Тухачевский якобы был уже тогда «скрытым врагом народа»⁸⁴. Себя же Оберюхтин пытался представить простым исполнителем: «Что касается моей работы в академии, то я слепо выполнял все указания, даваемые мне моими начальниками – [К.И.] Бесядовским и [Е.А.] Шиловским»⁸⁵.

В показаниях от 16 сентября 1938 г. Оберюхтин уже в более спокойном тоне отметил: «По прибытии в Москву в конце 1920 года я был назначен преподавателем Военной академии РККА⁸⁶ с одновременным исполнением должности пом[ощника] начальника учебного отдела. Фактически к работе я приступил с 20 янв[аря] 1921 г., т.к. месяц почти ушел на запрос о возможности допуска меня (в ОГПУ⁸⁷) к указанной работе.

Первые 9 месяцев (до августа 1921 г.) я знакомился с ходом дела и постановкой учебы, а равно [с] исполнением обязанностей по учебной части. Среди преподавателей я нашел сплошь старых специалистов (список указан отдельно). Все они были настроены антисоветски, во главе с начальником академии Снесаревым, и по существу представляли к[онтр]р[еволюционную] организацию. Сам Снесарев при моем поступлении в академию говорил, что все преподаватели живут дружно, одним желанием и стремлением сохранить свое руководящее положение в академии, готовить из слушателей кадры для армии, что все слушатели – бывшие офицеры, а потому должны воспитываться в духе защиты России как единая семья... Работа преподавательского состава академии проходила в группах, в виде практических занятий. Все указания по работе давал Снесарев на совещаниях преподавателей или на конференциях академии, которые происходили обычно без присутствия комиссара академии, почему на этих совещаниях Снесарев мог свободно вести свою к[онтр]р[еволюционную] работу среди преподавателей, на-

⁸³ Там же. Л. 19.

⁸⁴ Там же. Л. 19об.

⁸⁵ Там же. Л. 20.

⁸⁶ Так в документе. Правильно – академии Генерального штаба РККА.

⁸⁷ Так в документе. Правильно – ВЧК.

строенных антисоветски»⁸⁸. Разумеется, высказывания о контрреволюционной работе были вымыслом в интересах следствия 1938 г. По словам Оберюхтина, «слушательская масса обрабатывалась как офицерский состав в духе старой корпоративной касты офицеров Генштаба»⁸⁹. С учетом реалий красной академии того периода с этим суждением можно согласиться.

Якобы летом 1921 г. Снесарев «затеял целую склоку против комиссара академии»⁹⁰. Едва ли можно признать справедливыми заявления Оберюхтина на следствии, что Снесарев намеренно направил за границу в 1921 г. преподавателей академии Д.К. Лебедева и Я.К. Циховича для установления связей с контрреволюционерами за рубежом⁹¹. Если верить этим показаниям, контрреволюционеры в академии продолжили активную работу и при следующем ее начальнике М.Н. Тухачевском. Последний привлек в академию ряд своих сотрудников по Западному фронту: П.И. Ермолина, Н.Е. Какурин, К.П. Невежина, Н.Н. Шварца, Е.А. Шиловского (В.И. Оберюхтин также упомянул Н.Е. Варфоломеева, Г.Д. Гая, А.И. Кука, В.А. Меликова и Е.Н. Сергеева, однако проверка их служебных данных показала, что в академию они попали не при Тухачевском)⁹². Старые генштабисты якобы попали под влияние Тухачевского.

В академии Оберюхтина ценили, но статус бывшего белого офицера постоянно его преследовал. В краткой аттестации за 1922 г. отмечалось: «Дельный работник, был у белых»⁹³. В послужном списке Оберюхтина, составленном к 18 ноября 1921 г., отмечалось, что у белых он находился в плену⁹⁴.

Попытки сняться с особого учета, которому подлежали бывшие белые офицеры в Советской России, предпринимались Оберюхтиным неоднократно. В октябре 1923 г. ходатайство бывшего генерала поддержал помощник комиссара академии, сообщавший начальнику Особого отдела ГПУ: «Помощник н[ачальни]ка учебного отдела

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 37–37об.

⁸⁹ Там же. Л. 38.

⁹⁰ Там же. Л. 38об.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. Л. 39об.

⁹³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186. Л. 15.

⁹⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 316. Л. 206.

Оберюхтин Виктор Иванович подал ходатайство о снятии его с учета бывших белых офицеров.

Поддерживая целиком ходатайство т. Оберюхтина, как чрезвычайно ценного в учебном и учебно-техническом отношении военного специалиста, с одной стороны, и добросовестнейшего работника, совершенно лояльного по отношению к советской власти, прошу Вашего заключения по существу поданного т. Оберюхтиным ходатайства, для направления его в соответствующую инстанцию»⁹⁵. Однако в январе 1924 г. в этом было отказано, поскольку Особый отдел ГПУ дал отрицательное заключение⁹⁶.

Чтобы добиться желаемой цели, Оберюхтин всячески пытался смягчить факты своей службы белым в послужном списке. Например, указывал, что стал генералом при их массовом производстве, а производство в чин полковника у белых скрыл. Кроме того, он не указывал, что занимал высокую должность начальника штаба всего Восточного фронта белых, а просто сообщал о некоем фронте. Отмечал вынужденный характер своей службы белым, поскольку якобы был насильно мобилизован⁹⁷.

Приведу рапорт помощника начальника Военной академии РККА по учебной части Е.А. Шиловского и помощника комиссара академии начальнику академии от 21 ноября 1924 г. о снятии с учета Оберюхтина: «В декабре 1924 года исполняется 4 года пребывания Виктора Ивановича Оберюхтина на должности помощника начальника учебного отдела Военной академии РККА.

За эти 4 года, которые были для академии годами напряженной работы и искания новых путей в преподавании, Виктор Иванович Оберюхтин успел проявить себя со всех сторон, и в настоящее время является возможность сделать правильную оценку его как техника-специалиста и как советского гражданина.

Что касается первого, то нет почти ни одной области в учебной работе академии, где не обнаружилась бы кипучая энергия, большие знания, опыт и ясный ум тов. Оберюхтина.

⁹⁵ Там же. Л. 199.

⁹⁶ Там же. Л. 198.

⁹⁷ Там же. Л. 204об.

Неоднократно оставаясь на продолжительное время за начальника учебного отдела, он прекрасно справлялся с любыми заданиями учебного характера, проявляя исключительную работоспособность, настойчивость и добросовестность.

Всей своей деятельностью за эти 4 года В.И. Оберюхтин тесно связал себя с Красной армией и с советской действительностью.

Несомненно, что в лице его республика имеет не только обычного лояльного гражданина, но искренно преданного человека, с исключительной энергией работающего на ответственном посту над подготовкой красных военспецов.

Ходатайствуем о снятии В.И. Оберюхтина с учета бывших белых офицеров»⁹⁸.

Заместитель начальника и комиссар академии Р.А. Муклевич написал на обороте этого же документа 22 ноября 1924 г.: «Усиленно ходатайствую по существу докладной записки нач[альника] и комиссара учебного отдела.

Тов. Оберюхтин вполне заслуживает быть снятым с учета б[ывших] белых офицеров»⁹⁹. Заместитель председателя РВС СССР М.В. Фрунзе наложил ниже резолюцию: «Согласен»¹⁰⁰. Лишь в декабре 1924 г. усилия увенчались успехом, и 19 декабря Оберюхтина с особого учета сняли, о чем было сообщено по месту его службы¹⁰¹. Со стороны ОГПУ возражений не было¹⁰².

По аттестации помощника начальника академии по учебной части Е.А. Шиловского за 1925 г., Оберюхтин «энергичный, с большой инициативой, очень способный работник.

Хорошо образован в военном отношении. Отлично разбирается в военных и учебно-научных вопросах. Обладает исключительной работоспособностью.

Имеет большой боевой и учебно-педагогический опыт.

Умеет свои знания применять практически, очень быстро и сноровисто справляясь с любым заданием учебного характера.

Дисциплинирован. Самостоятелен. Хороший товарищ. Здоров.

⁹⁸ Там же. Л. 194об.

⁹⁹ Там же. Л. 194.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Л. 187.

¹⁰² Там же. Л. 190.

В политическом отношении вполне лоялен.

В общем – прекрасный работник во всех отношениях. Достоин выдвижения на высшую должность по линии учебной и военно-научной работы.

Нуждается в стажировке в строевых частях армии»¹⁰³.

Аттестационная комиссия в феврале 1926 г. отметила большой интерес преподавателя к общественной жизни и работе. Начальник академии Р.П. Эйдеман написал, что Оберюхтин может быть выдвинут на должность начальника штаба корпуса по стажировке. В июле того же года Оберюхтин прошел переаттестацию на соответствие занимаемой должности начальника штаба корпуса.

В 1926 г. оставили в силе аттестацию предыдущего года. Шиловский добавил, что Оберюхтин «имеет отличную военную подготовку и обладает большими способностями в оперативном отношении»¹⁰⁴. По этой аттестации Оберюхтин был достоин выдвижения по учебно-административной линии на должность начальника учебного отдела академии, по научно-педагогической линии – на должность старшего руководителя по кафедре тактики, а по войсковой линии – на должность начальника штаба корпуса. С 1 ноября 1926 по 1 июля 1928 г. Оберюхтин возглавлял учебно-лабораторную часть академии, затем стал преподавателем Основного факультета.

Положение бывших белых офицеров в РККА было крайне шатким. Неудивительно, что сотрудники ОГПУ смогли завербовать Оберюхтина, сделав его тайным осведомителем. В материалах следствия 1938 г., напоминая об этом обстоятельстве, Оберюхтин пытался добиться особого порядка расследования своего дела: «С 1926 года мне было предложено уполномоченным ОГПУ т. Никольским давать сводки о работе в академии и о характеристике различных работников академии, что мною и выполнялось до дня моего ареста»¹⁰⁵. В других, вполне достоверных, показаниях Оберюхтин писал об этом: «Параллельно с указанной работой [в академии] я выполнял возлагаемые на меня задания ОГПУ – НКВД, сначала эпизодически, а

¹⁰³ Аттестация на В.И. Оберюхтина за 1925 г.

¹⁰⁴ Аттестация на В.И. Оберюхтина за 1926 г.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 20–20об.

с 1926 года до 1938 года – непрерывно, по указаниям уполномоченных НКВД при академии»¹⁰⁶.

«Как зарекомендовавший себя плодотворной педагогической и научной деятельностью», на основании постановления Высшей аттестационной комиссии при РВС СССР от 14 марта 1928 г. Оберюхтин был удостоен ученого звания «преподавателя высших военно-учебных заведений по кафедре тактики» (в документах Оберюхтина встречается указание на то, что это произошло 5 июля 1928 г.). По аттестации за 1928 г., данной помощником начальника академии по учебной части Е.А. Шиловским, «В.И. Оберюхтин, назначенный на должность преподавателя Военной академии и подлежащий направлению на стажировку в строевые части армии, до этого времени работал в течение 7 лет в учебном отделе академии в качестве помощника начальника отдела и начальника учебно-лабораторной части.

Моя оценка В.И. Оберюхтина как исключительного работника по своей подготовке, добросовестности и отчетливости не изменилась»¹⁰⁷. В это время Оберюхтин также являлся групповым руководителем по тактике.

2 ноября 1928 г. «за значительные заслуги по работе в учебном отделе, выдающуюся работоспособность и значительный вклад в учебно-организационную сторону преподавания академии РККА» Оберюхтина отметили благодарностью, а затем «за долголетнюю и добросовестную службу» наградили первым советским серийным самозарядным пистолетом системы Коровина¹⁰⁸.

С 1 января по 1 октября 1929 г. Оберюхтин стажировался в Харькове в должности начальника штаба 23-й стрелковой дивизии, получив оценку «хорошо», денежную премию и аттестацию на должность начальника штаба корпуса¹⁰⁹. 26 января 1929 г. он был переаттестован и отнесен к категории командного состава К-10.

Командир дивизии М.Ф. Лукин 26 сентября 1929 г. аттестовал Оберюхтина следующим образом: «Тов. Оберюхтин обладает сильной

¹⁰⁶ Там же. Л. 75об.–76.

¹⁰⁷ Аттестация на В.И. Оберюхтина за 1928 г.

¹⁰⁸ Автобиография Оберюхтина В.И. 26.04.1933.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 161; Коллекция учетно-послужных карт РГВА (№ 194179).

волей, большой настойчивостью в проведении намеченного, в области военных знаний обладает широким кругозором и, имея гибкий ум, все новинки в военном деле, быстро в них разбираясь, умело применяет к условиям Красной армии. Очень требователен по службе к себе и своим подчиненным. Педант в работе. Быстро схватывает мысль начальника и умеет ее претворять в жизнь. Сам работает четко, не считаясь с временем и объемом работы; поручаемую работу выполняет аккуратно, добросовестно и с любовью. Несмотря на то что тов. Оберюхтин все годы строительства Красной армии пробыл в стенах Военной академии, он с приходом в строевую часть сумел быстро уловить запросы войсковых частей и те требования, какие предъявляются войскам.

Находясь в должности наштадива, т. Оберюхтин внес плановость в работу штаба. Сам хорошо дисциплинирован и умеет таковую [дисциплину] потребовать от подчиненных. В рискованных случаях может брать на себя ответственность, не боясь последствий. Как преподаватель академии, имея большой опыт в методике преподавания и проведения занятий, принес большую пользу начсоставу дивизии по методике проведения занятий. Пребывание в должности наштадива принесло большую пользу и самому тов. Оберюхтину: он ближе узнал жизнь войсковых частей и какие требования должны предъявляться к академикам, выпускаемым из Военной академии...

В общественной работе принимал участие.

Выводы: 1) Стажировку по должности наштадива считать законченной хорошо;

2) Подлежит выдвижению на должность начальника штаба корпуса»¹¹⁰. Аттестацию подтвердил командующий войсками Украинского военного округа И.Э. Якир.

После стажировки со 2 октября 1929 г. Оберюхтин служил штатным преподавателем тактики, оперативного искусства, истории и географии Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе.

Оберюхтин фигурировал в показаниях по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна». Он упоминался среди членов московского контрреволюционного военного

¹¹⁰ Аттестация на В.И. Оберюхтина за январь – сентябрь 1929 г.

центра вместе с другими преподавателями в «дополнительных показаниях» бывшего подполковника С.Г. Сакварелидзе-Бежанова¹¹¹. Кроме того, показания на Оберюхтина как на члена контрреволюционной организации академии дал преподаватель, бывший генерал Н.П. Сапожников¹¹². Однако хода этим показаниям по каким-то причинам дано не было. Возможно, сыграло свою роль негласное сотрудничество Оберюхтина с ОГПУ.

По аттестации за 1931 г., данной начальником 2-го курса П.Г. По-неделиным, Оберюхтин «энергичный, живой, работоспособный. Военное дело знает и любит. Много работает над собой. С работой преподавателя Военной академии справляется вполне удовлетворительно. Авторитетом у обучаемых пользуется. Политически развит удовлетворительно. От общественной работы не уклоняется. Слабой стороной т. Оберюхтина является его слабое участие в военно-литературной деятельности, хотя необходимыми данными для этого он располагает»¹¹³. Начальник академии Р.П. Эйдеман к этому добавил: «С аттестацией вполне согласен. К этому могу лишь прибавить, что тов. Оберюхтин отлично справился с годичной стажировкой в войсках по должности наштадива. Соответствует должности наштадива, достоин продвижения в должность наштакора (К-11)»¹¹⁴. Речь шла о должностной категории командного состава.

Заслуживает внимания аттестация начальника 10-й группы (авиаторы) 3-го курса Основного факультета Краснознаменной Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе Оберюхтина за 1933 г., данная начальником и комиссаром курса Е.М. Тихомировым 14 января 1934 г. В документе отмечено, что Оберюхтин «дисциплинированный вполне и достаточно требовательный к своим подчиненным; системой в работе т. Оберюхтина является контроль за исполнением. Сам хорошо знает военное дело и им постоянно интересуется. Вполне добросовестный в работе.

¹¹¹ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 99.

¹¹² Вedomственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 60 (80). Л. 44.

¹¹³ Аттестация на В.И. Оберюхтина за 1931 г.

¹¹⁴ Там же.

С методом ведения занятий с начсоставом знаком хорошо и умело его применяет. Отличается некоторой излишней пространственностью в изложении своих мыслей.

Сам стреляет из револьвера “Наган” удовлетворительно, иногда дает и хорошие результаты.

Лично физподготовкой в летний период 1933 г. занимался.

Политически развит удовлетворительно. С работой преподавателя Военной академии справляется хорошо. В войсках может быть использован на должности начальника штаба корпуса»¹¹⁵. Начальник академии Б.М. Шапошников к этому добавил: «Хороший преподаватель. Достоин выдвижения на К-11»¹¹⁶. По некоторым данным, в 1934 г. Оберюхтин был награжден золотыми часами к юбилею академии¹¹⁷. В апреле 1934 г. Оберюхтин стал руководителем кафедры общей тактики.

При переаттестации 31 июля 1934 г. Оберюхтину присвоили категорию К-11, причем отмечалось, что он «хорошо подготовленный командир. Умело и поучительно проводит занятия с начсоставом и слушателями»¹¹⁸. 26 сентября 1934 г. Оберюхтин получил ученое звание доцента высших военно-учебных заведений РККА, а после введения в РККА в сентябре 1935 г. персональных воинских званий получил 5 декабря 1935 г. звание полковника. Как полковник запаса Оберюхтин состоял на учете в Краснопресненском райвоенкомате. Якобы академическое руководство даже представляло Оберюхтина к ордену Красной Звезды¹¹⁹.

По аттестации старшего руководителя по кафедре общей тактики Н.Н. Шварца за 1934 г., Оберюхтин «хорошо владеет методом руководства тактическими занятиями.

Обладает особым умением держать в процессе работы в своих руках группу и наладить контроль за выполнением своих требований.

¹¹⁵ Аттестация на В.И. Оберюхтина за 1933 г.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ *Бондарь М.М.* Разорванная фотография (продолжение). С. 7.

¹¹⁸ Выписка из утвержденного заместителем Народного комиссара по военным и морским делам и Председателя РВС СССР протокола № 98 подкомиссии Высшей аттестационной комиссии при РВС СССР от 31.07.1934.

¹¹⁹ *Бондарь М.М.* Разорванная фотография (продолжение). С. 7.

По вопросам тактики и оперативного искусства подготовлен хорошо.

Наиболее силен в практических вопросах боевого управления, мысль здесь отличается четкостью и определенностью. В области теоретических обобщений мысль отличается излишней пространностью¹²⁰. Кто-то из начальников Оберюхтина к этому прибавил: «Знающий дело. Методически подготовлен. Непрерывно совершенствует свои знания. К занятиям хорошо готовится и имеет к ним живой интерес. Физически пригоден к походной жизни. Близко стоит к слушателям и курсовой общественности. Нужный командир для академии. Может быть вне академии использован как наштаокрыга»¹²¹. 23 марта 1935 г. начальник академии Б.М. Шапошников отметил, что Оберюхтин – «хороший руководитель тактики и тактики авиации»¹²².

В статье М.М. Бондаря приводилась и такая оценка Шапошникова за 1935 г. из неизвестной нам аттестации: Оберюхтин «хорошо владеет методом проведения занятий. По вопросам тактики и оперативного искусства подготовлен прекрасно. Наиболее силен в практических вопросах боевого управления войсками»¹²³. Подобная оценка выглядит странной, поскольку Оберюхтин в РККА, включая период стажировки в войсках в 1929 г., все время находился на военно-педагогической работе и силен в практических вопросах боевого управления войсками быть не мог.

Военная академия РККА им. М.В. Фрунзе успешно готовила командиров в звене полк – дивизия, но для подготовки старшего и высшего командного состава требовалось иное высшее военно-учебное заведение. В апреле 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР удовлетворили ходатайство Наркомата обороны о создании в Москве академии Генерального штаба РККА¹²⁴.

Открытию академии предшествовала длительная подготовительная работа. Начальником и комиссаром академии был назначен на-

¹²⁰ Аттестация на В.И. Оберюхтина за 1934 г.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Цит. по: Бондарь М.М. Разорванная фотография (продолжение). С. 7.

¹²⁴ Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002. С. 119–120.

чальник штаба Киевского военного округа комдив Д.А. Кучинский. Начался подбор административного и профессорско-преподавательского состава. Предпочтение отдавалось наиболее квалифицированным кадрам, среди которых оказалась целая плеяда генштабистов старой школы (в частности, М.И. Алафузо, М.А. Баторский, А.И. Верховский, А.И. Готовцев, А.В. Кирпичников, И.Х. Паука, А.А. Свечин, Е.Н. Сергеев, Ф.П. Шафалович, Н.Н. Шварц, Е.А. Шилловский).

Получил приглашение и Оберюхтин. 15 июня 1936 г. он занял должность заместителя начальника учебного отдела академии Генерального штаба РККА, а с 4 июля возглавил этот отдел и находился на этом посту до 21 сентября 1937 г. Оберюхтин сработался с начальником академии.

Академия торжественно открылась 1 ноября 1936 г. Учебная программа была рассчитана на два курса обучения. 14 октября 1937 г. Оберюхтин писал Маршалу Советского Союза А.И. Егорову о своей работе в академии: «Имея 18-тилетний опыт учебно-организационной и научно-педагогической деятельности в РККА, я буквально из ничего, в кратчайший срок, в условиях самой тяжелой обстановки, организовал весь учебный аппарат новой академии, создал все академические учебные учреждения, лично провел всю подготовительную учебно-организационную работу. Мною были разработаны учебный, научно-исследовательский, редакционно-издательский и производственный планы академии, составлены все сметы на потребные суммы, заявки на учебное имущество и оборудование академии.

Мною были разработаны все инструкции, наставления, приказы и другие материалы учебного характера.

Наконец, мною же лично была проделана вся работа по обеспечению учебного процесса академии с начала ее открытия и до настоящего времени»¹²⁵.

¹²⁵ Докладная записка В.И. Оберюхтина на имя заместителя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза А.И. Егорова от 14.10.1937.

Военный ученый

В 1930-е гг. многие военспецы-генштабисты продолжали активно заниматься научной и творческой работой. В 1934 г. целая группа генштабистов получила разрешения на работу в Центральном военно-историческом архиве по истории Первой мировой войны и в архиве Красной армии по истории Гражданской войны. Среди допущенных был и руководитель кафедры общей тактики В.И. Оберюхтин по темам: Барановичская операция 1916 г. и Камбре 1917 г.¹²⁶ Обе эти темы Оберюхтин сумел довести до книг, вышедших в 1935 и 1937 гг. соответственно.

О своей научно-исследовательской, педагогической и организационной работе Оберюхтин писал в автобиографии 1938 г.: «Одновременно с организац[ионно]-учебной деятельностью непрерывно вел педагогическую работу в качестве преподавателя военных наук в в[оенных] ВУЗах РККА в течение 18 лет: с 1921 по 1929 гг. – по совместительству с должностью пом[ощника] начальника учебного отдела академии, а с 1929 до 1938 гг. – полностью педагогическую и научно-исследоват[ельскую] работу по кафедрам тактики, операт[ивного] искусства, военной истории и географии.

Удостоен научного звания преподавателя в[оенного] ВУЗ РККА (доцента) как зарекомендовавший себя плодотворной педагогической и научной деятельностью (постан[овление] ВАК при РВС СССР 14.3.1928 г. и прик[аз] РВС СССР по л/с № 398 от 5.7.1928 г. и прик[аз] по акад[емии] им. Фрунзе № 105 от 10.7.1928 г.).

С 1923 г. до настоящего времени – член секции научных работников профсоюза работников Высшей школы и научных учр[еждений] СССР по Московской обл. (билет члена с[екции] н[аучных] р[аботников] № 05967 от 17.4.1937 г.).

“За значительные заслуги по работе в учебном отделе Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, выдающуюся работоспособность и значительный вклад в учебно-организационную сторону преподавания академии” – отмечен благодарностью по академии (прик[аз] акад[емии] № 175 от 1928 г.) и награжден револьвером

¹²⁶ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 65. Л. 37.

системы Коровина с надписью “за долголетнюю и добросовестную службу”.

За успешную боевую подготовку слушателей к 15-летию Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе награжден золотыми часами наркомвоенмором в 1934 г. и получил благодарность РВС СССР (прик[аз] РВС СССР № 13 от 13 янв[аря] 1934 г.).

Как один из самых активных военкоров академической газеты “Фрунзовец” награжден грамотой от командования академии 15 мая 1935 г.

Имею ряд специальных трудов, являющихся руководствами при работах слушателей академии и командиров РККА, а равно ряд журнальных и газетных оригинальных и специальных статей. Важнейшими из них являются:

1. “Операции под Камбрэ в 1917 г.” – 15 п.л. ГИЗ, Москва, 1936 г. Вошла в библиотеку командира РККА. Подготовлено 2-е издание Госвоениздатом.

2. “Барановичи 1916 г.” – 3 п.л. с атласом схем и карт. Изд[ание] Воен[ной] акад[емии]. 1934 г. Москва.

3. “Камбрэ 1917 г.”. – 4 п.л. Изд[ание] Воен[ной] акад[емии]. 1934 г. Москва.

4. “Пять лет Военной академии” – 2 п.л., изд[ано] в сборн[ике] В[оенной] акад[емии]. 1923 г.

5. “Лабораторно-комплексная система преподавания” – 2 п.л., изд[ано] в сборн[ике] В[оенной] акад[емии]. 1924 г.

6. “Учебные планы академии РККА им. М.В. Фрунзе” – 5 п.л.

7. “Операции чехословацкого войска в России 1918–21 гг.” – 5 п.л., переработанный и дополненный перевод с чешского.

8. “Организация буржуазных армий” – 3 п.л. 1937 г. Рукопись.

9. Участие в разработке и редактировании проекта боевого устава пехоты в 1938 г.

10. Ряд спец[иальных] и оригинальных статей в газетах “Известия”, “Красная звезда”, “Фрунзовец”, “Сталинец” и в журнале “Под знаменем Ильича”.

В настоящее время закончены на 50% труды по заданию академии и Госвоениздата:

1. “Комбинированный удар русских под Барановичами и на Ю[го-З[ападном]] фронте в 1916 г.” – 20 п.л.

2. "Организация современных буржуазных армий". 5 п.л.

3. "Основы современной армейской операции". 10 п.л. – для командира РККА»¹²⁷.

Оберюхтин состоял в секции научных работников Центральной комиссии по улучшению быта ученых.

Впоследствии, обращаясь в 1955 г. к главному военному прокурору СССР, Оберюхтин отмечал, что «считался одним из лучших преподавателей академии. Имел ценные подарки от наркома обороны и от академий. Одновременно со службой я вел и военно-научную работу. Имею печатные труды в армии, из них моя книга о танках "Операции под Камбрэ в 1917 году" вошла в библиотеку командира РККА. Имел звание доцента. Имею также подготовленные труды по Отечественной войне»¹²⁸.

Выбор Оберюхтиным сюжетов для своих трудов несколько удивляет (впрочем, речь шла о служебных заданиях). Будучи участником ряда значимых операций Первой мировой войны, он совершенно их не коснулся. Военно-исторический очерк Оберюхтина «Барановичи. 1916 год» был издан академией им. М.В. Фрунзе в 1935 г. для служебного пользования и на правах рукописи под редакцией бывшего подполковника А.К. Коленковского. Целью труда, как отмечалось во введении, было «дать военно-исторический очерк операции под Барановичами в 1916 году с анализом условий борьбы сторон в обстановке позиционной войны на Восточно-Европейском фронте для последующего самостоятельного использования этого исторического опыта при изучении, построении и ведении современной операции»¹²⁹. Большое внимание уделялось политической стороне операции, значению техники в борьбе за укрепленные позиции и районы, оперативному построению и материальному обеспечению боевых действий, значению особенностей местности, подготовке операции и отдельных ее звеньев. В основе книги были архивы русской армии, свидетельства очевидцев, а также материалы германского Рейхсархива. К книге прилагались 16 схем, таблиц и диаграмм, которые, видимо, лично начертил автор (на одной из схем имеется

¹²⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 161об.

¹²⁸ Там же. Л. 231об.

¹²⁹ Оберюхтин В.И. Барановичи. 1916 год. Военно-исторический очерк. М., 1935. С. 3.

его подпись). Также к работе в учебных целях прилагались 22 контрольных вопроса.

По оценке Оберюхтина, рассмотренная операция имела громадное значение в отношении революционизирования рабочих и солдатских масс, а в военном плане вскрыла «несостоятельность военного искусства царской армии»¹³⁰. Автор отдавал должное риторике своего времени: «В России – уже в 1915 году обнаружилось для всех совершенно ясно банкротство царизма и его черносотенной клики»¹³¹. Оберюхтин писал об отсталости российской промышленности, о низкой боевой подготовке громадной по составу, но сырой и разношерстной русской армии¹³².

Любопытна его характеристика командного состава: «Командным костяком армии на фронте были: а) прапорщики с подготовкой обычно в 3–4 месяца военного времени и выдвиженцы из солдатской среды за боевые отличия – как основная и подавляющая масса офицерства; б) старые боевые командиры, в основном командовавшие войсковыми частями, – как жидкая прослойка в армии; в) старый генералитет, как правило, пассивный, дряхлый или мало отвечающий требованиям усложнившейся боевой службы и крайне отставший в знаниях военного искусства. Широко развитые интриги, карьеризм и беспомощность среди начсостава армии сводили на нет всякую полезную работу»¹³³. Если эти оценки можно считать близкими к реальному положению вещей, то с утверждением о том, что армия могла действовать лишь «в условиях террора и принуждения под надзором»¹³⁴, согласиться нельзя. Равно как и с утверждением о том, что «если русские войска показывали еще упорство в бою, даже в обстановке усталости, незаинтересованности в войне, то это достигалось путем шовинистической пропаганды, жестокой дисциплины и широкой системы надзора за солдатскими массами и недостаточного проникновения в толщу войск к этому времени революционных идей и влияний»¹³⁵.

¹³⁰ Там же. С. 6.

¹³¹ Там же. С. 8.

¹³² Там же. С. 17.

¹³³ Там же. С. 18.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С. 108–109.

Книга Оберюхтина «Операция под Камбрэ в 1917 г.» выдержала несколько изданий. Второе издание этого труда было подписано в печать 28 июня 1937 г., когда на Оберюхтина сотрудниками НКВД уже были получены признательные показания в причастности к контрреволюционной деятельности. Работа касалась опыта массированного боевого применения танков в Первую мировую войну и представляла собой детальный разбор операции, проиллюстрированный четырнадцатью схемами. Впрочем, источников указано не было. Автор справедливо отмечал, что «в современных войнах вполне возможны и даже неизбежны сюрпризы в виде появления совершенно новых факторов борьбы, оружия, тактических приемов и т.д.»¹³⁶. В конце книги Оберюхтин высказал обоснованные и актуальные для предстоявшей Второй мировой войны суждения о том, что «в современной войне, в оперативном прорыве действуют тяжелые и средние танки, которые выполняют одновременно все задачи подавления и расстройств противника на всю глубину его обороны. При выполнении своих задач подавления указанные танки действуют сначала совместно с артиллерией и авиацией, затем только с авиацией или даже самостоятельно. Эти два типа танков обеспечивают быстроту и одновременность глубокому удару: тяжелые танки выполняют все задачи по подавлению очагов сопротивления пехотной обороны; средние быстроходные танки своими маневренными ударами по артиллерии и за полосой обороны довершают разгром врага»¹³⁷. Завершалась книга в духе времени цитированием общих пожеланий наркома обороны маршала К.Е. Ворошилова о необходимости освоения новой техники. Думается, книги Оберюхтина в силу конкретно-исторического характера сохраняют (исключая политизированные фрагменты) свою научную значимость и по сей день.

Помимо книг перу Оберюхтина принадлежат многочисленные статьи по военно-историческим, военно-педагогическим вопросам и по текущим задачам академической жизни («Лабораторно-комплексная система преподавания», «Учебный план Военной академии», «Камбрэ – конспект», «Весьма важный вопрос», «Опять о зачетах!», «Лабораторный план и Военная академия РККА», «Семь лет РККА и

¹³⁶ Оберюхтин В. Операция под Камбрэ в 1917 г. М., 1937. С. 97.

¹³⁷ Там же. С. 222–223.

Военная академия», «Академические летние занятия», «Организация академических летних занятий», «Об учебной дисциплине», «Научно-исследовательские лаборатории и кабинеты Военной академии РККА», «Французская высшая военная школа» и др.). Кроме того, в 1920-е гг. Оберюхтин составлял ежемесячные обзоры военно-академического дела за рубежом. Эти материалы печатались в журнале клуба Военной академии РККА «Красные зори» под рубрикой «По белым академиям»¹³⁸.

Семья

Первой супругой Оберюхтина была дочь капельмейстера, чешка Аделаида Иосифовна Шварц, на которой он женился до достижения положенного офицеру возраста 23 лет (урегулировать эти вопросы помог будущий тесть¹³⁹) и с которой прожил с 1909 по 1926 г. Детей у них не было, но на иждивении бывшего генерала находились родители супруги – Иосиф Иосифович, инвалид и Герой Труда, и Фредерика Ивановна Шварц. Как показывал Оберюхтин в 1939 г., «в 1926 году на почве семейных неурядиц я развелся с ней и тут же отправил вместе с родителями в Чехословакию, где она и проживает»¹⁴⁰. В течение 6–7 месяцев после отъезда Оберюхтин высылал бывшей жене деньги.

С 1926 г. и до ареста Оберюхтин жил со своей второй супругой Наталией Александровной Оберюхтиной-Коссович, 1896 года рождения, вдовой военнослужащего. До 1930 г. она работала делопроизводителем и машинисткой в академии им. М.В. Фрунзе, оставила работу якобы по болезни, а на момент ареста мужа заочно училась в Институте иностранных языков. Вместе с Оберюхтиным жил и ее сын от первого брака Георгий Коссович, 1916 года рождения, студент Института стали и пенсионер РККА¹⁴¹.

¹³⁸ См., например: Красные зори. Ежемесячный журнал клуба Военной академии РККА. 1924. Февраль. № 14. С. 41–42; Март. № 15. С. 54–56; Апрель. № 16. С. 38; Май. № 17. С. 39–40; Июнь. № 18. С. 36–37; и др.

¹³⁹ Бондарь М.М. Разорванная фотография (начало). С. 3.

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 109.

¹⁴¹ Там же. Л. 4об., 102; Автобиография доцента-полковника Оберюхтина В.И. По состоянию к 07.05.1938.

У Оберюхтина к 1930-м гг. были живы несколько братьев и сестра. Напомним, что один из братьев погиб в боях с красными летом 1918 г. Брат Герман, 1890 года рождения, проживал в Томске, работал на маслобойном заводе счетоводом, на 1937 г. – на химзаводе краскотером. В Гражданскую войну как чиновник военного времени служил временно исполняющим должность конторщика по хозяйственной части Ижевской Народной армии, затем вместе с братом в колчаковском Главном штабе, занимал пост делопроизводителя осведомительного и организационного отделов, кроме того, служил делопроизводителем хозяйственного отделения общего отдела управления дежурного генерала Ставки. 27 сентября 1937 г. был арестован, 8 октября приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в кадетско-монархической организации и 17 октября 1937 г. расстрелян¹⁴². Брат Алексей, 1892 года рождения, бывший колчаковский офицер, заведовал центральной химической лабораторией при государственном механическом заводе в Подольске и был арестован 15 ноября 1937 г.¹⁴³ Брат Анатолий, 1900 года рождения, работал бухгалтером Госбанка на Сахалине. Сестра Валентина Капустина, 1885 года рождения, жила в Ижевске, где служила на Ижевском заводе¹⁴⁴. Таким образом, по крайней мере, четверо братьев Оберюхтиных служили у белых на Востоке России.

Под дамокловым мечом

В связи с нагнетанием властями СССР истерии повсеместного поиска врагов и развязывания массового террора обстановка в стране в целом и в академии в частности во второй половине 1930-х гг. стала ненормальной. Как вспоминал слушатель академии П.Г. Григоренко,

¹⁴² Жертвы политического террора в СССР.

¹⁴³ Бывший штабс-капитан А.И. Оберюхтин, как и его брат, сдался красным под Красноярском. В 1922 г. за службу у белых отбывал наказание в концлагерях Архангельска и Холмогор. 20.12.1937 А.И. Оберюхтин был осужден «тройкой» УНКВД по Московской области на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. В.И. Оберюхтин дал положительную характеристику брату и предлагал взять его на поруки, однако в ходатайстве было отказано (ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 235–237).

¹⁴⁴ Там же. Л. 102, 161, 175.

«аресты в академии начались уже зимой 1936 года. В 1937 году усилились. Ряды опытных преподавателей редели, а их места занимали либо бездарности, либо люди малознающие и неопытные. К тому же аресты велись и среди новых преподавателей, что их пугало, сковывало инициативу. Пособия, написанные “врагами народа”, то есть ранее арестованными опытными преподавателями, использовать было нельзя. Наспех писались новыми малоопытными преподавателями “конспекты лекций”. По ним мы и учились. Боясь быть обвиненными в том, что они протаскивают враждебные взгляды, авторы конспектов избегали пользоваться старыми пособиями и напихивали свои конспекты ходячими догмами. Читать все это, а тем более слушать – скука неприворотная»¹⁴⁵.

Другой слушатель, В.А. Новобранец, отмечал, что перед репрессиями «академия Генштаба была укомплектована самыми лучшими кадрами преподавателей»¹⁴⁶. Когда началась «чистка» академии, «были арестованы лучшие преподаватели и военно-научные кадры: Свечин, Верховский, Вакулич, Алафузо, Малевский, Жигур, Михайлов и многие другие. Обезглавлены были все кафедры. Все теоретические разработки “врагов народа” были уничтожены. Учебный процесс был парализован»¹⁴⁷.

20 сентября 1937 г. арестовали начальника академии Д.А. Кучинского (29 июля 1938 г. его расстреляли). На следующий день Оберюхтин в числе 25 других сотрудников был отстранен от должности и уволен из академии. Коллектив академии понес тяжелые потери, причем на преподавательскую работу пришлось переводить даже слушателей¹⁴⁸. Десятки слушателей были отозваны из академии для заполнения образовавшихся в результате «чисток» вакансий в войсках. Из 138 слушателей первого курса академии обучение на втором продолжили только 68.

С 21 сентября по 27 декабря 1937 г. Оберюхтин находился в распоряжении управления по командно-начальствующему составу РККА.

¹⁴⁵ Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997. С. 146.

¹⁴⁶ Новобранец В.А. «Я предупреждал о войне Сталина». Записки военного разведчика. М., 2009. С. 36.

¹⁴⁷ Там же. С. 40–41.

¹⁴⁸ Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002. С. 127.

В связи с увольнением он бомбардировал различных начальников, включая наркома обороны маршала К.Е. Ворошилова, его первого заместителя маршала А.И. Егорова, заместителя наркома обороны СССР армейского комиссара 2-го ранга Е.А. Щаденко и др., докладными записками.

14 октября он обратился с личной докладной запиской к А.И. Егорову: «Прибыв на днях из отпуска, я узнал о моем отстранении Вами от занимаемой мною должности начальника учебного отдела академии Генерального штаба РККА с направлением меня в распоряжение начальника управления по начальствующему составу РККА.

Такое отстранение меня без указания причин и на другой день после ареста Кучинского поставило меня в крайне тяжелое и двусмысленное положение.

Не в целях оправдания, так как я не чувствую за собою абсолютно никакой вины, а исключительно для Вашего сведения и ориентировки о моей работе в академии Генерального штаба РККА, я считаю своим долгом доложить Вам нижеследующее:

На должность начальника учебного отдела академии Генерального штаба РККА я был назначен Вами совершенно неожиданно для себя 1½ года тому назад с должности преподавателя Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Я был выдвинут Кучинским по рекомендации, как потом выяснилось, целого ряда преподавателей академии Генерального штаба РККА, знавших меня по прежней совместной преподавательской и учебно-организационной работе в Военной академии РККА имени Фрунзе и считавших меня лучшим кандидатом для такой должности по моему опыту и подготовке.

С Кучинским я столкнулся впервые после назначения меня в академию Генерального штаба РККА и имел с ним всегда только служебные отношения...

К моему отъезду в отпуск 5 сентября с.г. мною было буквально все подготовлено и к приемным экзаменам и к новому учебному году, начиная с учебных и иных планов и кончая всеми годовыми, триместровыми расписаниями на несколько вариантов, подготовкой карт, учебников, учебных пособий и имущества для 1-го и 2-го курсов.

Все указанное было достигнуто благодаря огромному напряжению моих сил, непрерывной работе на службе и дома по ночам, за счет отдыха и сна, отказа от всякой другой жизни.

По характеру своей работы приходилось постоянно нажимать в интересах дела на различных лиц, что часто вызывало недоразумения, недовольства и несправедливые на меня нападки.

Особенно это касалось начальников кафедр.

Назначенные на указанные должности с больших мест, эти высокие лица сами работать не любили, ни с кем и ни с чем не считались, никаких авторитетов не признавали. Они относились ко всему с большой критикой и предъявляли непомерные требования.

Такой же болезнью страдали и некоторые преподаватели.

Кучинский обещал им всем “золотые горы”, большие оклады, высокие гонорары, автомобили, всякие служебные блага и т.п.

Жизнь показала иное, что, конечно, их сильно разочаровало.

В такой обстановке проведение всяких начинаний и увязка вопросов с начальниками кафедр являлись делом крайне трудным.

С 1-х же дней жизни академии начались различные недоразумения у начальника академии с начальниками кафедр. Сюда же прибавились личные счеты и обиды.

Сам Кучинский чувствовал себя в отношении начальников кафедр не всегда уверенно, не имел определенной линии поведения.

Под давлением разных лиц он часто отменял или изменял свои распоряжения, что ставило меня как начальника учебного отдела в двусмысленное положение.

Работа академии проходила в тяжелой обстановке еще и потому, что ряд руководящих работников академии и соприкасающихся с нею оказались предателями.

Но и помимо этого, другие лица, страдая непомерным самомнением и малым желанием работать по-настоящему, заняли прямо нетерпимое с точки зрения дела положение. Из них следует указать на т.т. [Г.С.] Иссерсона и [В.А.] Меликова. Если первый всегда отличался невозможным характером и болезненно-повышенным самомнением, благодаря чему постоянно с кем-либо пикировался и сводил личные счеты, то второй был необычайно нервным и путанным в работе, вел какую-то двойную игру и сложные интриги.

Вместо настоящей согласованной работы, оба они все беспочвенно критиковали. Свои недовольства они часто переносили на меня, на некоторых преподавателей и других товарищей. Особо недопу-

стимулю линию травли вел т. Иссерсон, тогда как т. Меликов действовал исподтишка.

По своей должности начальника учебного отдела мне приходилось более и острее других чувствовать эту ненормальность взаимоотношений между командованием академии и начальниками кафедр.

К тому же Кучинский постоянно относился ко мне весьма официально и сухо. Я чувствовал всегда ко мне меньшее доверие, нежели к начальникам кафедр. На каждом шагу мне давали понять, что я беспартийный, а потому мне нельзя всего доверять.

По некоторым вопросам я просто не был ориентирован Кучинским или держался им в стороне. Часть вопросов, касающихся учебы, передавались им для выполнения через мою голову помощнику начальника учебного отдела майору Небучинову (сослуживцу Кучинского по К[иевскому] в[оенному] о[кругу]), начальнику строевого отдела майору Григорьеву или его помощнику капитану Мосягину.

У меня сложилось впечатление, что двум последним Кучинским было вменено в обязанность наблюдать за порядком в учебном отделе, ибо они неоднократно вмешивались в мои указания, а иногда пытались просто распоряжаться в учебном отделе. Все это встречало с моей стороны должный отпор, что вызывало их неудовольствия и жалобы.

Такое же черствое отношение к себе я встречал и со стороны вр[еменно] и[сполняющего] д[олжность] комиссара академии комбрига [М.И.] Дратвина¹⁴⁹, который, видимо, по той же причине более прислушивался к мнениям начальников кафедр и других лиц, чем ко мне. Он был недоволен тем, что я будто бы игнорировал его как комиссара. В чем это проявлялось, я до сего времени понять не могу, ибо относился к нему всегда с уважением. Я докладывал ему о моем положении и о нападках т. Иссерсона, но ничего реального в ответ на это не последовало.

В такой неестественной и трудной обстановке мне приходилось работать постоянно, а особенно в последнее время, когда Кучинский, как теперь стало ясно, видимо, боялся требовать и настаивать на выполнении своих же распоряжений.

¹⁴⁹ Дратвин Михаил Иванович, временно исполняющий должность комиссара академии Генерального штаба РККА.

Однако, невзирая на все это и оставаясь всегда лишь на деловой точке зрения, а равно стараясь быть вне всяких разногласий, интриг и оскорблений, я работал с прежним рвением и честностью.

Я имел всегда в виду интересы дела и утешался тем, что моя работа приносит пользу академии и что со стороны массы слушателей, преподавателей и сотрудников я всегда встречал самое теплое чувство и прекрасное к себе отношение.

Только это давало мне полное удовлетворение и наполняло меня гордостью, что весьма сложная, тяжелая и разнообразная деятельность начальника учебного отдела академии Генерального штаба РККА в самый ответственный период создания и начала жизни ее была мною проведена успешно. Это было тем более дорого для меня, что я действительно работал как вол не только эти последние 1½ года в академии, но и в течение всех 18-ти лет моей самоотверженной службы в РККА.

Недаром меня знали и любили буквально все воспитанники Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе, начиная с 1-го выпуска до 1935 года.

И вот за всю эту огромную и честную мою работу я был снят с должности начальника учебного отдела академии Генерального штаба РККА в такое время и в такой форме, которые явились для меня просто уничтожающими.

Понимая и учитывая необходимость проведения определенных мероприятий в академии после ареста Кучинского, я все же недоумеваю, почему же я мог попасть в число удаленных из академии.

Если причиной этого удаления послужило то несчастье, которое случилось со мною еще в 1918 году, когда я попал в плен к белым при взятии Казани и вынужден там службой, то за это я давно уже понес должное наказание и вряд ли должен опять расплачиваться за него повторно.

Своей честной работой в РККА я доказал, что являюсь в полной мере советским человеком, честно и преданно работающим на благо РККА.

Если все же по указанной выше причине я не подхожу к должности начальника учебного отдела академии Генерального штаба РККА, то странно, почему же я был назначен туда 1½ года тому назад и меня держали там до сих пор на такой ответственной должности в самый важный период создания академии.

Если меня отрешили по несоответствию указанной должности в смысле моей работы, опыта или подготовки, то это могло произойти лишь по причине совершенно неверной информации Вас о моей работе в академии, ибо результаты этой работы налицо и очевидны для всех, фактически знающих академическую жизнь.

Поверьте, что все измены и предательства я переживаю так же глубоко и остро, как все честные граждане СССР, и горю страстным желанием удвоенными силами ликвидировать громадный вред, нанесенный предателями.

В настоящий ответственный момент я особенно хочу быть полезным своей Родине, хочу так же честно и плодотворно работать в РККА, как я работал до сих пор.

Эту возможность я прошу мне предоставить вновь и восстановить мое честное имя»¹⁵⁰.

Ответа Егорова не последовало. Но Оберюхтин выяснил, что отстранение связано с арестом Кучинского и что ведется проверка в отношении его самого. Вследствие этого Виктор Иванович два месяца пребывал, как он отмечал, в самом тяжелом моральном состоянии.

23 ноября Оберюхтин написал личную докладную записку наркому Ворошилову. Документ начинался откровенно: «Товарищ народный комиссар, я обращаюсь к Вам, так как в настоящее время никто другой не может мне помочь.

Все сейчас так напуганы и никому не верят, отказывают в помощи даже те, кто мог бы разрешить мое дело»¹⁵¹. Далее, как и в предыдущем обращении, Оберюхтин изложил историю своей работы в академии и охарактеризовал свое положение: «В своем докладе маршалу Егорову я просил указать мне причину моего отстранения, но ответа не получил. О том же писал Булину»¹⁵². Вместо него ответил дивизи-

¹⁵⁰ Докладная записка В.И. Оберюхтина на имя заместителя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза А.И. Егорова от 14.10.1937.

¹⁵¹ Докладная записка В.И. Оберюхтина на имя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова от 23.11.1937.

¹⁵² Булин Антон Степанович (04.01.1894–29.07.1938), армейский комиссар 2-го ранга, начальник управления по начальствующему составу РККА. Арестован 05.11.1937, расстрелян.

онный комиссар Краснов¹⁵³, что я отстранен от должности в связи с арестом Кучинского, что за мною ничего нет, но что меня проверяют, после чего он вызовет меня к себе для переговоров. Более конкретной причины отстранения он тоже не сказал.

Между тем меня проверяют вот уже 2 месяца, в течение которых я нахожусь в самом тяжелом моральном состоянии.

Не считая себя ни в чем и ни с какой стороны причастным к предательской деятельности Кучинского или других изменников Родины, я необычайно удручен тем подозрением, которое проявлено ко мне в такой ответственный момент. Я даже не могу дать никаких объяснений, не зная до сих пор действительной причины моего отстранения и проверки. Меня никто не спрашивал. Дело решается заочно.

Я имею сведения, что мое отрешение от должности было произведено на основании материалов комиссии ПУРа и комиссии под председательством Булина в составе Кучинского и Дратвина.

Однако комиссия ПУРа работала в академии по материалам и по указаниям Дратвина и Кучинского, фиксируя лишь их пожелания.

Меня, например, лично никто из членов комиссии ранее совершенно не знал, о моей работе меня комиссия тоже не спрашивала. Лишь один член комиссии задал мне 2–3 вопроса, не относящиеся к моей работе, а другой при моем приходе ушел обедать, и я его более не видел. Никаких претензий или недовольств ко мне со стороны Кучинского и Дратвина по моей работе никогда не было заявлено. Я имею основание предполагать, что причиной моего удаления послужило то несчастье, которое со мною случилось еще в 1918 году, когда я попал в плен к белым при взятии Казани и был вынужден там службой. Я за это давно уже понес должное наказание и вряд ли должен опять расплачиваться за него повторно. Между тем этим моим несчастьем пользуются до сих пор, несмотря на то, что я своей 18-тилетней самоотверженной работой в РККА доказал свою честность и преданность советской власти.

Находятся люди, которые спекулируют на этом несчастье. Оно ставится мне в вину при каждом удобном случае, как пятно, хотя

¹⁵³ Краснов Евгений Васильевич (1895–14.03.1938), дивизионный комиссар, заместитель начальника управления по начальствующему составу РККА. Арестован 05.12.1937, расстрелян.

я кристально чист перед советским правительством и работаю ударно.

Так и теперь я думаю, что Кучинский и Дратвин хотели избавиться от меня, как от бывшего колчаковца, который, по их мнению, мог навлечь на них подозрение в настоящее тяжелое время.

Возможно, что Кучинский ожидал неприятностей в связи с причастностью его к предательству. Дратвина могло беспокоить, что он 4 года был заместителем Лонгва¹⁵⁴, а на должность вр[еменно] и[сполняющего] д[олжность] помполита¹⁵⁵ и вр[еменно] и[сполняющего] д[олжность] комиссара академии был выдвинут Кучинским с согласия Гамарника¹⁵⁶. Авторитетность комиссии ПУРа прикрывала их от дальнейших возможных подозрений, а такая “чистка” академии показывала всем их “высокую политическую бдительность и непримиримость”.

О моем бывшем колчаковстве оба они знали и ранее, но оно, видимо, тогда не беспокоило их, а теперь им было выгодно его использовать.

Что касается второй комиссии под председательством Булина, то решение ее не могло быть иным, так как в ней участвовали те же Кучинский и Дратвин. К тому же из состава этой комиссии Булин и Кучинский уже арестованы.

Таким образом, я убежден, что в отношении меня была допущена определенная ошибка.

Народный комиссар. Я докладываю Вам, что я всегда работал в РККА честно, преданно и скромно, вкладывая в дело все свои силы, опыт, знания, здоровье и страстность. Я работал как беспартийный большевик. Никакие расследования ничего нового не дадут, ибо за мною нет никаких преступлений, нет ничего подозрительного. Я жду уже два месяца. Бесплезно пропадают силы и время. Я хочу снова работать и быть полезным своей Армии и Родине.

¹⁵⁴ Лонгва Роман Войцехович (27.06.1891–08.02.1938), комкор, начальник управления связи РККА. Арестован 21.05.1937, расстрелян.

¹⁵⁵ Помощника по политической части.

¹⁵⁶ Гамарник Ян Борисович (02.06.1894–31.05.1937), армейский комиссар 1-го ранга, заместитель наркома обороны СССР. Отстранен от должности 30.05.1937 за связь с участником «военно-фашистского заговора» И.Э. Якиром, на следующий день застрелился в связи с угрозой ареста.

В своей преданности и честности перед советской властью я заверяю Вас, народный комиссар.

Я прошу Вас приказать ускорить разрешение моего дела и снять с меня всякое подозрение»¹⁵⁷.

В тот же день Оберюхтин обратился к заместителю начальника управления по начальствующему составу РККА дивизионному комиссару Е.В. Краснову с аналогичной запиской. В ней Оберюхтин писал об абсурдности подозрений в свой адрес, о срыве планов и учебной жизни академии, поскольку тем самым он бы подвел, прежде всего, самого себя. Обращался Оберюхтин в те дни и к комдиву Р.П. Хмельницкому, состоявшему для особо важных поручений при наркоме обороны СССР, которому отправил письмо на имя Ворошилова и записки на имя Егорова и Краснова.

Возможно, эти обращения и акцент на происках арестованных сработали. Во всяком случае Оберюхтина после вмешательства знавшего его лично Е.А. Щаденко включили в комиссию при управлении боевой подготовки РККА по разработке боевого устава пехоты, а затем он возвратился к преподавательской работе. С 27 декабря 1937 по 29 апреля 1938 г. он занимал должность начальника кафедры ведения операций и организации службы тыла Военно-транспортной академии им. Л.М. Кагановича, а с 29 апреля в связи с переводом Военно-транспортной академии в Ленинград по личной просьбе вернулся в Военную академию им. М.В. Фрунзе старшим преподавателем кафедры тыла¹⁵⁸.

Накал репрессивной кампании не снижался. Массовые операции НКВД самым серьезным образом затронули командно-начальствующий состав Красной армии. По цепочке одного за другим арестовывали видных военных деятелей. Летом 1937 г. сотрудники НКВД получили признательные показания на В.И. Оберюхтина. В причастности к антисоветской организации Оберюхтин изобличался показаниями служившего в академии им. М.В. Фрунзе члена партии с 1920 г. Д.П. Грибкова и слушателя Военной академии РККА периода 1921–1924 гг., бывшего поручика, комкора И.Д. Косогова (расстре-

¹⁵⁷ Докладная записка В.И. Оберюхтина на имя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова от 23.11.1937.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 161–161об.

лян 1 августа 1938 г.). Отметим, что Косогов дал показания о вербовке им в антисоветскую организацию целого ряда лиц, включая будущего Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского¹⁵⁹.

Грибков знал Оберюхтина с 1933 г. по совместной работе в академии им. М.В. Фрунзе, а затем и в академии Генерального штаба РККА. В июне 1937 г. он подал заместителю начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД В.С. Агасу заявление на Оберюхтина, в котором обвинил того в группировке вокруг себя политически сомнительных лиц и представил отрицательные отзывы на лиц, принятых на службу Оберюхтиным¹⁶⁰. Бдительный автор тогда восклицал: «Где та рука, которая тащит в академию Ген[ерального] штаба, мягко выражаясь, такой хлам? По-моему, это дело Оберюхтина, а возможно, кой-кого еще?

Вывод: попытка загрязнить академию Генштаба налицо.

Полагаю, что тут создавался очаг, гнездо троцкистов.

Присмотреться к личности Оберюхтина и все[м] упомянутым¹⁶¹. Возможно, именно это заявление послужило сигналом для ареста Оберюхтина.

Косогов на допросе 21 июня 1937 г. в числе участников контрреволюционной организации назвал Оберюхтина, а также расстрелянных в 1931 г. А.А. Бурова и С.Н. Колегова, но не дал конкретных показаний¹⁶². По его словам, группу бывших белых офицеров в академии, маскировавшихся под советских людей, именовали «национал-коммунистами»¹⁶³.

Грибков заявлял, что Оберюхтин принял в академию ряд классово чуждых людей. Много лет спустя, при передопросе 1 ноября 1955 г. он смягчил свои показания, отметив, что об антисоветской деятельности Оберюхтина ему неизвестно и что «Оберюхтин с деловой стороны был хорошим преподавателем, и плохого о нем я ничего не могу сказать в этом отношении»¹⁶⁴, но все равно продолжал утверждать, что Оберюхтин принимал на службу политически неблагона-

¹⁵⁹ Там же. Л. 233.

¹⁶⁰ Там же. Л. 148–150.

¹⁶¹ Там же. Л. 150.

¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 77313. Л. 6. Показания Косогова см.: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 112–113.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 2. Д. 9343. Л. 22.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 240.

дежных слушателей, в том числе участника Ярославского восстания Порфирьева, и группировал вокруг себя такой же круг лиц¹⁶⁵.

По неизвестным причинам Оберюхтин не был тогда арестован. В сложившейся вокруг него ситуации он спасал себя, как мог. На обстоятельства его жизни и деятельности в тот период проливает свет его докладная записка на имя заместителя наркома обороны СССР армейского комиссара 2-го ранга Е.А. Щаденко от 15 февраля 1938 г.: «Вследствие вредительских махинаций врагов народа Кучинского и Булина, а равно перестраховок некоторых лиц, я был незаслуженно отстранен от должности начальника учебного отдела академии Генерального штаба РККА с зачислением в распоряжение начальника управления по начсоставу РККА.

После проверки, по Вашему указанию, я был назначен в конце м[инувшего] г[ода] начальником кафедры ведения операций и тыла Военно-транспортной академии РККА имени Л.М. Кагановича.

Однако указанная академия с 1 марта с.г. срочно переводится в г. Ленинград, что ставит меня в самое тяжелое положение.

В Москве я имею свою квартиру в жилищном товариществе. В Москве учатся мои жена и сын. По климатическим условиям переезд в Ленинград весьма неблагоприятен для моей семьи. Наконец, в Москве я прослужил 18 лет в Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе и в академии Генерального штаба РККА. Я здесь зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Пострадав незаслуженно из-за вредителей и перестраховщиков, я был реабилитирован здесь только потому, что меня, мою жизнь и работу, видели в течение многих лет.

С переездом же в Ленинград я попаду в новую обстановку в новой академии, где меня никто не знает и где я совершенно не застрахован от повторения аналогичных же только что пережитым¹⁶⁶ испытаний. В настоящее время это тем более возможно и важно в отношении меня, так как моя несчастливая доля, связанная с пленом и службой у белых, а также отстранение меня от должности с 3-хмесячным пребыванием в распоряжении управления по начсоставу РККА в период арестов – накладывают на меня в новой об-

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 2. Д. 9343. Л. 23; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 240.

¹⁶⁶ В документе – пережитых.

становке и в глазах новых лиц определенную тень и подозрение. Я только что прибыл в Военно-транспортную академию, но мне уже дали почувствовать это недоверие сразу же, как только было получено мое личное дело. Указанные обстоятельства в связи с переходом Военно-транспортной академии в Ленинград являются для меня просто устрашающими»¹⁶⁷. Далее следовала просьба о переводе в академию Генерального штаба РККА или в Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе по кафедрам военной истории, тактики или оперативного искусства, что предполагало оставление в Москве.

Оберюхтин добавлял: «К этой работе я подготовлен в полной мере и смогу быть там несравненно более полезен для РККА, так как я 18 лет работал по тактике и по военной истории в общевойсковом разрезе. Эта работа не требует с моей стороны переподготовки, тогда как работа в Военно-транспортной или иной технической академии, ввиду ее узкоспециального характера, ставит меня в необходимость терять много времени на переквалификацию»¹⁶⁸. Кроме того, Оберюхтин отмечал, что в московских академиях его давно и хорошо знают, осведомлены и о причинах отстранения от должности, «почему я в их среде найду внимательное и справедливое ко мне отношение»¹⁶⁹. Также автор обращения просил в случае каких-либо сомнений или неясностей вызвать его для личного доклада. 25 февраля с аналогичной просьбой Оберюхтин обратился к Ворошилову¹⁷⁰. 18 февраля Щаденко наложил на полученную докладную записку резолюцию, что просьбу можно удовлетворить при наличии вакансии в академии им. М.В. Фрунзе. 29 апреля 1938 г. Оберюхтин получил назначение старшим преподавателем кафедры тыла этой академии (занимал должность с 7 мая).

22 июня 1938 г. Оберюхтин неожиданно узнал о своем увольнении из армии приказом Наркомата обороны по личному составу армии № 1431 от 11 июня по статье 43 пункт «б» (в аттестационном порядке по служебному несоответствию) Положения о прохождении

¹⁶⁷ Докладная записка В.И. Оберюхтина на имя заместителя наркома обороны СССР армейского комиссара 2-го ранга Е.А. Щаденко от 15.02.1938.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Бондарь М.М. Разорванная фотография (продолжение). С. 7.

службы командным и начальствующим составом РККА. Увольнение считалось с 1 июля. В РККА бывший генерал прослужил, считая с конца 1920 г., семнадцать с половиной лет.

2 июля Оберюхтин ходатайствовал перед народным комиссаром обороны СССР о возвращении на прежнее место, а на следующий день вплоть до восстановления в армии предложил свои услуги архиву РККА¹⁷¹.

Арестант

Около четырех утра 15 августа 1938 г. Оберюхтин у себя на квартире (Малая Никитская, 15, кв. 11) был арестован УНКВД по Московской области как участник антисоветского заговора (в документах фигурирует и ошибочная дата ареста – 13 августа). Арест и обыск осуществил сотрудник управления Фролов. Дело Оберюхтина имело архивный номер 809420 и состояло из двух томов, которые подлежали хранению до 1983 г.

При обыске были изъяты документы, коробка мелкокалиберных патронов, дробовое ружье, охотничья дробь, коробка пистонов, патроны к ружью, три кобуры, полевой бинокль, квитанция о сдаче оружия и разная переписка¹⁷².

Аресту предшествовала подготовительная работа сотрудников НКВД. Начальник 1-го отделения 6-го отдела управления госбезопасности УНКВД по Московской области лейтенант госбезопасности Омельченко составил справку: «6-й отдел УГБ УНКВД М[осковской] о[бласти] располагает данными о том, что Оберюхтин Виктор Иванович в период Гражданской войны, находясь на службе в РККА, дважды переходил на сторону белых.

С августа 1918 г. по 3 января 1920 г. находился на службе у Колчака, где, занимая должность начальника штаба армии, вел активную карательную линию против войск Красной армии»¹⁷³. Не вполне понятно, почему Оберюхтина признали дважды переходившим на сторону белых. В действительности это произошло лишь однажды в Казани.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 164.

¹⁷² Там же. Л. 8.

¹⁷³ Там же. Л. 1.

22 июля 1938 г. датировано постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения. Согласно этому документу Оберюхтин изобличался в том, что «ведет активную контрреволюционную деятельность»¹⁷⁴. Предписывалось привлечь его в качестве обвиняемого по статьям 58-10 и 58-13. Составил документ уже упоминавшийся лейтенант госбезопасности Омельченко, начальник 6-го отдела младший лейтенант госбезопасности Смирнов согласился с предложением, а утвердил документ начальник управления старший майор госбезопасности В.Е. Цесарский. Однако Оберюхтину эту бумагу показали только 10 декабря 1938 г.

В своих показаниях и заявлении от 26 августа на имя наркома госбезопасности, а также в УНКВД по Московской области от 16, 21 и 25 сентября, 5 и 6 октября Оберюхтин признал свою вину, в том числе причастность к заговору, в который якобы был вовлечен К.П. Невежиным и К.И. Бесядовским. Признавался в двурушничестве, поскольку по линии секретного сотрудничества с НКВД не разоблачал начальника академии Д.А. Кучинского и был его соучастником¹⁷⁵. «Я предал интересы Родины и сам стал врагом народа», – заявил о себе Оберюхтин¹⁷⁶.

Оберюхтин назвал участников контрреволюционной организации, работавших в академии в бытность ее начальниками А.Е. Снегарева (28 человек), М.Н. Тухачевского (28 человек), Р.П. Эйдемана (24 человека), А.И. Корка (6 человек), Д.А. Кучинского (23 человека)¹⁷⁷. Если верить показаниям бывшего генерала, все начальники академии являлись врагами народа.

В статье М.М. Бондаря приведены разговоры следователя с Оберюхтиным и подробности его арестантской жизни. Упоминается, что Виктора Ивановича избивали палкой по голове, спине, ребрам и таскали за волосы¹⁷⁸. Источник этих подробностей неизвестен. Возможно, это рассказы самого Оберюхтина.

В показаниях Оберюхтина от 26 августа 1938 г. есть и такие признания: «Таким образом, я признаю себя виновным в том, что я, со-

¹⁷⁴ Там же. Л. 2.

¹⁷⁵ Там же. Л. 21–21об.

¹⁷⁶ Там же. Л. 21об.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 2. Д. 9343. Л. 22.

¹⁷⁸ Бондарь М.М. Разорванная фотография (продолжение). С. 7.

стоя на службе в академии, вошел в контрреволюционную организацию, объединяющую различные группировки с целью подготовки свержения советской власти.

Свою работу проводил по указаниям Снесарева, Тухачевского, Эйдемана и Кучинского путем вредительства и антисоветской агитации. Все мероприятия их провести не мог, ввиду ареста их и моего. Все изложенное излагаю в целях моего полного разоружения перед советской властью¹⁷⁹. Суть «вредительской» работы, однако, подробно не разъяснялась.

Показания от 16 сентября 1938 г. были более спокойными, но в них сотрудники академии тоже именовались контрреволюционерами. 21 сентября 1938 г. Оберюхтин дал подробные показания о том, что якобы еще в 1921 г. был вовлечен начальником академии Снесаревым и своим непосредственным начальником по учебному отделу Бесядовским в контрреволюционную организацию¹⁸⁰. Причем далее в показаниях сообщалось, что позднее Оберюхтина «завербовал вновь в к[онтр]р[еволюционную] организацию Тухачевского – Снесарева ст[арший] преподаватель Невежин, сторонник Тухачевского и его поклонник, как и другие преподаватели-тухачевцы»¹⁸¹. О том, как Оберюхтин оказался повторно завербован в ту же организацию, пояснений не давалось.

Оберюхтину повезло. Рассмотрение его дела пришлось на период свертывания «Большого террора», благодаря чему колчаковский генерал смог уцелеть, хотя и провел многие годы жизни в местах лишения свободы. Перемены привели к тому, что те сотрудники НКВД, которые занимались массовыми операциями, сами оказались под следствием.

Имеющиеся справочно-поисковые возможности позволили проследить влияние тех событий на судьбу начальника УНКВД по Московской области В.Е. Цесарского, который утвердил арест Оберюхтина. Он был снят с должности 15 сентября 1938 г. и переведен из Москвы на пост начальника управления Ухто-Ижемского исправи-

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 23об.

¹⁸⁰ Там же. Л. 60–60об.

¹⁸¹ Там же. Л. 62.

тельно-трудового лагеря НКВД, а 9 декабря арестован. 22 января 1940 г. Цесарского расстреляли, причем он не реабилитирован¹⁸².

Перелом в следствии документально зафиксирован 23–30 октября 1938 г. 30 октября подследственный камеры 26, изолятора дома 14 Оберюхтин набросал четыре карандашных заявления. В первом, адресованном начальнику 6-го отдела УНКВД по Московской области Смирнову, он отказался от показаний, отметив, что виновен только в службе у белых, а в остальном оговорил себя и других: «Согласно Ваших указаний от 23 окт[ября] с.г. докладываю: Вследствие клеветы каких-то лиц на меня, как бывшего белого офицера, я лишен доверия НКВД и арестован по подозрению в участии [в] к[онтр]р[еволюционной] организации. Находясь после ареста на грани безумия и психического расстройства, по требованию, я принял на себя вину!¹⁸³, которой за мною не было, и оклеветал как себя, так и др[угих] лиц, дав показания.

Между тем я имел одну вину – службу у белых, за что понес наказание, и никогда не состоял в к[онтр]р[еволюционной] организации и не вел никакой к[онтр]р[еволюционной] работы в РККА.

Я готов вновь нести любое наказание за свою прежнюю вину, но прошу снять всякое подозрение о к[онтр]р[еволюционной] работе и к[онтр]р[еволюционной] организации как с меня, так и с тех лиц, о которых я дал показания при допросе.

Конечно, я не могу рассчитывать на доверие ко мне, но прошу иметь в виду, что мое безвыходное положение б[ывшего] белого офицера являлось неоднократно удобным предложением для использования этого положения во вред мне в личных целях»¹⁸⁴.

Аналогичное заявление тогда же Оберюхтин адресовал начальнику Особого отдела Московского военного округа. Заявитель отмечал вынужденный характер службы у белых как военнообязанного в результате пленения в Казани в августе 1918 г. (что было неправдой, поскольку у всех желающих возможность избежать пленения имела) и просил о личном докладе¹⁸⁵.

¹⁸² Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. М., 1999. С. 432–433.

¹⁸³ Здесь и далее – подчеркнуто в документе.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 97–97об.

¹⁸⁵ Там же. Л. 98об.

Третье заявление того же дня предназначалось начальнику УНКВД по Московской области. Этот документ достаточно интересен для понимания хода следствия. В частности, Оберюхтин отметил: «В середине сентября с.г. мною было подано заявление на Ваше имя о моей к[онтр]р[еволюционной] работе и участии в к[онтр]р[еволюционной] организации.

Это заявление было написано по приказанию и по редакции гр[ажданина] Смирнова – нач[альника] 6[-го] отдела и совершенно не отвечает действительности, т.к. я никакой к[онтр]р[еволюционной] работы не вел и никогда ни в какой к[онтр]р[еволюционной] организации не был и о ней не знал.

Заявление, а затем и показания были написаны мною в состоянии тяжелого психического расстройства по давлению следствия, что вынудило меня принять на себя несуществующую вину и оклеветать себя и других. Об этом тогда же следствие мною было поставлено в известность. Однако мне было выражено недоверие, видимо, вследствие клеветы некоторых лиц на меня, как на б[ывшего] офицера Генштаба»¹⁸⁶. Заявитель также просил о личном докладе. Итак, из заявления следовало, что на арестованного сотрудниками НКВД оказывалось давление.

Наконец, четвертое заявление от того же числа Оберюхтин адресовал прокурору по делам НКВД Московской области¹⁸⁷.

Следующий допрос Оберюхтина датирован 30 декабря 1938 г. Тогда он пытался убедить следствие в том, что вел антисоветскую деятельность только в рядах белых армий. Однако следствие, разумеется, этим заверениям не поверило.

Новый допрос состоялся 14 января 1939 г. Теперь Оберюхтину задавали конкретные вопросы относительно подписанных им в период службы у белых карательных приказов. Оберюхтин отмечал, что это были приказы генерала Сахарова, которые он лишь скреплял и рассылал. Кроме того, следствие интересовалось, вынуждали ли Оберюхтина давать показания летом 1938 г. Подследственный ответил на это отрицательно, но от прежних показаний отказался¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Там же. Л. 99.

¹⁸⁷ Там же. Л. 100–101.

¹⁸⁸ Там же. Л. 107об.–108.

Оберюхтин достойно отвечал на ряд вопросов следствия. Например, на просьбу назвать бывших белых офицеров, проживавших в Москве и других городах, ответил, что знал только некоего Холомонова, а «остальные известные мне бывшие белые офицеры арестованы органами НКВД в период 1930–1938 гг.»¹⁸⁹. На вопрос о наличии близких знакомых Оберюхтин также ответил отрицательно.

Несмотря на настоятельные требования следователя предоставить данные о контрреволюционной деятельности, Оберюхтин, почувствовавший неопределенность положения сотрудников НКВД, стоял на своем.

Некоторые свидетели не давали обличающих Оберюхтина показаний. Например, выпускник Николаевской академии Генерального штаба бывший подполковник И.И. Кабалов ничего негативного об Оберюхтине не сказал¹⁹⁰. Однако ранее донесший на Оберюхтина свидетель Д.П. Грибков, служивший в управлении по командно-начальствующему составу РККА, отметил 5 марта 1939 г., что Оберюхтин был близок к «врагам народа» Н.Ф. Евсееву, А.И. Корку и Д.А. Кучинскому¹⁹¹. Оберюхтина продолжали обвинять в комплектовании академии неподходящим преподавательским составом.

На новом этапе следствия возникли и новые обвинения. В частности, военный комиссар академии А.И. Гаврилов 20 января 1939 г. в политической характеристике Оберюхтина свидетельствовал, что «за время своей службы у Колчака в должности начальника штаба 3-й армии Оберюхтин своими белобандитскими действиями прославился на Восточном фронте как вешатель рабочих и крестьян (это видно из приказа № 03942 по 3-й колчаковской армии, станция Пехуново от 12.IX.1919 г.).

В академии Генерального штаба РККА находился с июня 1936 г. по сентябрь 1937 г. в должности начальника учебного отдела, военное звание полковник. За это время совершенно не занимался учебными вопросами, а, наоборот, развалил работу учебного отдела (не были подготовлены программы и план на новый 1937/38 учебный год).

¹⁸⁹ Там же. Л. 109об.

¹⁹⁰ Там же. Л. 115–115об.

¹⁹¹ Там же. Л. 118.

[В] 1936 и 1937 гг. учеба в академии проходила хаотически, как пример, в расписание занятий академии были включены западные танцы, для чего был приглашен и получал деньги “профессор” Шлифер.

В сентябре м[еся]це 1937 г. по настоянию парторганизации академии Оберюхтин был отчислен в распоряжение управления по комначсоставу РККА¹⁹².

По данным на конец февраля 1939 г., Оберюхтин дал показания в отношении целого ряда ранее арестованных НКВД бывших работников военных академий. По академии им. М.В. Фрунзе фигурировали 33 человека (С.Н. Анисимов, А.А. Балтийский, М.Н. Баташев, С.М. Белицкий, А.С. Белой, П.И. Вакулич, И.И. Вацетис, А.И. Верховский, Г.А. Ветлин, Н.Л. Владиславский, В.М. Воронков, И.В. Высоцкий, А.Г. Голиков, Е.М. Голубинцев, Б.И. Доливо-Добровольский (в документе – Доливо-Домбровский), В.А. Дьяков, П.И. Ермолин, А.М. Казачков, Н.Е. Какурин, И.П. Кит-Вийтенко, Н.Я. Котов, Г.Х. Куцнер, С.Г. Лукирский, Б.В. Майстрах, Ю.И. Маковский, В.А. Мозолевский, А.В. Павлов, Н.П. Сапожников, А.А. Свечин, М.С. Свечников, Е.Н. Сергеев, А.Б. Слуцкий, Р.С. Циффер), по академии Генерального штаба РККА – восемь (М.И. Алафузо, М.А. Баторский, А.Х. Базаревский, А.И. Бергольц, Я.М. Жигур, Д.А. Кучинский, А.Д. Малевский, С.Г. Михайлов) и В.Е. Гарф представлял Академию связи им. В.Н. Подбельского¹⁹³. Требовалось проверить, не фигурировал ли Оберюхтин в показаниях этих лиц.

В вину Оберюхтину вменялись сотрудничество с белым подпольем в период службы в РККА и участие в сдаче чехам Казани (в нашем распоряжении нет данных о его подпольной работе летом 1918 г.), служба на высших командных постах в войсках А.В. Колчака, проведение карательной политики против трудящихся. Как участник антисоветского заговора в Военной академии Генштаба РККА он якобы проводил «подрывную работу в направлении дезорганизации нормального хода учебы и засорения личного состава академии социально чуждыми и враждебными элементами»¹⁹⁴.

¹⁹² Там же. Л. 153. Неточное воспроизведение характеристики см.: ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 2. Д. 9343. Л. 7.

¹⁹³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 200–201. Персоналии в списке указаны без инициалов, идентифицированы нами.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 77313. Л. 5.

Дело Оберюхтина теперь вел старший оперуполномоченный 8-го отделения Особого отдела НКВД Московского военного округа сержант госбезопасности Поминов. Следствие подошло к вопросу основательно и запросило архивы. Из Центрального архива Октябрьской революции была получена копия приказа войскам Уральской группы № 196 от 13 сентября 1919 г. с объявлением копии телеграммы начальника штаба 3-й армии Оберюхтина от 12 сентября. Речь шла об уже упоминавшемся приказе о борьбе с диверсиями красных, что предусматривало взятие заложников и расстрелы на месте¹⁹⁵.

Также были получены и другие документы. Например, подписанный Оберюхтиным приказ войскам 3-й армии белых за август 1919 г., в котором в качестве основной задачи белых было указано «освободить Россию и народ от захватчиков»¹⁹⁶. В другом рассылавшемся по распоряжению Оберюхтина документе генерал М.К. Дитерихс писал об упорной борьбе «с безбожниками-большевиками»¹⁹⁷.

Среди присланных из архивов материалов были переговоры Оберюхтина с генералами В.О. Каппелем, В.Д. Косминым по оперативным вопросам, что изобличало Оберюхтина как активного борца с красными, демонстрировало добрые взаимоотношения арестованного с представителями высшего командного состава белых. Документы содержали и прямую резолюцию Оберюхтина «разбить красных»¹⁹⁸. Фактически эти документы изобличали Оберюхтина не как вынужденного, а как добровольного и активного сотрудника белых.

29 апреля 1939 г. датировано постановление о продлении срока следствия по делу Оберюхтина, обвинявшегося по статьям 58-10 и 58-13, до 1 июня для «более тщательной проверки и уточнения участия других лиц в антисоветском заговоре»¹⁹⁹. Таким образом, прежние обвинения вновь считались актуальными. Составил постановление помощник начальника Особого отдела НКВД Московского военного округа младший лейтенант госбезопасности И.Я. Шевченко, утвердил – начальник Особого отдела НКВД Московского военного округа майор госбезопасности А.В. Базилиевич.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 121–123.

¹⁹⁶ Там же. Л. 127.

¹⁹⁷ Там же. Л. 139.

¹⁹⁸ Там же. Л. 138.

¹⁹⁹ Там же. Л. 166.

Именно Шевченко и вел дальнейшие допросы. На допросе 7 мая 1939 г. речь шла о руководимом генералом А.И. Андогским «Союзе возрождения России», в который Оберюхтин якобы вступил в 1918 г. в белом Омске²⁰⁰. В качестве других членов этой организации Оберюхтин перечислил преподавателей академии, включая служившего впоследствии в РККА А.Д. Сыромятникова. Отметим, что из других источников данные о существовании такой организации в Военной академии неизвестны.

Допрос 8 мая 1939 г. касался связей Оберюхтина с группой М.Н. Тухачевского. Оберюхтин не скрывал, что вместе с одним из фигурантов того дела А.И. Корком учился в академии, а позднее служил в штабе Западного фронта, где Корк был штаб-офицером по авиации, впоследствии Корк возглавлял Военную академию им. М.В. Фрунзе, где преподавал Оберюхтин, причем последний в 1933 и 1935 гг. бывал у Корка на квартире в правительственном доме на ул. Серафимовича (знаменитом «Доме на набережной»)²⁰¹.

Оберюхтин на допросе не скрывал, что «с Корк личные взаимоотношения были хорошие, но поскольку он занимал более высокие командные должности, а я в свое время служил в белой армии, поэтому старался держаться в стороне»²⁰². Во время встречи в 1933 г. «разговоры [велись] исключительно бытового порядка, он и его жена сетовали, почему я со своей женой не посещаю их, жена его сильно жаловалась, что он очень загружен работой, мало дома бывает, сам Корк был удручен смертью матери и мало разговаривал»²⁰³. В конце допроса следователь потребовал от Оберюхтина признаний в причастности к антисоветскому заговору, но подследственный твердо это отрицал.

Допрос 10 мая касался службы у белых родственников Оберюхтина, а также других участников «заговора». Оберюхтин по-прежнему все отрицал²⁰⁴. 20 мая состоялся новый допрос, касавшийся бывших белых офицеров, но с тем же результатом²⁰⁵.

²⁰⁰ Там же. Л. 168.

²⁰¹ Там же. Л. 171–171об.

²⁰² Там же. Л. 172.

²⁰³ Там же. Л. 172–172об.

²⁰⁴ Там же. Л. 175–176об.

²⁰⁵ Там же. Л. 178–178об.

23 мая однотипные вопросы следователя с требованиями говорить правду продолжались, но Оберюхтин упорно стоял на своем – виновен только в службе у белых²⁰⁶.

27 мая состоялся новый допрос. Мы не знаем, что происходило на нем за рамками строк протокола. Весьма вероятно, что однотипные вопросы и комментарии, достаточно агрессивные по тону («Как вы были завербованы в антисоветский военный заговор?», «Вы неискренне ведете себя сейчас на допросе... предлагаем оставить заpirationство и давать показания о вашем участии в заговоре»²⁰⁷), и давление на словах сопровождались физическим воздействием. Во всяком случае три коротких вопроса следователя и три коротких ответа Оберюхтина общим объемом полторы страницы текста размашистым почерком, а также оформление протокола почему-то заняли время с 19.30 до 21.15.

Аналогичная картина и в других протоколах. Так, на допросе 20 мая восемь коротких вопросов и ответы по одному – три предложения общим объемом две страницы размашистым почерком потребовали более четырех часов с 17.30 до 21.40; 28 мая шесть аналогичных по объему вопросов и ответов заняли время с 17.25 до 21.40²⁰⁸. Насколько можно судить по почерку, следователь заставлял вести протоколы самого Оберюхтина.

28 мая Оберюхтин дал дополнительные пояснения о показаниях против себя и о карательных приказах белых. Подследственный отрицал обоснованность показаний против себя и настаивал, что лишь скреплял приказы, причем за это уже понес наказание в 1920 г.²⁰⁹ Интересно, что донесшего на него Грибкова Оберюхтин охарактеризовал как плохого работника, пытавшегося наживаться на чертежных работах и имевшего личные счеты к Оберюхтину²¹⁰. В качестве итога академической работы Оберюхтин отметил: «Я допускаю в своей работе и ряд мелких ошибок, но это было неизбежно в той спешной организационной работе... Однако считаю, что я работал неплохо и никакой вредительской работы, а равно

²⁰⁶ Там же. Л. 180–180об.

²⁰⁷ Там же. Л. 182.

²⁰⁸ Там же. Л. 178–178об., 184–184об.

²⁰⁹ Там же. Л. 194–196об.

²¹⁰ Там же. Л. 195об.

к[онтр]р[еволюционной] деятельности в бытность мою в РККА не проводил. Ни в каких заговорах и к[онтр]р[еволюционных] организациях не участвовал и о лицах, состоящих в них, сведений не имел»²¹¹.

Как бы то ни было, за дополнительный месяц следствие от Оберюхтина ничего не добилось. Тем не менее 4 июня 1939 г. майором Базилевичем был утвержден текст обвинительного заключения, составленный Шевченко. Согласно этому документу, якобы следствием установлено, что Оберюхтин, «будучи убежденным монархистом, ярым сторонником царского строя, в годы Гражданской войны активно боролся против советской власти на стороне белых... принимал участие в предательской сдаче гор. Казани... участвовал в сколачивании белогвардейских сил для борьбы против советской власти»²¹². Утверждалось, что Оберюхтин якобы «проводил зверскую карательную политику против трудящихся, отдавая приказы своим белогвардейским частям сжигать дотла села и беспощадно расстреливать население, замеченное в симпатии к красным»²¹³. Большое значение придавалось мнимому участию Оберюхтина в «Союзе возрождения России» при белых и утверждалось, что через эту организацию он вошел в состав другой ее ячейки во главе с А.Е. Снесаревым в красной академии и принимал в работе этой ячейки деятельное участие. Далее указывалось на связи Оберюхтина с «врагами народа» А.И. Корком, М.Н. Тухачевским и Р.П. Эйдеманом. Якобы «выполняя задания антисоветского военного заговора, Оберюхтин в академии проводил подрывную контрреволюционную деятельность, дезорганизуя нормальный ход учебы и засоряя академию враждебными и социально чуждыми советской власти элементами»²¹⁴. Отмечалось, что как секретный осведомитель НКВД Оберюхтин двурушничал. Отказ Оберюхтина от показаний следствие игнорировало за счет показаний Грибкова и Косогова, а для обвинений в проведении карательной политики белых вполне хватало подписей Оберюхтина под чужими приказами.

²¹¹ Там же. Л. 196об.

²¹² Там же. Л. 202.

²¹³ Там же. Л. 203.

²¹⁴ Там же. Л. 204.

Таким образом, обвинение включало две части – участие в анти-советском военном заговоре и карательную деятельность в Гражданскую войну. Оберюхтин содержался в Бутырской тюрьме. Дело подлежало рассмотрению Особого совещания при НКВД СССР. Вопрос с рассмотрением по неизвестным причинам затянулся почти на год.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 3 июня 1940 г. Оберюхтин был приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей и направлен в Карагандинский лагерь МВД СССР (Карлаг). Срок считался с даты ареста – 15 августа 1938 г.²¹⁵

«Повторник»

Бывший генерал выжил в лагере и 15 августа 1946 г. вышел на свободу. Поселился в Вольске Саратовской области (ул. Водопьянова, 57), где ввиду отсутствия работы по специальности устроился фильтровальщиком на Волжской насосной станции. В 1946–1949 гг. состоял в профсоюзе коммунальников.

По всей видимости, в Вольске он женился на бухгалтере Вольского аптекуправления Валентине Ивановне Харитоненко, которая родила Оберюхтину сына Юрия (вероятно, в 1946 г.)²¹⁶.

Освободившись, Оберюхтин остался верен себе и начал бомбардировать руководителей Советской армии и СССР письмами о своем восстановлении в армии. Возможно, это привлекло к нему ненужное внимание и повлекло неприятные последствия.

15 ноября 1946 г. он написал письмо начальнику Главного управления кадров Министерства Вооруженных сил СССР генералу Ф.И. Голикову. Затем 30 ноября Оберюхтин обратился к И.В. Сталину с просьбой о восстановлении в кадрах Советской армии. В письме он сообщал: «За свою 33-летнюю военную службу я 18 лет проработал преподавателем и помощником начальника учебного отдела Краснознаменной ордена Ленина и ордена Суворова 1^й степени Военной академии имени М.В. Фрунзе.

²¹⁵ Там же. Л. 208.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 2. Л. 15.

Я всегда относился к делу честно, активно и за свою работу удостоен звания доцента, а равно отмечен хорошими аттестациями, отзывами и ценными подарками.

Я считался одним из лучших и подготовленных преподавателей. Имею печатные труды в РККА, из которых моя книга о танках – “Операции под Камбре в 1917 году” вошла в библиотеку командира РККА и получила лестный отзыв.

За свою умелую методическую и организационную работу я был назначен начальником учебного отдела новой тогда академии Генерального штаба РККА, формирование которой провел успешно в 1936–1938 годах.

Все изложенное могут засвидетельствовать и подтвердить мои многочисленные ученики и окончившие академию, занимающие ответственные посты в Советской армии, среди них – маршалы [Л.А.] Говоров, [А.И.] Антонов, генерал армии [И.Х.] Баграмян, начальник главной академии Генерального штаба генерал армии [М.В.] Захаров, его заместитель генерал-лейтенант [В.К.] Мордвинов, начальник Военной воздушной академии имени Жуковского – генерал-лейтенант [Н.А.] Соколов-Соколенок, заместитель начальника Военной академии имени М.В. Фрунзе генерал-лейтенант [А.В.] Сухомлин, профессора и преподаватели академий – генерал-лейтенант [Е.А.] Шиловский, генерал-лейтенант [Ф.П.] Шафалович, генерал-майор [А.И.] Готовцев, генерал-майор [А.И.] Бармин, генерал-майор Красильников, генерал-майор [Н.Г.] Корсун, генерал-майор [С.П.] Тимошков, начальник военно-исторического управления Генерального штаба генерал-майор [Н.А.] Таленский, его помощники – генерал-майор [Н.М.] Замятин и генерал-майор [В.А.] Небучинов. Все они и другие питомцы военных академий знают меня лично и могут дать отзыв, безусловно, положительный о моей работе в РККА»²¹⁷. Многочисленные подчеркивания в тексте указывают на тяжелое душевное состояние автора обращения. При этом он искажил суть предъявленных ему обвинений, утверждая, что речь шла лишь о повторном осуждении за события Гражданской войны, когда он попал в плен к белым и был вынужден им служить.

²¹⁷ Письмо В.И. Оберюхтина И.В. Сталину от 30.11.1946.

Однако, как мы знаем, произошедшее летом 1918 г. нельзя назвать пленением в чистом виде (скорее речь шла о добровольном переходе на сторону антибольшевистских сил), а, кроме того, обвинения касались и последующей службы Оберюхтина.

Оберюхтин отмечал: «Мне сейчас 59 лет, но я сохранил здоровье, полон сил, вполне работоспособен и имею большое желание продолжать работу в РККА, где я буду безусловно весьма полезен как один из немногих опытных преподавателей по кафедрам военной истории и военной географии.

Я буду не менее полезен также по научно-исследовательской работе в качестве военного писателя и редактора, а равно по линии методической-организационной в любой военной академии.

Наконец, я могу быть с успехом использован по указанным специальностям, особенно по военно-исторической, в качестве писателя, редактора и лектора по Отечественной войне при Академии наук или в гражданских высших учебных заведениях. В таких работниках сейчас большая нужда»²¹⁸. В конце обращения Оберюхтин писал: «Я прошу помочь мне встать на ноги и работать с прежним успехом по своей старой специальности.

Я заверяю Вас, товарищ министр, что приложу все свои силы и знания, дабы оправдать Ваше доверие и быть снова действительно полезным своей Армии и Родине»²¹⁹.

1 декабря 1946 г. последовало аналогичное обращение к министру Вооруженных сил СССР генералу армии Н.И. Булганину, а 3 декабря – к председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику.

Однако квалифицированному офицеру-генштабисту старой школы тогда не нашлось места в армии, даже в работе по составлению и редактированию военно-исторических трудов или в качестве лектора. По поручению начальника Главного управления кадров Красной армии генерала Ф.И. Голикова начальником 3-го отдела подполковником Дворкиным 27 декабря 1946 г. была составлена краткая справка-доклад на Оберюхтина, в которой отмечалось, что возвращение Оберюхтина на службу «не диктуется никакой деловой необ-

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же.

ходимостью и нецелесообразно»²²⁰. Нецелесообразность определялась тем, что Оберюхтину уже исполнилось 59 лет, в Гражданскую войну он изменил красным и служил у белых, позднее, исключая стажировку в 1929 г., в войсках не находился, жизни армии не знал, а изоляция в период Великой Отечественной войны делала его оторванным от жизни армии и требований времени. На справку-доклад 30 декабря 1946 г. Голиков наложил резолюцию: «На заявление Оберюхтина ответить отказом». В феврале 1947 г. заявителю ответили, что ходатайство удовлетворить не представляется возможным из-за его преклонного возраста, длительного пребывания вне рядов армии и отсутствия опыта Великой Отечественной войны²²¹.

В 1947 г. заявления Оберюхтина на имя министра внутренних дел СССР о пересмотре дела, восстановлении прежних звания и должности, предоставлении права проживания в Москве были оставлены без удовлетворения²²².

Бывший колчаковский главком в роли водопроводчика оказался явно не на своем месте. Допрошенный в качестве свидетеля по новому делу Оберюхтина начальник головных сооружений Волжской станции городского водопровода города Вольска В.Г. Литвиненко 25 июля 1949 г. отметил, что «большую часть рабочего времени Оберюхтин использовал не по назначению, а занимался составлением каких-то трудов, за что получал от меня как руководителя станции неоднократные замечания»²²³. Из этих строк следует, что, несмотря на все лишения, генштабист сохранил интерес к науке и продолжал работу в этом направлении. Скорее всего, речь шла об изучении военного дела или военной истории.

23 июля 1949 г. другой сослуживец Оберюхтина, электрик горводопровода В.С. Кузнецов, свидетельствовал: «О своем прошлом мне Оберюхтин рассказывал только то, что ранее, до 1938 года, он был полковником Красной армии, а в 1938 году его арестовали и осудили сроком на десять лет. За что он был осужден, Оберюхтин умалчивал или же отвечал, что сам не знает... Оберюхтин занимал

²²⁰ Справка-доклад на В.И. Оберюхтина от 27.12.1946.

²²¹ Письмо В.И. Оберюхтина И.В. Сталину от 30.11.1946.

²²² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 211.

²²³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 2. Л. 28–28об.

должность фильтровальщика, с обязанностями которого справлялся. С работниками станции "Волжская", в частности со мной, Оберюхтин был не разговорчив и всегда старался уединиться.

Кроме своей должности фильтровальщика, Оберюхтин является профоргом и редактором стенной газеты и председателем первичной организации ДОСАРМ²²⁴ при горводопроводе. Работа Оберюхтина по вышеперечисленным должностям, в большинстве своем, заключалась только в сборе членских взносов и выпуске стенной газеты»²²⁵.

Слесарь Н.А. Щелкунов 25 июля показал, что к производственной работе Оберюхтин относился недобросовестно и не проявлял инициативы, как профорг тоже никакой работы не вел²²⁶. По показаниям начальника Оберюхтина В.Г. Литвиненко, за это он освободил бывшего генерала от работы профорга.

В 1949 г. начались массовые аресты бывших политзаключенных. По прежним делам эти люди осуждались на ссылку, становясь так называемыми повторниками. Не избежал подобной участи и Оберюхтин. 14 июля 1949 г. он был арестован УМГБ по Саратовской области и содержался в тюрьме № 1 УМВД Саратова²²⁷. Постановление на арест составил начальник 3-го отделения 5-го отдела УМГБ по Саратовской области майор Варчев. Основанием для нового ареста послужило то, что, «находясь в заключении, а затем и проживая в г. Вольске, Оберюхтин, продолжая оставаться враждебно настроенным, высказывает окружающим его лицам злобные антисоветские измышления»²²⁸. Арест 12 июля утвердил заместитель начальника УМГБ по Саратовской области полковник Акимов и на следующий день санкционировал прокурор области старший советник юстиции Кузьмин.

Производили арест сотрудники УМГБ майор Гусев и лейтенант Домрачев. При обыске были изъяты паспорт, профсоюзный билет, служебный список, три записные книжки, 15 личных писем, справка об освобождении из лагеря и обязательство слесаря²²⁹.

²²⁴ Добровольного содействия армии.

²²⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 2. Л. 23об.-24.

²²⁶ Там же. Л. 26.

²²⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 217.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 2. Л. 3.

²²⁹ Там же. Л. 7-8.

Дело вел младший следователь следственного отдела УМГБ по Саратовской области старшина Жоголев. Изъятые записные книжки, письма, послужной список и обязательство с вынужденного разрешения Оберюхтина были уничтожены путем сожжения как не имевшие отношения к делу и не представлявшие, по мнению следователя, ценности²³⁰.

На допросе 18 июля 1949 г. Оберюхтин в очередной раз изложил историю своей жизни и по просьбе следователя перечислил четырех своих знакомых по работе в Вольске, добавив, что «с вышеперечисленными лицами мне приходилось сталкиваться по работе. Взаимоотношения у меня с ними были нормальные, ссориться ни с кем не приходилось, однако дружен я ни с кем не был»²³¹.

26 июля Оберюхтин снова признал вину в службе у белых, но отрицал причастность к каким-либо заговорам и антисоветскую деятельность в СССР. Отдельно он отметил, что «в своих собственноручных показаниях на допросе от 21 сентября 1938 года я оговорил себя в принадлежности к контрреволюционной организации, за что отбыл срок наказания»²³².

Оберюхтин был вновь осужден за прежние «преступления» постановлением Особого совещания при министре госбезопасности СССР от 29 октября 1949 г. по статьям 58-10, ч. 1 и 58-13 УК РСФСР. Бывшего генерала отправили в ссылку на поселение в Красноярский край²³³. Сам осужденный 24 ноября подал заявление в Особое совещание при министре госбезопасности СССР с просьбой направить его на поселение в Южный Казахстан: «Я в настоящее время являюсь инвалидом²³⁴ по преклонному возрасту (62 года), болел воспалением легких, имею порок сердца (миокардит), обморожил левую ногу с омертвением нервов и мышц этой ноги. Моя жена имеет слабое здоровье. У меня малолетний ребенок – сын (3 года). Ни я, ни семья не имеем совершенно теплой одежды, как равно нет никаких средств для покупки этой одежды и обуви. Я содержался

²³⁰ Там же. Л. 9.

²³¹ Там же. Л. 19.

²³² Там же. Л. 22.

²³³ Там же. Л. 37.

²³⁴ Здесь и далее подчеркнуто в документе.

6 лет в Карагандинском лагере. Направление в Красноярский край ставит меня и мою семью в безвыходное положение – почему я прошу направить меня на вольное поселение в Южный Казахстан²³⁵. Однако заявление было оставлено без удовлетворения, поскольку указанный в заявлении регион не был местом ссылки²³⁶. Впрочем, рассмотрение заявления и пересылка ответа заняли время до весны, что позволило отложить переезд Оберюхтина и его семьи до более теплого времени.

Чувашский писатель В.З. Иванов-Паймен, оказавшийся таким же «повторником» и попавший вместе с Оберюхтиным в партию ссылных, позднее писал советскому лидеру Н.С. Хрущеву: «Полковник Оберюхтин, преподаватель тактики в Военной академии, учитель наших маршалов, был тоже с нами, в этой партии. Он уже доживал восьмой десяток²³⁷. Жена его умерла в лагере²³⁸. Родных никого, помощи ждать не от кого. Кто его будет кормить? И он тоже завербовался на лесозаготовки, а сам все мечтал о разборе операций на Курской дуге... Приходилось опять мрачно шутить: “Это вам не царская ссылка!”»²³⁹ Впрочем, Иванова-Паймена везли из Канской тюрьмы в начале января 1950 г., тогда как Оберюхтин отправился в Сибирь позднее. По всей видимости, они встретились уже в Красноярском крае.

Через 30 лет после сдачи в плен красным под Красноярском Оберюхтину пришлось вновь оказаться в тех суровых краях, теперь уже в качестве ссылнопоселенца. В ссылке до 1955 г. Оберюхтин работал лесорубом в Она-Чунском леспромхозе Абанского района²⁴⁰. В документах окончание ссылки определялось 28 сентября 1954 г., но Виктор Иванович проживал там и далее. В 1950–1955 гг. состоял в профсоюзе леса и сплава. Всего Оберюхтин провел около трех лет в тюрьмах, шесть – в лагере и пять – в ссылке.

²³⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 2. Л. 42–42об.

²³⁶ Там же. Л. 40.

²³⁷ В действительности на весну 1950 г. Оберюхтину было 62 года.

²³⁸ Это утверждение не соответствует действительности.

²³⁹ «...Триумф XXII съезда – прежде всего Ваш личный триумф». Письмо чувашского писателя В.З. Иванова-Паймена Н.С. Хрущеву. 1961 г. // Исторический архив. 2003. № 4. С. 23.

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 227об.

До сих пор о жизни В.И. Оберюхтина во второй половине XX в. известно не было. Биографические справки обрывались на указании о смерти генерала «после 1950 г.», причем считалось, что он умер в лагерях²⁴¹. Проведенные автором этих строк архивные изыскания позволили установить, что в лагерях бывший колчаковский генерал не умер.

Реабилитация и последние годы

После смерти И.В. Сталина Оберюхтин 12 апреля 1953 г. обратился с «прошением» к председателю Президиума Верховного Совета СССР маршалу К.Е. Ворошилову, в котором отметил, что работает в леспромхозе как ссыльный, жена с малолетним сыном работает на Украине. Завершал обращение Оберюхтин следующей просьбой: «Прошу Вашего содействия о снятии с меня судимости и разрешении мне вернуться из ссылки к семье для проживания и работы совместно с нею в г. Вольск Саратовской области»²⁴². Бывший колчаковский генерал подписался как «рабочий Оберюхтин».

Однако вопрос с освобождением из ссылки затянулся. Более того, начальник отделения УМВД по Саратовской области подполковник Плешаков, рассмотрев 4 декабря 1953 г. дело Оберюхтина и его заявление, перечислил все прежние «прегрешения» Оберюхтина из старых приговоров и отметил, что «в своей жалобе Оберюхтин, не отрицая своей прошлой контрреволюционной организованной деятельности против Советского государства, просит в связи с тем, что ему уже 65 лет, снять с него судимость и разрешить ему вернуться из ссылки в гор. Вольск, где бы он мог проживать вместе со своей семьей».

Учитывая, что Оберюхтин осужден был правильно, как по первому, так и по второму делу, и никаких оснований к пересмотру его дела нет, полагал бы:

В просьбе Оберюхтину Виктору Ивановичу о снятии с него судимости и освобождении из ссылки на поселение отказать»²⁴³.

²⁴¹ Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России... С. 384; Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии... С. 522.

²⁴² ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 2. Л. 44.

²⁴³ Там же. Л. 50.

Оберюхтин продолжал бороться. 25 мая 1954 г. он, вновь подписавшись рабочим, направил заявления о пересмотре дела и освобождении Генеральному прокурору СССР и председателю КГБ при Совете министров СССР²⁴⁴. В итоге удалось добиться освобождения из ссылки.

Освободившись, Оберюхтин в январе 1955 г. уехал к семье в город Александрия Кировоградской области УССР, где проживал по адресу ул. Ленина, 18.

С реабилитацией Оберюхтину не повезло. Длительное время на многочисленные обращения в органы власти никакой реакции не было. 22 февраля и 18 марта 1955 г. Оберюхтин обращался с заявлениями на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР маршала К.Е. Ворошилова²⁴⁵. Свою жизнь Оберюхтин делил на периоды: 12 лет службы в старой армии, 18 лет службы в РККА, 8 лет работы в советской промышленности, 8 лет в заключении. Просил о снятии судимости, писал о том, что имеет на руках восьмилетнего сына, и изъявлял желание заниматься военно-педагогической деятельностью. В направленной Ворошилову автобиографии Оберюхтин, видимо, для того, чтобы вернее добиться результата, обозначил себя происходящим из рабочих²⁴⁶.

В послесталинское время дело Оберюхтина находилось на проверке в Особом отделе КГБ по Московскому военному округу. Был передопрошен свидетель Д.П. Грибков, который 1 ноября 1955 г. показал, что Оберюхтин, работая начальником учетного отдела академии Генштаба, отстаивал в приеме на службу политически неблагонадежных лиц и даже участников Ярославского восстания, однако с деловой стороны охарактеризовал Оберюхтина положительно²⁴⁷. Ряд свидетелей (в частности, члены партии с 1918 г. генерал-майор Я.Я. Вейкин и генерал-лейтенант А.И. Тодорский, давшие показания о службе Оберюхтина в Военной академии РККА в 1924–1935 гг., а также полковник в отставке И.А. Белкин) также дали положительные характеристики Оберюхтина как работника.

²⁴⁴ Там же. Л. 54–55.

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 225–225об., 227–228об.

²⁴⁶ Там же. Л. 228.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 238–241; Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 77313. Л. 6; Ф. А-461. Оп. 2. Д. 9343. Л. 23.

Тодорский 2 ноября 1955 г. свидетельствовал, что «был слушателем Военной академии им. Фрунзе с 1924 по 1927 год, причем с 1925 до 1927 года был ответственным секретарем академической парторганизации. В это время В.И. Оберюхтин работал в академии в должности начальника учебного отдела. Я очень хорошо знал его, часто сталкиваясь с ним и как слушатель-староста своего курса, и как секретарь партбюро.

В настоящем отзыве я, безусловно, выражу чувства любого слушателя академии, если скажу, что В.И. Оберюхтин был образцом советского военного специалиста, пришедшего в Красную армию из царской армии. Прежде всего, это был неподкупно честный человек, совершенно не случайно оказавшийся в рядах Рабоче-крестьянской армии. Он вступил в нее сознательно, без вероломства, без неволи и без корысти. Мы, коммунисты, глубоко уважали его за преданность его делу пролетарской революции, за беззаветное трудолюбие на учебном поприще, за исключительную заботливость о нас, слушателях, сказывавшуюся в особо четкой работе учебного отдела. Это был скромнейший человек, широко доступный каждому из нас, имевшему много точек соприкосновения с учебным аппаратом.

Я не помню ни одного случая, который бы дал повод кому бы то ни было жаловаться на В.И. Оберюхтина, а тем более усомниться в его политическом лице.

Будучи знаком с В.И., я неоднократно встречался с ним и после окончания академии, особенно с 30^х годов, когда сам я служил в Москве, в Воздушной академии и в Наркомате обороны. Он верой и правдой служил социалистической родине и не за страх, а за совесть укреплял ее вооруженные силы. Он был честным воином Красной армии»²⁴⁸.

Я.Я. Вейкин 30 ноября 1955 г. сообщил в Особый отдел Московского военного округа, что «Оберюхтина В.И. знал как преподавателя академии им. М.В. Фрунзе в период 1926–1929 и 1931–1935 годов и как начальника учебного отдела академии Генерального штаба в 1936–1937 годах.

По академии им. М.В. Фрунзе Оберюхтина В.И. знаю как хорошо подготовленного преподавателя, который много и кропотливо рабо-

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 242–243.

тал над подготовкой слушателей. Учебные группы, которыми руководил Оберюхтин В.И., по своей подготовке занимали одно из ведущих мест в академии.

В бытность начальником учебного отдела академии Генерального штаба Оберюхтин В.И. внимательно относился к планированию учебных занятий и систематически контролировал ход учебной работы.

За все то время, в течение которого я знал Оберюхтина В.И. по совместной службе, он всегда был внимательный и предупредительный к людям, как к равным себе, так и к подчиненным.

В общественной жизни он активного участия не принимал, но и не уклонялся от выполнения порученных ему общественных заданий»²⁴⁹.

Еще один свидетель, полковник в отставке И.А. Белкин, 31 декабря 1955 г. отметил: «Я работал в академии им. Фрунзе с 1926 года по 1941 ([до] начала Вел[икой] Отеч[ественной] войны), занимая должность нач[альни]ка отделения личного состава строевого отдела, н[ачальни]ка общего отделения того же отдела и нач[альни]ка строевого отдела. В бытность мою нач[альником] отделения строевого отдела я знал, что должность нач[альни]ка уч[ебного] отдела академии занимал в то время Оберюхтин. Как нач[альни]к[у] отделения мне было известно, что Оберюхтин до вступления на службу в Красную армию служил в белой армии – из его личного дела. Знал из его посл[ужного] списка, что он в прошлом окончил академию Генерального штаба. За давностью времени я не могу отчетливо вспомнить, какие документы хранились в его личном деле помимо послужного списка, но думаю, что если бы в нем были документальные данные о его судимости за службу в белой армии Колчака, то это сохранилось бы в моей памяти, таких документов в его личном деле не было»²⁵⁰.

28 июля 1955 г. Оберюхтин обратился с заявлением на имя первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, в котором писал, что «в 1938 г. и в 1949 г. дважды пострадал незаслуженно по милости Ежова и Берия, не имея за собою никаких преступлений. Между тем эти репрессии не дают мне возможности работать далее и получать пен-

²⁴⁹ Там же. Л. 244.

²⁵⁰ Там же. Л. 245.

сию. Хотя мне 67 лет, но я могу и хочу работать еще, но устроиться где-либо на работу не могу, пенсию не дают, а других средств к жизни не имею. Умирать еще рано, а жить на подаяния – недопустимо.

Нахожусь в крайне тяжелом положении. Все мои просьбы и ходатайства о снятии с меня пятна судимости по [приговору] ОСО и о реабилитации меня направляются в Главную военную прокуратуру, но вопрос о моей реабилитации там еще не разрешен до сих пор в течение почти 2^х лет, хотя мною давно уже получено извещение Главной военной прокуратуры о принятии мер к ускорению проверки моего дела.

Прошу Вас помочь мне в снятии с меня судимости по ОСО, реабилитации меня и назначении мне пенсии по Военному ведомству за 18 лет службы в Советской армии и за 7 лет работы в промышленности СССР рабочим, а равно дать мне возможность работать далее»²⁵¹.

Аналогичное заявление в тот же день было направлено и председателю Совета министров СССР маршалу Н.А. Булганину²⁵². Кроме того, более развернутое заявление Оберюхтин адресовал министру обороны СССР маршалу Г.К. Жукову²⁵³. Все эти ходатайства в итоге оказались в одном деле Оберюхтина. В письме Жукову Оберюхтин жаловался на бюрократическую волокиту: «Я обращаюсь к Вам вторично.

Мое первое заявление на Ваше имя было передано на разрешение Главного управления кадров, но вот прошло уже почти полгода, а вопрос остается еще не разрешенным.

Мое заявление на имя начальника пенсионного управления Главного управления кадров об исходатайствовании мне пенсии по Военному ведомству, посланное еще 5.4.1955 года, остается там без ответа.

Мои просьбы к начальнику пенсионного управления о результатах моего заявления относительно пенсии также остаются без последствий.

Наконец, я просил начальника пенсионного управления в случае отрицательного решения вопроса о моей пенсии вернуть мне мои

²⁵¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 220об.–[221] (л. 221 не нумерован).

²⁵² Там же. Л. 221–222.

²⁵³ Там же. Л. 223–224об.

документы о пенсии для возбуждения вопроса о пенсии через социальное обеспечение, но и на это никакого ответа не последовало. Обращение по этому вопросу в Главное управление кадров успеха также пока не имело»²⁵⁴.

1 августа 1955 г. последовало обращение к главному военному прокурору²⁵⁵. Оберюхтин вновь жаловался на невозможность трудоустройства в течение полугода, поднимал вопрос о пенсии и о реабилитации.

3 января 1956 г. помощник прокурора города Москвы по спец-делам юрист 2-го класса Фунтов рассмотрел архивно-следственное дело № 809420 по обвинению В.И. Оберюхтина. Причастность Оберюхтина к какому-либо заговору доказана не была, однако, учитывая активное антисоветское прошлое генерала, антисоветская деятельность по статье 58-13 УК РСФСР считалась доказанной, в связи с чем в реабилитации Оберюхтину отказали.

По поводу своих приказов за Гражданскую войну Оберюхтин показал: «Я, как начштаба, сам отдавать приказы не имел права и такие приказы без указания “командарм приказал” силы не имели. Я лишь приказы скреплял. Все эти приказы и сводки были учтены при разборе моего дела о службе у белых еще в 1920 году ВЧК. За эту вину я понес наказание еще 21 год тому назад... О том, что я был в плену у белых и вынужден там службою, всем было известно, в том числе и маршалу Ворошилову»²⁵⁶.

30 марта 1956 г. Оберюхтин написал заявление на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова: «Я вторично прошу Верховный Совет СССР о снятии с меня судимости по [приговору] ОСО УМГБ, а равно о реабилитации меня с восстановлением моего служебного стажа в Советской армии в течение 31 года, считая в том числе 13 лет незаконного содержания меня в тюрьме и в лагере в течение 8 лет и в ссылке – в течение 5 лет.

На мою первую просьбу об этом зам. прокурора г. Москвы ст[арший] сов[етник] юстиции Зотов № 63-288 от 6.1.1956 года сообщил

²⁵⁴ Там же. Л. 224.

²⁵⁵ Там же. Л. 229–231.

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 79586. Л. 3.

мне, что о снятии судимости по ОСО УМГБ необходимо обратиться в Верховный Совет СССР, а о моей реабилитации в моем деле оснований не имеется. Однако с таким заключением зам. прокурора г. Москвы о моей реабилитации согласиться нельзя по следующим мотивам:

В бытность мою преподавателем Военной академии РККА, я 6.8.1918 года²⁵⁷ в составе всей академии попал в плен к белым при внезапном захвате ими г. Казани.

Как мобилизованный и военнообязанный я был вынужден службой у белых на штабных должностях, как и остальные работники академии. По возвращении в РККА я, согласно постановления ВЧК по Сибири, отбывал наказание за это, а в 1920 году был амнистирован Сибревкомом с возвращением на службу в РККА и со снятием с учета белых.

С тех пор я непрерывно работал снова в течение 17 лет преподавателем и помощником начальника учебного отдела Военной академии РККА имени Фрунзе, а в 1936 году был назначен Вами начальником учебного отдела вновь организуемой высшей Военной академии РККА имени Ворошилова. В 1938 году я работал начальником кафедры оперативного искусства Военно-транспортной академии РККА имени Кагановича и Военной академии РККА имени Фрунзе.

В период массовых арестов 1938 года, по требованию врагов народа Берии и др., я был незаконно уволен в запас РККА в звании полковника, а вслед за тем – арестован УМГБ.

В течение 2^х лет тюрьмы в Москве мне были предъявлены нелепые и вымышленные обвинения, которые все отпали, равно как провалились и все попытки предания меня суду. Недаром прокурор Московского военного округа в 1940 году объявил мне и моей жене, что за мною нет никакого преступления, почему я подлежу освобождению.

Тем не менее орудовавшая в то время шайка врагов народа Берии и др. умышленно направила тогда мое дело по линии своего ОСО, сослав меня в Карлаг на 8 лет по вымышленно сфабрикованному ими обвинению.

Вернувшись оттуда в 1946 году, я работал слесарем на Вольском городском водопроводе.

²⁵⁷ Так в документе. Правильно – 07.08.1918.

В 1949 году, опять-таки по указаниям тех же врагов народа Бери и др., я был снова арестован и по тому же вымышленному ими обвинению выслан в Красноярский край, где до 1955 года в течение 5 лет работал лесорубом в Она-Чунском леспромхозе.

Только в январе 1955 года я вернулся к семье в гор. Александрию Кировоградской области УССР.

В общем – указанная группа врагов народа, используя мой плен у белых и вынужденную там службу, сфабриковала вымышленное обвинение на меня, несмотря на протест прокурора Московского военного округа, незаконно репрессировала меня по линии своего ОСО, дважды оборвав мою работу в РККА, и содержала меня в заключении в течение 13 лет, несмотря на мою 18-летнюю беспорочную службу на ответственных должностях в РККА и отбытие наказания в 1920 году и амнистирование. Эта работа в РККА всегда оценивалась отличными аттестациями и ценными подарками.

За свою работу по формированию и организации Высшей военной академии РККА имени Ворошилова я был представлен к званию генерал-майора и к ордену Красной Звезды. Меня лично знали и мою работу в Советской армии могут засвидетельствовать все бывшие в то время слушатели указанных академий, и среди них – мои ученики и сослуживцы, занимающие ныне ответственные посты в армии, – например: маршал Баграмян, генерал армии Соколов-Соколенок, генерал-лейт[енант] Сухомлин, Шиловский, Корсун, Мордвинов, Готовцев, Таленский, Замятин, Небучинов и др.

Сам я вышел из бедной рабочей семьи, получил высшее военное образование, имею в армии научные печатные труды и подготовленные к печати труды по 2^й Отечественной войне, имел звание доцента.

Указанная вражеская группа Бери и др. противозаконно лишила меня возможности работать в Советской армии в течение 13 лет заключения и ссылки по вымышленному обвинению, лишила меня пенсии по Военному ведомству за 31 год работы, не говоря уже о всех нравственных, физических, семейных и материальных потрясениях, причиненных мне за это время.

До сих пор надо мною тяготеет это противозаконное пятно репрессирования по ОСО УМГБ врагов народа, а в связи с этим и всяческие трудности по работе и в жизни.

Что касается заключения зам. прокурора г. Москвы по моему делу, то и на нем сказалась некоторая предубежденная осторожность в отношении моей реабилитации. Считаю, что основанием для оценки моей работы и незаконности моего репрессирования по линии ОСО должны быть:

1. Ложность и вымышленность предъявленных мне обвинений по ОСО УМГБ в 1938 году и позднее с вымышленной фабрикацией моей мнимой вины.

2. Троекратная повторность наказания меня по линии ОСО за мою вынужденную вину в 1918 году при наличии отбытия мною наказания в 1919 году²⁵⁸ и амнистирования меня в 1920 году, а равно беспорочность моей 18-летней работы в армии с 1920 по 1938 гг. Эта повторность репрессирования противоречит содержанию и духу нашего кодекса.

3. Отсутствие каких-либо обоснованных документальных данных о моей виновности и предъявленных мне обвинений в 1938 и в 1949 гг.

Считая ответ зам. прокурора г. Москвы неправильным и не отвечающим содержанию и существу моего дела о реабилитации меня, – я и обращаюсь вторично в Верховный Совет СССР.

Веря в торжество Советской правды и законности, я прошу Верховный Совет СССР:

1. Снять с меня судимость по ОСО УМГБ врагов народа Берии и др.

2. Восстановить мой трудовой стаж – 31 год работы в Советской армии за счет отбытых мною 13 лет незаслуженных повторных наказаний в тюрьме, в лагере и в ссылке в период 1938–1955 гг.

Это реабилитирование меня даст мне возможность хотя [бы] на старости лет получить пенсию по Военному ведомству за 31 год моей работы в РККА и в заключении, а равно работать далее спокойно по своей специальности. Сейчас мне 68 лет – старик, но я еще здоров, могу и хочу работать и работаю.

Б[ывший] полковник запаса РККА Оберюхтин В.»²⁵⁹.

По жалобе Оберюхтина прокуратурой РСФСР летом 1956 г. проводилась проверка²⁶⁰. В прокуратуре РСФСР был подготовлен про-

²⁵⁸ Так в документе. Правильно – в 1920 г.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 2. Д. 9343. Л. 8–9об.

²⁶⁰ Там же. Л. 3.

тест в связи с тем, что за прежнюю антисоветскую деятельность Оберюхтин не мог быть привлечен к ответственности без санкции Президиума Верховного Совета СССР в силу амнистии к десятилетиям революции 2 ноября 1927 г., а позднейшая антисоветская деятельность не была доказана. Однако заместитель прокурора РСФСР А.М. Узунов этот протест не подписал, так как «Оберюхтин в должности нач[альника] штаба 3[-й] арм[ии] Колчака проявил себя ярким врагом сов[етской] власти (предлагал расстреливать на месте не только б[ольшевик]ов, но и сов[етских] жителей, сжигать дотла селения, убивать каждого десятого и т.д.)»²⁶¹. Оберюхтин имел право обратиться в Верховный Совет РСФСР на предмет снятия судимости.

8 сентября 1956 г. Оберюхтин написал новое, еще более развернутое заявление на имя прокурора отдела по спецделам РСФСР Рогова: «Мое заявление на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР т. Ворошилова К.Е., согласно Вашего извещения от 29.6.1956 года за № 9/7-42-09-56, поступило к Вам и проверяется.

Я считаю необходимым к моему заявлению добавить следующее:

Как Вам известно, с 1937 года по всему СССР, по почину сверху, в широких размерах развернулась деятельность УМГБ “по усилению госбезопасности и очищению страны от опасных и нежелательных элементов”. Фактически же под этой вывеской группа заклятых, скрытых врагов народа из УМГБ проводила свою вредительскую работу в целях истребления кадров РККА и других советских специалистов, как равно и ликвидацию нежелательных для нее лиц. Ленинские установки и советское правосудие были ими заменены личным административным усмотрением и самоуправным решением ОСО УМГБ по непосредственным указаниям высоких персон “культурной личности”.

Захватив в свои руки неограниченные возможности и средства подавления, распоясавшиеся враги народа проявили бешеную энергию и деятельность. В обстановке созданного ими общего нервного психоза, устрашения и произвола они проводили чрезвычайные мероприятия, имеющие скрытые вражеские цели, пользуясь своею безнаказанностью и высоким покровительством.

²⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 77313. Л. 70б.

И по всяким доносам, и без них арестовывались многие тысячи невинных советских людей, которым приклеивались ярлыки вымышленных преступлений, штамповались коллегиальные осовские постановления²⁶² и “обвиняемые” огульно загонялись в лагеря, в тюрьмы, в ссылку, “на тот свет”. Считая себя полновластными распорядителями жизнью и судьбой советских людей, а равно блюстителями госбезопасности, они, под внешней маской законности, творили полнейший произвол, насилие, пытки, террор.

Они работали под фикцией закона, без колебаний, не считаясь ни с чем, жестоко расправляясь со своими жертвами. Работали долго, замывая свои следы и преступные деяния, искусно обманывая партию, правительство, народ.

И только после смерти Сталина были раскрыты, пойманы с поличным и понесли заслуженную кару. Но их страшные злодеяния и последствия их потребуют громадных усилий и труда для раскрытия до конца и восстановления истины.

В эту мрачную эпоху “культа личности”, по требованию вражеского УМГБ, в 1938 году я был без всяких оснований и вины удален с должности начальника учебного отдела Высшей военной академии РККА имени Ворошилова, затем – с должности начальника кафедры оперативного искусства Военной академии РККА имени Фрунзе, где проработал непрерывно 17 лет, а затем – демобилизован и арестован органами Московского областного УМГБ и в течение 2 лет содержался под следствием в тюрьмах г. Москвы.

Сначала мне были предъявлены явно ложные, вымышленные обвинения по состоянию будто бы в офицерских организациях и т.п. Следствие велось в обстановке устрашения, избиения и др[угих] садистских методов.

В процессе следствия выявилась моя полная невиновность и отсутствие какого бы то ни было преступления с моей стороны.

Тогда, в целях оправдания моего ареста и содержания под стражей, следователь вытянул на свет мое старое дело о том, что в 1918 году я в составе всей Военной академии РККА не по своей вине попал в плен к белым при внезапном захвате ими г. Казани и, как мо-

²⁶² Т.е. постановления Особого совещания.

билизованный военнослужащий, под страхом расстрела, был принудительно вынужден службой у белых на штабных должностях.

Вражескому следствию было совершенно не важно и не обязательно, что я тогда же понес наказание за свою невольную вину от ВЧК по Сибири, в 1919 году²⁶³ был амнистирован Сибревкомом, полностью восстановлен в правах советского гражданина и военнослужащего РККА и возвращен из Сибири, как и др[угие] военные специалисты, по телеграмме В.И. Ленина – обратно в РККА на прежнюю должность преподавателя Военной академии РККА имени Фрунзе. На этой должности я непрерывно проработал честно и добросовестно 17 лет, имея всегда отличные аттестации и ценные подарки, а в 1936 году приказом т. Ворошилова К.Е. был назначен начальником учебного отдела вновь формируемой тогда Высшей военной академии РККА имени Ворошилова. В организации и формировании этой академии, особенно по организационной и учебно-научной части, я принимал самое активное участие, за что и был представлен к званию генерал-майора и к ордену Красной Звезды.

Мою работу за все 17 лет в указанных академиях знают и могут засвидетельствовать все бывшие слушатели и преподаватели, которых я указывал на следствии и в своих заявлениях.

Однако, несмотря на то, что я искупил свою невольную вину, отбыл наказание, амнистией Сибревкома был восстановлен в своих правах советского гражданина и командира РККА с возвратом на свою прежнюю работу, где беспорочно и плодотворно проработал непрерывно 17 лет, – следователь незаконно предъявил мне снова обвинение по АСД в 1918 году.

Попытки следствия предать меня суду военного трибунала провалились, так как военный прокурор Московского военного округа заявил, что привлечение меня по делу 1918 года вторично является незаконным, а новых материалов и нового состава преступления по этому делу, как и вообще – нет, почему я должен быть освобожден.

Однако орудовавшая тогда шайка бериевских врагов народа свернула мое дело по своему ОСО, и я был отправлен в Карлаг на 8 лет за АСД (?).

²⁶³ Так в документе. Правильно – в 1920 г.

В чем именно эта АСД в 1938 году выражалась и какие основания были для наказания меня повторно в 1938 году, мне объявлено не было. Все мои заявления, в том числе на имя Сталина, – остались без последствий.

Одев на меня самоуправно ярмо судимости вражеского ОСО и незаконное клеймо АСД, – шайка вредителей продержала меня в Карлаге до 1946 года.

Но этим не ограничились бериевские махинации и преследования, спустя 3 года, в 1949 году, по прямому указанию из Москвы бериевского ОСО, снова без всяких новых каких-либо обвинений или проступков с моей стороны, я был вновь арестован в г. Вольск, а затем после 6-месячного заключения в Саратовской тюрьме выслан по этапу в Красноярский край на 5 лет, где до 1955 года работал лесорубом.

Даже следователь Саратовского УМГБ, при опросе, сообщил мне, что мой арест и ссылка были произведены по указаниям Московского ОСО и никаких обвинительных и свидетельских материалов, порочащих меня, в Саратове нет.

Только после смерти Сталина и ликвидации вражеской бериевской банды я был освобожден в 1955 году и после 13 лет тюрьмы, лагеря, ссылки, незаконных преследований – вернулся к семье с тягостным клеймом и ограничениями произвола врагов народа.

Как видите, и в 1938 году, и в 1949 году я 2 раза, совершенно незаконно и бездоказательно, чисто с вредительской целью бериевского УМГБ был осужден по ОСО врагов народа на основе вымышленных и устаревших материалов 1918 года, по которым я в свое время уже ответил по закону, был амнистирован и полностью восстановлен во всех правах советского гражданина и командира РККА, телеграммой В.И. Ленина возвращен на свою прежнюю должность и работал в армии честно 17 лет.

И действительно, неужели справедливо и законно по советскому кодексу и конституции, а тем более по ленинским установкам и указаниям, было карать меня за одно и то же 3 раза: сначала в 1918 году, затем – в 1938 году и, наконец, – в 1949 году, учитывая особенно то, что еще в 1919 году²⁶⁴ моя вина была с меня снята полностью.

²⁶⁴ Так в документе. Правильно – в 1920 г.

А теперь, спустя 38 лет, снова признать, что и теперь должен пресмыкаться с ярмом вредительской судимости ОСО врагов народа и с клеймом всяческих ограничений.

Это же ведь совершенно не увязывается с нашим кодексом о суде, с советскими законами и с конституцией, не вызывалось никогда и не оправдывается общим положением нашей Родины и международной обстановкой вообще.

Все эти вражеские гонения и козни не могут ничуть оправдываться и обстановкой того смутного времени эпохи “культа личности”, тем более что за мною ни в 1938, ни в 1949 г.г. не было никаких порочащих меня обстоятельств, кроме честной работы, самых лучших оценок и отзывов обо мне как об ответственном работнике РККА.

И только шайка врагов народа из УМГБ пошла на умышленное вредительское нарушение советских законов и ленинских заветов.

А теперь зам. прокурора Зотов формально солидаризируется с таким произволом.

Где же истина и справедливость? Где советская законность и тщательная проверка дела по существу, где справедливая оценка моей работы, жизни?

Меня в течение 13 лет безнаказанно терзали, мучили и пытали действительные враги народа. Они умышленно подвергали меня всяким трюкам своего садистского режима, преступно оборвали мою безупречную работу в академии, в армии, трижды разбили мою семью, мою жизнь, лишили меня возможности жить по-людски, лишили права на пенсию за мой труд в армии.

А ведь В.И. Ленин сейчас же после разгрома Колчака телеграммой Сибревкому еще в 1919 году²⁶⁵ указал выслать из Сибири в Москву для работы всех военных специалистов, невзирая на их прошлое. И это было выполнено.

Во исполнение этого и я амнистией Сибревкома был полностью восстановлен в правах советского гражданина и командира РККА с возвратом меня на прежнюю работу преподавателя Военной академии РККА имени Фрунзе.

До 1938 года, т.е. в течение 17 лет, это считалось правильным и законным. Я пользовался полным доверием и авторитетом, занимая

²⁶⁵ По всей видимости, речь идет о событиях 1920 г.

ответственные должности преподавателя и начальника учебного отдела Высшей военной академии Советской армии, получил звание полковника и доцента.

А вот в 1938 году руководители “культа личности” самоуправно отменили и указания В.И. Ленина, и амнистию Сибревкома, и постановление ВЧК по Сибири, – вредительски подвергли меня повторному и незаслуженному наказанию вопреки советским законам. Это уже была не советская работа и законность, а чисто вражеская деятельность бериевской банды, поправшей и ленинские установки, и советское правосудие с заменой их своим режимом террора и истребления советских кадров в угоду и страха ради самодержавного “культа личности”.

Нельзя же считать законным, чтобы меня, без всяких оснований, по указке и беззаконному требованию вражеских заправил из УМГБ, в 1938 году выбросили из РККА, арестовали и в течение 2^х лет проделывали позорную видимость “следствия”, а затем, вопреки протесту военного прокурора Московского военного округа, “по-осовски” отштамповали, “засудили” и 6 лет держали в Карлаге, издеваясь, оплевывая и унижая мое человеческое достоинство советского гражданина до скотского состояния.

Но и этого они считали недостаточным, – поэтому в 1949 году та же бериевская банда арестовала меня и выслала в Красноярский край на 5 лет только, видимо, потому, что я еще не умер после их гнусных экспериментов, а остался жив. Никакой другой “вины” за мною не было и никакая госбезопасность или обстановка этого не требовала, кроме их вредительства и черной изменнической работы по истреблению советских кадров. Возможно и то, что меня карали за мое заявление Сталину в 1938 году о незаконном аресте в 1937 году моего брата и дал поручительство о его невиновности²⁶⁶, что в настоящее время и подтвердилось полной его реабилитацией. В то время и этого было достаточно для моего репрессирования.

Обращаясь к оценке заключения по моему делу зам. прокурора г. Москвы Зотова, я не могу не сказать, что оно является весьма странным и непонятным. Почему он даже не нашел оснований в моем деле для моей реабилитации. Не может же быть, чтобы Зотов

²⁶⁶ Так в документе.

считает²⁶⁷ законной и справедливой всю эту вредительскую деятельность врагов народа из УМГБ, проводимую столь длительно, беззастенчиво, незаконно. Это касается и моего дела, состряпанного следствием Московского областного УМГБ в 1938–40 гг. из устаревших материалов 1918 года и вымышленной лжи.

Докладываю, что я выходец из бедной рабочей семьи, честный и простой советский человек, кадровый командир с высшим академическим военным образованием, добытым своими силами и трудом. С начала Октябрьской революции честно и добросовестно работал в РККА, не по своей воле и вине попал в плен в составе своей Военной академии РККА и, под страхом расстрела меня и семьи, вынужденный временной службой на штабных должностях. За эту ошибку понес тогда же наказание и по отбытии его, амнистией Сибревкома, по телеграмме В.И. Ленина, возвращен в РККА с восстановлением в правах гражданина и командира и 17 лет продолжал свою работу беспорочно, пока в 1938 году по вражескому умыслу бериевского произвола пострадал незаслуженно дважды.

Я один из первых и непосредственных организаторов Высшей военной академии Советской армии имени Ворошилова К.Е., 17 лет воспитывавший славный боевой высший комсостав Советской армии, в том числе и таких командиров, как т.т. Ватутин, Рыбалко, Говоров, Баграмян и др.

Я имею в армии мои печатные военные труды и подготовленные к печати труды по 2^й Отечественной войне. Был удостоен звания полковника и доцента академии.

Я пострадал невинно, незаслуженно и незаконно, благодаря черной вредительской работе врагов народа Берии и др[угих] последователей “культа личности”, поэтому заключение зам. прокурора Зотова просто непонятно, и с ним никак нельзя согласиться, тем более что он ограничился в ответе штампом формального отказа без всяких объяснений причин отказа, без дополнительных запросов и меня, и лиц, указанных мною.

Я верю, что настало время правдивого вскрытия самой сути дела и справедливой оценки моей работы и жизни.

Я прошу Вашего содействия и помощи в искании правды, истины.

²⁶⁷ Так в документе.

Я прошу Вашего содействия и ходатайства перед Верховным Советом СССР о снятии с меня судимости по ОСО врагов народа из УМГБ и о реабилитации меня с восстановлением моего стажа 30-летней работы в Советской армии, вредительски прерванной на 18 году ее врагами народа и продолженной в заключении и в ссылке в качестве простого рабочего.

Я прошу Вашего содействия и ходатайства о назначении мне пенсии по Военному ведомству за 30 лет моей службы, из коих 17 лет – в Советской армии в звании полковника и преподавателя Военной академии, а 13 лет – работы в заключении и в ссылке в качестве рабочего.

Я прошу Вашего содействия и ходатайства о восстановлении меня в военном звании полковника и на работе преподавателем Военной академии Советской армии имени Фрунзе.

Я прошу Вас убедительно ускорить рассмотрение и решение по моему делу, т.к. оно тянется уже несколько лет и не закончено до сих пор.

Оберюхтин В.»²⁶⁸.

В заявлении на имя главного военного прокурора СССР от 25 декабря 1956 г. бывший генерал вновь описал свои мытарства: «В 1938 году, по требованию УМГБ, я был удален с должности начальника учебного отдела Высшей военной академии РККА имени Ворошилова и начальника кафедры оперативного искусства Военной академии РККА имени Фрунзе – с увольнением в запас в звании полковника, а вслед за этим был арестован Моск[овским] обл[астным] УМГБ.

В течение 2^х лет меня содержали под следствием в московских тюрьмах, но все обвинения меня отпали за недоказанностью.

Военный трибунал Московского военного округа судить меня отказался за отсутствием состава преступления.

Однако по вредительскому постановлению ОСО-УМГБ я был направлен в Карлаг на 8 лет по вымышленному обвинению в АСД.

По отбытии наказания в 1946 году, я в 1949 году, по тому же обвинению и такому же постановлению ОСО УМГБ, был выслан в Красноярский край, где проработал лесорубом до 1955 г.

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 2. Д. 9343. Л. 10–17об.

На просьбы мои о пересмотре дела прокуратура г. Москвы и РСФСР предложила мне обратиться в Верховный Совет РСФСР о снятии с меня судимости по ОСО-УМГБ.

Для реабилитации меня она почему-то в моем деле оснований не нашла.

Считая, что я и в 1938 году, и в 1949 году был репрессирован незаконно и несправедливо, под фикцией госбезопасности, т.к. я в это время никаких преступлений не совершал, что подтвердил и Военный трибунал М[осковского] в[оенного] о[круга], – я прошу²⁶⁹ о пересмотре моего дела через военный трибунал для снятия с меня вредительской судимости по ОСО-УМГБ и реабилитации.

Как инвалид по возрасту (70 лет от роду), я прошу о снятии с меня пятна несправедливой и вредительской судимости по ОСО-УМГБ, вызвавшей повторные наказания меня в течение 15 лет со всеми последствиями позора, переживаний, ограничений и дискредитации.

Дело мое находится в прокуратуре РСФСР.

Оберюхтин В.»²⁷⁰.

Прокуратура РСФСР 30 ноября 1956 г. ходатайствовала перед президиумом Московского городского суда о прекращении дел Оберюхтина 1938 и 1949 гг. за отсутствием состава преступления²⁷¹, однако в реабилитации бывшему генералу вновь отказали²⁷².

Из Главной военной прокуратуры в Прокуратуру СССР 24 января 1957 г. была направлена жалоба Оберюхтина, в которой он оспаривал решение Прокуратуры РСФСР²⁷³. После этого 16 июля 1957 г. КГБ направил дело на рассмотрение Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко, причем по заключению УКГБ предполагалось отказать Оберюхтину в снятии судимости.

Однако 30 августа 1957 г. датирован протест (в порядке надзора) заместителя Генерального прокурора СССР Д.Е. Салина в президиум Мосгорсуда, в котором отмечено, что в связи с реабилитацией М.Н. Тухачевского и др. и с тем, что их заговора не было, подлежит реабилитации и Оберюхтин, признавшийся в принадлежности к за-

²⁶⁹ Здесь и далее – подчеркнуто В.И. Оберюхтиным.

²⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 77313. Л. 4–4об.

²⁷¹ ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 2. Д. 9343. Л. 20.

²⁷² Там же. Л. 24.

²⁷³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 77313. Л. 1.

говору Тухачевского²⁷⁴. Были сочтены неосновательными обвинения в преступлениях в Гражданскую войну, поскольку Оберюхтин лишь скреплял приказы начальства, еще в 1920 г. был осужден на пять лет и в том же году по амнистии освобожден, а ходатайство перед Верховным Советом СССР о неприменении к нему амнистии к десятилетию революции в 1927 г. не возбуждалось. Протесты касались осуждения Оберюхтина как в 1940, так и в 1949 г. 16 сентября 1957 г. протесты были рассмотрены президиумом Мосгорсуда и дела, наконец, прекращены за недоказанностью обвинения²⁷⁵. Оберюхтина реабилитировали по всем делам.

4 января 1958 г. приказом Министра обороны СССР по личному составу он был уволен из армии (с 28 сентября 1954 г.) по выслуге установленного срока обязательной службы с правом ношения военной формы одежды. Выслуга с зачетом времени пребывания в заключении и ссылке составила 30 лет и восемь месяцев.

Подробности жизни Оберюхтина в Александрии неизвестны.

После реабилитации Оберюхтин смог вернуться в Москву (дату отъезда установить не удалось²⁷⁶), где провел последние годы жизни. Известно, что в этот период он интересовался историей Гражданской войны на Востоке России, следил за новинками литературы по этому вопросу и даже отрецензировал новаторскую по тем временам книгу Г.Х. Эйхе «Уфимская авантюра Колчака», вышедшую в 1960 г.

В архиве А.И. Тодорского обнаружился последний по времени известный на сегодня документ Оберюхтина, позволивший установить судьбу колчаковского генерала. Речь идет о его письме Тодорскому от 26 апреля 1963 г. В этом документе Оберюхтин писал: «Дорогой Александр Иванович! Сердечно поздравляем Вас и Вашу милую семью с праздником 1го мая и с наступлением весны!

Горячо желаем всем Вам здоровья, счастья и успехов!

Просим принять наши искренние пожелания и привет!

Ваши В+В+Ю Оберюхтины»²⁷⁷.

²⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 79586. Л. 2.

²⁷⁵ Там же. Л. 7, 9; Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 253–254.

²⁷⁶ При помощи моего друга и коллеги к.и.н. М.А. Ковальчука (Киев) был осуществлен запрос в органы ЗАГС города Александрии, однако данных обнаружить не удалось.

²⁷⁷ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 23. Оп. 3. Д. 777. Л. 10б.

Письмо подписали помимо самого В.И. Оберюхтина супруга Валентина Ивановна и сын Юрий. Оберюхины жили в Москве, в Проектируемом проезде (квартал 82, корпус 28, квартира 9). Письмо содержало приписку о смерти Оберюхтина, вероятно, сделанную рукой Тодорского: «† в начале августа 1963 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Двоюродная сестра жены Шумовская Тамара Георгиевна»²⁷⁸. Так закончилась жизнь одного из высших военных деятелей белой Сибири.

* * *

В судьбе Оберюхтина в полной мере отразилось то сложное и противоречивое в истории нашей страны время, в которое он жил. Это был выходец из простой, небогатой семьи, пробивавшийся в жизни своими силами. Из-за тяжелого материального положения он сделал выбор в пользу казенного военного образования, сумел окончить юнкерское училище, а позднее академию, в которой был одним из лучших слушателей. Оберюхтин принял участие в Первой мировой войне и сумел отличиться на фронте, что было непросто в силу специфики службы генштабистов. Это был высокообразованный офицер-генштабист старой армии, интересовавшийся военной наукой и нашедший себя в сфере военной педагогики.

Для офицерства периода Гражданской войны были характерны различные метания, происходившие как вследствие идейного выбора, так и в силу стечения обстоятельств. В то непростое время сделанный осознанно или случайно выбор мог предопределить всю дальнейшую судьбу человека. В период немецкого наступления в феврале 1918 г. Оберюхтин попал в плен, находясь на излечении в госпитале. Возвращение из плена на советскую территорию летом 1918 г. автоматически привело его в ряды Красной армии. Свою службу красным он начал в рядах Военной академии, причем в Казани, по месту жительства родных, вероятно, приложив усилия к такому назначению.

Коллектив академии в силу определенной автономии этого учреждения и сохранения в нем прежних порядков не в полной мере воспринимал себя в качестве советских служащих, живя иллюзией

²⁷⁸ Там же.

того, что это было прежнее дореволюционное учреждение, которое требовалось сохранить для страны. По мере эскалации Гражданской войны и с началом непосредственной подготовки кадров для РККА роль, отведенная академии в новых условиях, стала очевидной. Тогда в июле – августе 1918 г. академия практически в полном составе перешла на сторону антибольшевистских сил Востока России.

Оберюхтин через родных был связан со своей малой родиной, Воткинским и Ижевским заводами, которые в августе 1918 г. стали центрами крупного антибольшевистского восстания. К этому добавлялись приверженность антибольшевистским взглядам и личный фактор – братья офицера участвовали в антибольшевистском движении, причем один из них погиб.

Длительное время Оберюхтин служил у белых на различных тыловых должностях. Однако в конце весны 1919 г., когда колчаковские войска уже терпели неудачи, благодаря знакомству с генералом К.В. Сахаровым попал на фронт, в штаб Западной армии белых. Там он стал ближайшим сотрудником Сахарова. Благосклонность Сахарова предопределила карьеру Оберюхтина, которого Сахаров неизменно приглашал с собой, получая новые назначения. Таким образом, двигаясь вместе с Сахаровым, Оберюхтин примерно за полгода достиг высших постов в военной иерархии белого лагеря на Востоке России.

Оберюхтина трудно отнести к ярким военным деятелям. Скорее это был высококвалифицированный исполнитель и опытный штабной работник. На финальном этапе колчаковской эпопеи он в силу обстоятельств на несколько дней оказался на высшем посту военной машины белых, став временно главнокомандующим армиями Восточного фронта. Разумеется, это назначение ни на что не повлияло. Неутешительный результат борьбы белых на Востоке России был уже предрешен. Однако сам факт такого назначения показывает, с какой легкостью во главе антибольшевистских вооруженных сил на Востоке России в тот период оказывались совершенно случайные люди.

Осознав бесперспективность продолжения борьбы, столкнувшись с необходимостью дальнейшего отступления по тайге походным порядком с пострадавшей от взрыва женой и, возможно, вспоминая первый опыт службы у красных, Оберюхтин в начале 1920 г. решил

сдаться в плен. Он явно не относился к непримиримым противникам большевиков.

После почти года мытарств по тюрьмам и проверок он попал в Академию Генерального штаба РККА (позднее – Военную академию РККА), где оказался на своем месте. Впрочем, на этом мытарства не закончились. Белогвардейское прошлое преследовало бывшего колчаковского генерала почти до конца жизни. В РККА Оберюхтин состоял на особом учете бывших белых офицеров, позднее снялся с учета.

Полтора десятилетия службы Оберюхтина в РККА после Гражданской войны можно считать сравнительно благоприятным периодом его жизни. Он пользовался любовью и уважением сотрудников и слушателей академии, радел за то дело, которым занимался, находил время для архивной работы и публикации военно-научных трудов. В 1936 г. как одного из лучших работников академии им. М.В. Фрунзе его пригласили в новую Академию Генерального штаба РККА. Своими учениками Оберюхтин считал видных советских военачальников И.Х. Баграмяна, Н.Ф. Ватутина, Л.А. Говорова, П.С. Рыбалко и Е.А. Щаденко²⁷⁹.

Однако работники ОГПУ в 1926 г. склонили георгиевского кавалера Оберюхтина к негласному сотрудничеству, вынудили доносить на сослуживцев, что в традициях русской армии считалось тягчайшим грехом («не фискаль»). Возможно, это сотрудничество позволило ему избежать в начале 1930-х гг. ареста по делу «Весна», фигуранты которого дали показания и на Оберюхтина. Однако в период «Большого террора» второй половины 1930-х гг. Оберюхтина все же арестовали. Прошли через аресты и его братья. Известно, что одного из них расстреляли. Впрочем, Оберюхтину повезло оказаться арестованным на сравнительно позднем этапе массовых репрессий в августе 1938 г. В результате затянувшегося расследования оказались под следствием те, кто начинал его дело, а сам Оберюхтин избежал расстрела. Тем не менее тогда он провел в тюрьмах и лагере восемь лет жизни.

Освободившись в 1946 г., поселился на Волге, в Вольске, устроился работать на насосную станцию городского водопровода. Однако

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 230об.

хотелось работать по специальности и приносить пользу стране. Поэтому Оберюхтин стал бомбардировать органы власти обращениями о своем восстановлении в армии и возвращении к интересной ему работе. Услуги бывшего колчаковского генерала оказались не востребованы, даже на военно-исторической, лекционной и редакторской работе. Едва ли довод о том, что он отстал от военной науки послевоенного периода, мог быть определяющим для таких сфер деятельности. Скорее всего, это было политическим решением. Не говоря о том, что в то время при переменчивом политическом курсе и продолжавшихся репрессивных акциях никто не хотел брать на себя ответственность за восстановление в армии недавнего «врага народа» и бывшего белого генерала.

Вполне возможно, постоянные ходатайства Оберюхтина обратили на себя внимание, но не тех, кому адресовались. Беспокойный бывший политзаключенный попал под новую волну арестов, когда в 1949 г. стали массово арестовывать таких, как он, в качестве «повторников». В конце 1949 г. Оберюхтина сослали в Красноярский край, где он провел пять лет, работая лесорубом. Крепкое здоровье позволило Оберюхтину преодолеть и эти жизненные трудности.

Даже в тяжелые годы испытаний, выпавших на его долю, Оберюхтин продолжал интересоваться военным делом и военной историей. Не случайно это его увлечение в период работы в вольском городском водопроводе вызывало нарекания начальства. Интерес к военному делу и к истории Оберюхтин сохранил до конца жизни.

После смерти Сталина изменения в жизни Оберюхтина наступили не сразу. Процесс восстановления справедливости и реабилитации затянулся. Лишь в начале 1955 г. Оберюхтин смог уехать к семье на Украину, а в 1957 г. был наконец реабилитирован, после чего вернулся в Москву, где и умер. В общей сложности в тюрьмах, лагерях и ссылках он провел порядка 14 лет, в том числе занимаясь тяжелым физическим трудом. К этим по сути вычеркнутым из его жизни годам следует прибавить несколько лет прозябания в маленьких городках, где он был лишен возможности работать по специальности, знакомиться с интересовавшей его военной литературой, находилась вдали от привычного круга общения.

В качестве приложений к биографии В.И. Оберюхтина публикуются его показания, данные при попадании в плен в январе 1920 г., письмо из-под ареста народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову, а также две его работы – воспоминания о Гражданской войне на Востоке России и рецензия на книгу Г.Х. Эйхе.

Показания В.И. Оберюхтина в советском плену, хранящиеся среди документов по пленным в фонде 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа РГВА, представляют собой в первой их части сухое изложение боевого расписания Восточного фронта белых и принципов организации войск. Затем генерал перешел к развернутому критическому изложению состояния колчаковских армий, особенностей дисциплины, обеспечения, привел характеристику командного состава. Генерал ярко бичевал пороки колчаковской военной машины, показывал неприглядную сторону иностранной военной интервенции. Исходя из высокого статуса пленного, эти показания представляют значительный интерес для историков. В то же время из многословных и затянутых показаний Оберюхтина видно, что и сам он был типичным представителем бичуемых им же косных и бюрократизированных военных администраторов старой России.

О существовании рукописи кратких воспоминаний В.И. Оберюхтина о Гражданской войне на Востоке России под названием «Краткий исторический очерк событий Гражданской войны на Востоке Европейской России и в Сибири» было известно достаточно давно²⁸⁰, но место их хранения оставалось в точности не установленным. Позднее воспоминания обнаружили в ГА РФ²⁸¹. Работа Оберюхтина содержит немало неточностей, возникших, вероятно, при их машинописном наборе. Воспоминания были написаны уже после сдачи Оберюхтина в плен красным, в связи с чем он резко критически отзывался о деятельности бе-

²⁸⁰ См., например: *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта... С. 151.

²⁸¹ Д.и.н. Е.В. Волков выявил эти воспоминания и первым использовал их фрагменты в своей монографии (*Волков Е.В.* «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008. С. 110, 120, 121, 130–131). К сожалению, указанная в сноске единица хранения в Государственном архиве Российской Федерации отсутствовала. Воспоминания удалось обнаружить в том же фонде (Ф. Р-9427. Коллекция материалов учреждений и воинских частей белых правительств) в деле с другим номером.

лых. Кроме того, воспоминания касаются в основном общеизвестных фактов. Тем не менее свидетельство высокопоставленного колчаковского военного деятеля представляется весьма ценным.

Письмо Оберюхтина Н.И. Ежову, написанное через несколько дней после ареста в августе 1938 г., также хранится в ГА РФ и представляет собой набор абсурдных данных, однако интересно как документ своего времени. По всей видимости, личное письмо наркому являлось тактическим ходом арестованного, попыткой изложить свои показания не как все. Возможно, Оберюхтин как бывший тайный осведомитель ОГПУ рассчитывал на особый порядок рассмотрения своего дела.

Интересна рецензия Оберюхтина на книгу Г.Х. Эйхе «Уфимская авантюра Колчака», датированная 25 марта 1961 г. и сохранившаяся в Научном архиве Института российской истории РАН в коллекции генерала А.И. Тодорского, способствовавшего реабилитации Оберюхтина.

Орфографические ошибки и описки, несогласованность слов исправлены без оговорок. Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Уточнены приводимые В.И. Оберюхтиным имена и фамилии. Пропущенные слова воспроизводятся в прямых скобках.

Документ 1

Показания В.И. Оберюхтина. 25 января 1920 г.

25/I-20

Показание

бывшего ген[ерал]-м[айора] Генерального штаба В.И. Оберюхтина²⁸²

Показание написано по памяти, т.к. все вещи, записки и пр[очее] погибло во время взрыва на ст[анции] Ачинск динамита 28/XII-1919.

По данным к началу 1920 г. положение на территории «Врем[енного] Сибирского правительства»²⁸³ было таково:

а) Политическое

Неудачи фронта и вся совокупность работы правительства привела к замене состава последнего социалистическим с превалированием

²⁸² Печать разведывательного отделения оперативного управления штаба 5-й армии. Вход. № 1785. 20.07.1920.

²⁸³ Правильно – Российского правительства.

партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. На местах власть передавалась в руки земств и городов.

б) Военное

Территория Восточного фронта заканчивалась Енисейской губернией. Весь тыл страны (Иркут[ский] воен[ный] окр[уг] в составе Иркут[ской] губернии, Забайкальский в[оенный] окр[уг] в составе Забайк[альской] обл. и Приамурский из остальной территории Дальн[его] Востока) объединялся в руках ген. Семенова с наименованием его главнокомандующим тыла.

Верховное главнокомандование – в руках адм. Колчака.

Восточный фронт. Главнокомандующий – г[енерал-]л[ейтенант] Каппель.

Состав фронта:

1) 1-я Сибирская армия (г[енерал-]л[ейтенант] Пепеляев) – ок. 15 тыс. шт[ыков] и сабель. Численность – до 40 тыс. чел.

1[-я] Сиб[ирская] стр[елковая] дивизия

2[-я] Сиб[ирская] стр[елковая] див[изия]

3[-я] добр[овольческая] стр[елковая] див[изия]

4[-я] егер[ская] стр[елковая] див[изия]

Штурм[овая] Сиб[ирская] бр[ига]да

1[-я] кав[алерийская] див[изия]

1[-я] Оренб[ургская] каз[ачья] бр[ига]да (17 и 18 п[ол]ки)

1-я прифронтов[ая] отд[ельная] кадр[овая] бр[ига]да

Из-под Ишима вся армия по приказу г[енерала] Дитерихса перебрасывалась в район Н[ово]николаевск – Томск – Красноярск – в стратегический резерв для пополнения и переформирования в течение 2^х месяцев (янв[аря] и февр[аля]).

Переброска задержана была решением дать бой сначала под Омском, потом под Татарском, затем на р. Обь.

На армию была возложена задача охраны тыла и умиротворение его, почему часть армии была брошена в район Барнаула, Кулундино, Мариинска, Ачинска и Красноярска.

На приказ г[енералов] Каппеля и Пепеляева о переходе в наступление (около 25/XII) части армии в Томске восстали, и г[енерал] Пепеляев с небольшой частью уехал на Мариинск и далее на восток походом. После выступления остались части армии в Ачинске (Штурм[овая] бр[ига]да) и в Красноярске (4[-й] Енис[ейский] стр[елковый] п[ол]к).

Фактически армия была небоеспособна еще под Ишимом, а после Томска и Тайги исчезла совершенно.

б) 2-я армия (г[енерал-]м[айор] Войцеховский) ок. 20 тыс. шт. и сабель. Численность – 40–50 тыс. чел.

Уфим[ская] стр[елковая] див[изия]

Тобол[ьская] стр[елковая] див[изия]

Тюмен[ская] стр[елковая] див[изия]

Сводн[ая] стр[елковая] див[изия]

15[-я] Вотк[инская] стр[елковая] див[изия]

Уфим[ская] кав[алерийская] див[изия]

3[-я] отд[ельная] Оренб[ургская] каз[ачья] бр[ига]да

5[-я] -----//-----

2[-я] Уфим[ская] кадр[овая] отд[ельная] бр[ига]да

Сиб[ирская] каз[ачья] бригада (сводная)

Армия действовала севернее и на жел[езной] дороге.

Находилась в периоде переформирования (свертывания к[орпу]сов в дивизии, дивизий в полки и т.д.).

в) 3-я армия (г[енерал-]м[айор] Петров, а врем[енно] – г[енерал-]м[айор] Барышников). Около 20–25 тыс. штык[ов] и сабель. Численность – 50–60 тыс. чел.

Волж[ская] стр[елковая] див[изия]

Ижев[ская] -----//-----

7[-я] Урал[ьская] горн[ых] стр[елков дивизия]

Урал[ьская] стр[елковая] див[изия]

Сводн[ая] стр[елковая] див[изия]

Волж[ская] кав[алерийская] бр[ига]да

2[-я] Оренб[ургская] каз[ачья] -----//-----

4[-я] -----//-----

Барнаульск[ая] сводн[ая] див[изия]

Армия действовала южнее жел[езной] дороги.

Свертывание корпусных групп в дивизии, дивизий в полки и т.п. выполнено, но не везде закончено.

г) Оренбургская армия (г[енерал-]л[ейтенант] Дутов) ок. 10 тыс. саб[ель] и шт[ыков]. Числен[ность] – 20–25 тыс. чел.

1[-й] Орен[бургский] каз[ачий] к[орпу]с

1[-я] каз[ачья] Оренб[ургская] див[изия]

? -----//-----

Отд[ельная] стр[елковая] бригада
II Оренб[ургский] каз[ачий] к[орпу]с
То же²⁸⁴

Армия оставлена в районе Атбасар²⁸⁵ – Каркаралинск²⁸⁶ – Семипалатинск – Павлодар. Переформирование не закончено. Армия мало боеспособна.

д) Отд[ельный] 2[-й] Степной корпус (г[енерал-]л[ейтенант] Ефтин) – 5–8 тыс. шт[ыков] и саб[ель].

3[-я] (?) Степн[ая] стр[елковая] див[изия]
Партиз[анская] див[изия] атамана Анненкова
Корпус оставлен в Семиречье.

е) Войска тыла

1. Омский в[оенный] округ

11-й кадр[овый] п[ол]к (Омск) – влит в 3 армию

12-й -----//----- (Томск) - ---//-- в 1 ----//----

13-й ---//--- (Н[ово]никол[аевск]) ---//--- в 2 ----//----

Из 44 (?), 48 и 52[-го] Сиб[ирских] стр[елковых] полков образована Омская стр[елковая] бригада, действующая на внутренних фронтах Омского военного округа.

С отходом армии к Н[ово]николаевску Омский воен[ный] округ расформирован.

2. Иркутский воен[ный] округ (г[енерал-]л[ейтенант] Артемьев).
(Иркутская губ.)

8[-я] Сиб[ирская] стр[елковая] див[изия] (Канск, Красноярск)

14[-я] Сиб[ирская] стр[елковая] див[изия] (Иркутск, Верхнеудинск)

Часть войск на внутренних фронтах²⁸⁷

? 8-й кадр[овый] полк

? 14-й -----//-----

Сводно-каз[ачья] бригада (Иркутск)

Волжский штурмовой б[атальо]н

²⁸⁴ В документе В.И. Оберюхтин обозначал стрелковые и казачьи дивизии и бригады тактическими знаками. В данном случае изображены два знака казачьих дивизий и один – стрелковой бригады.

²⁸⁵ У Оберюхтина неточно – Атбассар.

²⁸⁶ У Оберюхтина неточно – Каракалинск.

²⁸⁷ Комментарий относится к двум перечисленным выше дивизиям.

3. Забайкальский в[оенный] округ (г[енерал-]м[айор] Семенов)

(Забайкальская обл.)

(?) 8^а Сиб[ирская] стр[елковая] дивизия (Чита)

(?) Маньчжурская дивизия (бывший Маньчж[урский] отряд)

(?) Дикая дивизия

Забайк[альская] каз[ачья] дивизия

Кавказ[ский] туземн[ый] стр[елковый] полк (Харбин?)

Рота особого назначения (еврейская)

Всего 15–30 тыс. чел.

4. Приамурский в[оенный] округ (г[енерал-]л[ейтенант] Розанов)

(Амурская, Приморская, Камчатская обл. и Сахалин)

9[-я] Сиб[ирская] стр[елковая] дивизия (Раздольное, Н[икольск]-Уссурийск[ий], Владивосток)

Конная бригада (Примор[ский] драг[унский] + кон[но]-егер[ский] п[ол]ки)

Амурский стр[елковый] б[атальо]н

Амурский каз[ачий] полк и б[ата]рея (Благовещенск)

Уссурийский каз[ачий] полк (Н[икольск]-Уссурийский)

На территории округа ген. Хрещатицкий с половины декабря 1919 г. начал формирование «стратегического резерва», для чего [стал] использовать некоторые части округа. Фактически формирование нежизненно и не проведено в исполнение.

Г[енерал-]л[ейтенанту] Люпову приказано адм. Колчаком в полосе отчуждения формировать «охранную стражу Вост[очно]-Кит[айской] жел[езной] дороги» – в скрытом виде – Заамурский округ корпуса пограничной стражи. О ходе формирования сведений не имею.

В полосе отчуждения Вост[очно]-Кит[айской] жел[езной] дороги имеется охранная стража (г[енерал-]л[ейтенант] Самойлов) из добровольцев русских и китайцев; численность и значение ее незначительны. Стража еще формируется.

Для охраны жел[езных] дорог сформированы (частично) 8 отд[ельных] охранных жел[езно]дор[ожных] бригад 2–4-батальонного состава, распределенные по всей территории, в том числе и в полосе отчуждения (2 бригады).

Школы

Для подготовки к занятию младших командных должностей офицеров и инструкторов унт[ер]-офиц[ерские] школы учебно-инструктор-

ские (3 б[атальо]на – 1 офицерский и 2 унтер[е]-оф[иц[ерских]), школы прапорщиков, унт[е]р-оф[иц[еров] и курсы:

Для 1-й армии – Пермская школа прапорщиков

Томские военно-училищные курсы

Томская унт[е]р-офиц[ерская] школа

Для 2-й армии – Екатеринбургская учебно-инстр[укторская] школа

Ново-Никол[аевская] учебно-инстр[укторская] школа

(из военно-топограф[ического] училища) – расформирована

Для 3-й армии – 2^я Челябинская учебно-инстр[укторская] школа

Московская учебно-пулем[етная] школа (формирующаяся)

Кавалер[ийская] учебно-инстр[укторская] школа

(формирующаяся)

Во фронте – 1^я Челябинская учебно-инстр[укторская] школа (на пути в г. Красноярск)

Кавалерийская учебно-инстр[укторская] школа

(Красноярск)

Иркутские военно-училищные курсы

Иркутская унт[е]р-офиц[ерская] школа

Иркутское военное училище

Учебно-инстр[укторская] школа на Русском острове

Артиллерийская школа (Верхнеудинск)

Артиллерийское училище (Владивосток)

Организация войск

Пехота – стрелковая рота – 4 взвода, б[атальо]н – 3 стр[елковых] и 1 пулем[етная] рот[ы] (8 пулем[етов]). Полк – 3 стр[елковых] и 1 технич[еский] б[атальо]ны; техн[ический] б[атальо]н = все стр[елковые?] команды.

Конница – эск[адро]н – 4 взвода (12 и 16 рядов). Див[изио]н = 2 эск[адро]на. Полк = 4 эск[адро]на.

Арт[иллер]ия – батарея – 4 оруд[ия] (легк[ая], гауб[ичная] и тяж[елая]). Див[изио]н = 3 легк[их] и 1 гауб[ичная] б[ата]реи и 1 парк.

Инж[енерные] в[ойска] – инж[енерный] див[изио]н = 1 саперн[ая] рота + каб[ельное] от[деле]ние.

Высшие соединения – стр[елковая] дивизия = 3–4 стр[елковых] полка + егер[ский] бат[альо]н + арт[иллерийский] д[ивизио]н + инж[енерный] д[ивизио]н + кон[ный] д[ивизио]н + див[изионный]

обоз + див[изионный] лазарет + перев[язочный] отряд, 2 полев[ых] подв[ижных] госпиталя.

Кавал[ерийская] дивизия = 4 кон[ных] полка + кон[но-]арт[иллерийский] д[ивизио]н (2 б[ата]реи по 4 орудия) + перев[язочный] отряд.

Корпус = 3–4 стр[елковых] дивизии и 1–2 кав[алерийские] дивизии (бригады).

Армия = 3–5 корпусов.

Переформирование армий

В середине дек[абря] 1919 г. было проведено сведение групп (корпусов) в дивизии, дивизий в полки, полков в батальоны с таким расчетом, чтобы каждый полк имел 1500 штыков.

Цель переформирования – сокращение тыловых учреждений, обозов и уничтожение «бумажных» дивизий и вообще войсковых соединений, не имеющих и 1/10 численности соответствующего наименования. Весь командный состав оставлен на своих местах (командир полка – к[оманди]ром батальона, начдив – командиром полка, к[оманди]р к[орпу]са – начдивом и т.д.), излишние обозы идут на пополнение строя, повозки и лошади – передаче населению.

Эта мера была проведена не полностью во 2[-й] и 3[-й] армиях. 1[-я] армия должна была развернуть 4 дивизии до штата в кратчайший срок, но провести этого не успела.

Дисциплина. На фронте – удовлетворительная, местами отличная. В тылу – значительно ниже. Дисциплина между нижними чинами армии крепче и тверже, нежели на верхах. Последние или «атаманили», или «ловчились». Отношение к фронту пренебрежительное и боязливое. Дисциплины совести и честности было мало. Много барства и канцелярщины. Всюду заседали старые и старые, вносившие отраву реакции и бюрократизма. Отношение солдат к командному составу – в прямой зависимости от соответствия каждого лица к занимаемой должности во всех отношениях. Где командный состав сам работал, не гнушался никакой черной работы, работал «по-мужичьи», был человеком с умом, волей и сердцем, – там полное и безотказное единение и спайка.

Обеспечение бойцов

Материальное обеспечение бойцов (офицеров и солдат) отвратительное. В шкале окладов нет системы и смысла. Нежизненно, отстало от жизни. Фронт обеспечен хуже тыла. Прожиточный минимум в расчет

не принят. В общем – полная необеспеченность и голодное существование, особенно находящихся на фронте семейных (на 2 дома). Оклады военных – ниже других служащих.

Вопрос о пособиях или пенсиях инвалидам, раненым и потерявшим трудоспособность не разрешен совершенно.

Тыловые должности расценивались на 1–2 степени выше строевых и фронтовых.

Задерживание выдач содержаний. Процедуры из-за аттестатов, особенно в отношении семейств.

Снабжение

Поставлено ниже и хуже, чем когда бы то ни было. Формализм и волокита интендантских органов. Результат – оборванная армия при тыловых магазинах и запасах, ломающихся от всякого добра, что особенно ярко подтвердилось при отходах и отлично одетых в тылу. Концентрация запасов не отвечала характеру и приемам войны (отсутствие глубины эшелонирования). Эксплуатации местных средств не было, особенно в отношении одежды.

Неумение правильно распределить и перебросить предметы снабжения войск. Постоянное запаздывание в снабжении армий соответствующей одеждой. Рутинная, волокитная, формалистская, вызывающая полнейшее общее возмущение. Неспособность найти средства и пути ввиду закоснения в прежних интендантских порядках.

Транспорт

Неумение наладить. Косность и несоответствие приемов управления и самой работы транспорта. Устарелость приемов. Непонимание самой природы вещей и обстановки. Игнорирование интересов работников. Неумение наладить и двинуть работу надлежаще. Потворство в спекуляции и вялость мер против нее. Нечестность служебного персонала.

Неумение организовать самую службу и циркуляцию транспортных средств, дислокацию и концентрацию обслуживающих персоналов и средств. Игнорирование гужевого транспортом. Полное необорудование этапных линий и тыла.

Боязнь оторваться от рутины и шаблона, губительных в новых условиях борьбы. Забивание ж[елезной] д[ороги] жилыми вагонами. Вакханалия с последними. Как результат сего – полная остановка всяких пассажирских и санитарных классных поездов.

Командный состав

Личность Колчака – неуравновешенный, безвольный, колеблющийся. Старого закала. В военном деле мало понимающий как моряк. Личность раздута. Принятое решение отменяет неоднократно. В руках окружающей его клики. Не знающий души ни солдата, ни офицера, ни гражданина, относящийся к солдату и офицеру если не презрительно, то совершенно безразлично. Погрязший в мелкие дрязги и не понимающий хода событий. Человек – тряпка, безвольных решений и мер.

Помощники его – г[енералы] Степанов, Лебедев и Дитерихс – в общем совершенно бесцветны, старого закала, не понимали хода событий.

Тоже безвольны и слабы. Потонули в бумагах. Любили лишь приказывать, но не подчиняться. Не знали жизни и шли вразрез с нею. Шкурники, ищущие имени и высоких мест. Люди бумаги и кабинета – «старые люди».

Среди командного состава – Семенов, Хорват, Калмыков, Анненков, Пепеляев, Гайда, Иванов-Ринов, Красильников и проч[ие] – атаманы. С ними вместе – большие и малые атаманы, признающие лишь постольку-поскольку. При наличии их никакие приказы и мероприятия – бумага и только. Опираясь на своих партизан, они позволяли себе все, что хотели, и ничто не могло их обуздать, кроме реальной силы, а последней не было в достаточной мере. Не имея иных источников для своего бытия, кроме населения, они силою оружия грабили местное население, особенно некоторые. Впоследствии появились «коллективные атаманы» – чехи, поляки, сербы, итальянцы, карпато-руссy, французы, англичане, японцы и проч[ие] «союзники». Легально и нелегально, бесправно или под разными благовидными предлогами все они, как напоросты, грабили страну как алчные и враждебные для всякого русского лица. Считали себя «охранителями» и экстерриториальными. Имея всегда вооруж[енную] силу свободной, они производили страшную разрушительную работу во всех отношениях.

Остальной высший командный состав фронта – сравнит[ельно] молодой, но с разными «оттенками атаманства». В тылу – на высших должностях сидели все старые люди, «специалисты», привыкшие работать по-старому и во «всероссийском» масштабе со старыми замашками и приемами. Создав бесконечные штабы и учреждения старого бюрократического и барского пошиба, они «властвовали» ради своего брeнного существования, мыслив, что они-то и создадут Россию.

Средний командный состав – на фронте молодой, в большинстве хороший, без старых режимов и предрассудков, живший отлично с солдатами. В тылу собрались, как всегда, шкурники из старых или новых героев тыла, людей чрезвычайно мелких и черствых, присосавшихся в бесконечных тыловых кулуарах как пиявки²⁸⁸.

Младший командный состав фронта – в большей части своей из солдатских и интеллигентных рядов – отличный, совершенно чуждый старых предрассудков, отказавшийся от глупых старорежимных наслоений, стоящий вплотную к рядовым бойцам. Много было и отрицательных лиц, но они шли на поводу за лучшими, и только когда они были одни – они проявляли подлинность своей натуры в отрицательных отношениях.

Младший командный состав тыла – обычно из лиц ловкачей, всячески отлынивающий от фронта. Иногда прикрывающихся партийными взглядами.

Солдаты

Там, где командный состав был на месте, делил все со своими подчиненными, все труды и невзгоды нес честно и образцово, – там и солдаты за такое братское отношение были преданы всей душою, стояли за своих командиров, соблюдали твердо дисциплину и отлично несли службу. Наоборот – где офицерство и прочий комсостав вел и держал себя отрицательно – там и солдаты были им враждебны.

Главная масса солдатства – мобилизованные. Правда, были и добровольч[еские] части. Добровольчество возникло как следствие террора, проявляемого совет[ской] властью в начале своего существования. В добровольцы шли не богатеи и буржуа, а гл[авным] обр[азом] та же гольтыба, беднота, уходящая от личных счетов, мести и от страха перед террором.

Мобилизованные вели себя в общем хорошо. Исключение составляли некоторые уезды, население коих подверглось карательным воздействиям и самоуправству местных сатрапов и атаманов.

В общем, главный контингент армии составляли крестьянство, рабочие, средний класс интеллигенции. Крупные богатеи и зажиточный класс в армии не были, пользуясь всякого рода лазейками, устраивались в тылу на теплых и хлебных должностях, спекулировали или уехали на Дальний Восток и за границу.

²⁸⁸ В документе – пиявки.

Форма одежды – прежняя. Исключение составляли погоны. В Народной армии вместо погон были введены нарукавные отличия примерно такие:²⁸⁹

Примерно такие же отличия были и в Сибирской армии, но там они г[енералом] Ивановым-Риновым были заменены скоро прежними погонами.

С объединением армий в одну – г[енерал-]л[ейтенант] Болдырев (Директория) ввел походную прежнюю форму с защитными погонами и кокардой с национальной лентой.

Фактически – носили одежду такую, какая сохранилась.

Погоны многие не носили, особенно на фронте. То же и кокарды.

Чины

Как в Народной (Самарской), так [и] в Сибирской, так и в объединенной существовали. Разница – чины давались легче и шире. Значение имели самое небольшое, ибо чин не зависел от содержания и от должности. Производства бесконечно запаздывали и только с предоставлением права производства обер-офицеров командармами несколько ускорили дело²⁹⁰.

Еще меньшее значение имели ордена. При этом самих орденов не было, а носили иногда ленточки, да и то меньшинство.

В общем, и чины, и ордена отжили свой век и не интересовали армию²⁹¹. Были проекты чины прикрепить к определенным должностям или принять порядок гражданского прохождения службы (чины по должностям), но это проведения не получило, ибо полумера, к тому же не имеющая практического смысла.

Содержание

[Вопрос] разрешен совершенно неправильно и неудовлетворительно. Несмотря на целую комиссию по выработке окладов жалований, ничего не было сделано для фронта. Оклады²⁹²

РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1094. Л. 102–106об. Автограф. Карандаш.

²⁸⁹ В.И. Оберюхтиным изображен нарукавный щиток поручика Народной армии.

²⁹⁰ Так в документе.

²⁹¹ В документе – армии.

²⁹² На этом документ обрывается.

Документ 2
*Оберюхтин В.И. Краткий исторический очерк
событий Гражданской войны
на Востоке Европейской России и в Сибири*

Краткий исторический очерк событий Гражданской войны
на Востоке Европейской России и в Сибири

(Составлен на память.)

К восстанию чехословаков вдоль магистрали ж[елезной] д[ороги] Пенза – Самара – Челябинск – Омск – Владивосток примкнули некоторые политические партии и граждане русские, по разным причинам не сочувствовавшие советской власти и ею преследуемые. Ядрами таких восстаний послужили крупные населенные пункты и главн[ым] образ[ом] места стоянок чехословацких эшелонов и гарнизонов. Таковыми пунктами были: Пенза, Самара, Уфа, Златоуст, Челябинск, Омск, Екатеринбург, Оренбург²⁹³ и проч[ие]. В главнейших очагах восстания на скорую руку образовалась импровизированная вооруженная сила, опирающаяся на чехов и областные правительства. Последние, объявив по преимуществу эсеровскую программу, вступили в вооруженную борьбу с советской властью, добываясь гл[авным] образом созыва Учредительного собрания.

Важнейшими из образовавшихся областных правительств были Самарское и Сибирское с центрами в Самаре и Омске. Территория первого организовалась частью Самарской, Симбирской, Казанской, Уфимской, Саратовской губерний, а второго – Сибирью (см. схему²⁹⁴). Помимо этих правительств образовался почти одновременно целый ряд других, более мелких. К числу последних относятся 1. Оренбургское и казачье на территории казаков с центрами в Оренбурге, 2. Уральское казачье на территории земель уральских казаков с центром в Уральске, 3. Уральское горное (Екатеринбург) – на территории Северного и Среднего горного Урала, 4. правительство Забайкальское казачье – на территории забайкальских казаков, 5. правительство Хорвата на Дальнем Востоке – Приморская область [(Владивосток)], 6. Амурское казачье – на территории Амурской области (Благовещенск), 7. Сибирское войсковое казачье на территории сиб[ирских] казаков (Омск), 8. Камское – в рай-

²⁹³ Мемуарист неточен – в Оренбурге чехословацких частей не было.

²⁹⁴ Не публикуется.

оне Вятской и части Пермской губ. с центрами в Ижевском и Воткинском заводах (Вятская губерния).

Многие города оказались во фактической власти так называемых «атаманов», организовавших при себе разные партизанские отряды, на силу которых они и опирались, не признавая никакой власти, кроме силы и собственного усмотрения. Некоторые из них постепенно исчезали, а другие оставались до последнего времени. Такими атаманами были: Калмыков в Хабаровске, Анненков – в Славгороде, Дутов – в Оренбурге, Иванов-Ринов – в Омске, Красильников – там же, Хорват – на Дальнем Востоке, Гамов – в Благовещенске, Семенов – в Чите и пр.

Каждое правительство, каждый атаман начали действовать каждый на свой лад и по собственному усмотрению. Связующим и цементирующим элементом служили чехословаки, как наиболее организованная и лучшая боевая сила, овладевшая к тому же ж[елезнодорожной] магистралью и важнейшими пунктами. Отчасти разрозненные действия многочисленных указанных областничеств и лиц связывались единой целью – борьбой против советской власти, но и это имело мало практического значения среди острого враждебного сепаратизма, царившего повсюду.

Это обстоятельство постепенно привело всех к мысли об объединении, как в отношении борьбы, так и существования вообще. К этому же толкало неравномерное распределение средств борьбы и питания.

Особо остро чувствовали необходимость такового объединения Самарское, Оренбургское и Уральское правительства, на коих стали сильно давить советские войска с запада.

Путем длительных письменных переговоров и сношений в с[редине] августа²⁹⁵ 1918 года в Челябинске состоялось предварительное государственное совещание. Целью его было установление всероссийской временной власти и объединение всех усилий в единую [власть], а равно упорядочение жизни на всей территории.

23 августа 1918 года предварительное совещание в Челябинске закрылось, установив первичные основы для всех договаривающихся сторон, каковые должны были окончательно [быть] выработаны на новом государственном совещании представителей всех правительств и организаций.

²⁹⁵ Так в документе. Правильно – 23–25 августа.

Примерно с 20 сентября²⁹⁶ в Уфе началось это окончательное государственное совещание, которое к 26 сентября²⁹⁷ закончилось образованием «Всероссийского Временного правительства», каковое немедленно приступило к работе в Уфе. В состав этого правительства вошли: Авксентьев (пред[седатель] Сов[ета] мин[истров]), ген. Болдырев (Верховный главнокомандующий), Роговский, Зензинов, Виноградов, Сапожников и др.²⁹⁸ Объявленная программа правительства была коалиционной. Образованию «Всерос[сийского] Врем[енного] правительства» много содействовало²⁹⁹ общее положение Поволжского фронта, где части Народной армии и чехи должны были после ряда активных операций отходить под ударами Красной армии.

Боевые действия. Чехословацкие отряды, стоящие в Пензе, получили, как и прочие их части, приказ пробиваться с оружием в руках на восток. В силу этого чехословаки пробиваются в Сызрань, следуют на Самару, овладевают ею, где и задерживаются (предположительно по просьбе партии эсеров и эсдек[ов]). Вокруг этих отрядов и параллельно с ними образуются мелкие отряды «Народной армии». Во главе правительства встают члены Учредит[ельного] собрания, образовав «Комитет членов Учредит[ельного] собрания» (Комуч). Военное ведомство и Главный штаб вручено полк[овнику] (ныне генералу) Галкину, который и повел организацию и формирование «Народной армии». Были образованы небольшие отряды, каковые совместно с чехами стали расширять плацдарм самарского правительства активными действиями на Сызрань, Симбирск, на Казань и Николаевск. Полк[овник] (ныне генерал) Каппель, ставший во главе одного отряда, берет с чехами гор. Сызрань, затем Симбирск, двинулся на север по Волге, где неожиданно овладевает Казанью, выдвинув свои части в Свияжск. 7 августа 1918 года пала Казань, где захвачены громадные запасы, золотой запас

²⁹⁶ Так в документе. Правильно – с 8 сентября.

²⁹⁷ Так в документе. Правильно – 23 сентября.

²⁹⁸ В состав Временного Всероссийского правительства (Директории) вошли Н.Д. Авксентьев, Н.И. Астров, В.Г. Болдырев, П.В. Вологодский и Н.В. Чайковский, а также их заместители М.В. Алексеев, А.А. Аргунов, В.А. Виноградов, В.М. Зензинов, В.В. Сапожников. Заместители отсутствовавших на Востоке России Н.И. Астрова и Н.В. Чайковского – В.А. Виноградов и В.М. Зензинов – приступили к работе как члены правительства.

²⁹⁹ В документе – содействовали.

страны, масса учреждений и управлений Красной армии. Полковник Махин с другим отрядом выдвигается на юг, где овладевает Николаевском и Вольском. Указанные активные операции, встревожившие советскую власть, вызвали энергичные контрмеры с ее стороны. Переход в наступление усиленных частей Красн[ой] армии вырвал инициативу действий из рук «Народной армии» и вынудил последнюю перейти к обороне, а вслед за тем и к общему отходу, тем более что чехословаки стали уклоняться от боев и решительных действий, а части «Народной армии» не успели сорганизоваться в надлежаще спаянные и сформированные воинские боевые единицы. Последнему в значит[ельной] степени способствовала дряблость, неумелость и ошибочность действий членов «Комуча».

Под активными ударами Красной армии берется обратно гор. Казань, затем Симбирск, Вольск, Сызрань, Самара, Чистополь. Несорганизованные части Народной армии все быстрее и быстрее продолжали отход на восток, окончательно потеряв способность к маневру и стойкость.

Сибирское правительство еще ранее выслало в Екатеринбургский район некоторые вновь сформированные части «Сибирской территориальной армии», которые и вели бои совместно с чехами в районе Екатеринбурга, выдвигаясь с боями к реке Каме и р. Чердынь. В глубине Сибири в это время велось формирование 5 корпусов (см. схему № 1³⁰⁰).

К моменту образования «Всерос[сийского] Времен[ного] правительства» в Уфе (26 сент[ября] 1918 г.) группировка фронта в общем сводилась к указанной на схеме № 2³⁰¹. Весь центр и левый фланг общего фронта находился в состоянии полного отхода на восток, что вынудило Верховного главнокоманд[ующего] г[енерала] Болдырева спешно вызвать на фронт все оконченные формированием части Сибирск[ой] террит[ориальной] армии. Вновь формируемой Ставкой Верх[овного] глав[нокомандую]щего в Уфе были отданы основные общие для всех вооружен[ных] сил директивы, план действий и начато руководство фронтом.

Отход войск центра и левого фланга между тем продолжался почти без остановки, что заставило ввести на фронт части 3[-го] Уральского корпуса горн[ых] стрелков.

³⁰⁰ Не публикуется.

³⁰¹ Не публикуется.

Около 5 окт[ября] правительство и Ставка отбыли из Уфы в Омск, куда прибыли 10 окт[ября] 1918 г. Здесь окончательно был сформирован Совет министров (см. схему № 2).

В начале ноября 1918 года Совет министров выделил из своего состава «Директорию» (пятерку) (см. схему № 2).

Войска, действующие на Урало-Поволжском фронте, переформированы в армии, согласно схемы № 2. Из Сибири на фронт постепенно переброшены части Сиб[ирской] тер[риториальной] армии, которые сменили на фронте все чехословац[кие] части, кои отведены в резерв и на охр[ану] ж[елезно]д[орожной] магистрали.

Военное и полевое управл[ение] организовано согласно схемы № 3³⁰², к формированию коего и приступлено спешным порядком. Настроение правящих и военных центров Сибири было значительно правее самарского правительства. Сибирская армия была построена на основах, более близких к старой армии, нежели «Народная армия». Все это в связи с выбором в Сов[ет] мин[истров] многих министров из самарского правительства (более левых, нежели министры Сибирского правительства) породило антагонизм между всеми «самарскими революцион[ерами]» и «Сибирским» [правительством]. Неудачи фронта послужили в осуждение порядков и дисциплины «сибиряков-государственников», гл[авным] обр[азом] из сибирской военной среды, и побудили³⁰³ свергнуть «Директорию» с заменой ее военной диктатурой.

18 ноября 1918 г. неожиданно в Омске был совершен переворот. «Директория» арестована и выслана за границу. Во главе всей страны и «всерос[сийской] власти» был поставлен адм. Колчак, назначенный при Директории военным министром. Верховная власть составила из «Верховного правителя и Совета министров». Первый был по существу «диктатором», почему и период этот является «диктатурой адмир[ала] Колчака». Общество молча и скрытно встретило этот переворот. Вооруженная сила и широкие круги общества не понимали смысла совершающихся событий, хотя и военный мир и общество были против этого все большего и большего возврата к старому и правому. Объявленными актам новой власти или не верили, или относились выжидательно.

³⁰² Не публикуется.

³⁰³ В документе – побудило.

Одно было ясно, что на демократически-социалистическую массу началось открытое гонение, хотя «основы декларации Колчака» и были названы «демократическими и свободными». Перед правительством появились новые враги – эсеры, эсдеки и пр.

Фактически совершившийся переворот вызвал лишь перемены в верхах, не затронув совершенно жизни массы народной.

Совет министров персонально изменился заменой некоторых министров (см. на схеме № 4³⁰⁴).

Военное управление в начале «диктатуры Колчака» осталось по существу прежним (см. схему № 3). Введены лишь частные изменения, самая же работа шла по прежнему плану. К числу изменений вообще относятся: а) уничтожение «Террит[ории] Сиб[ирской] армии» с корпусными округами и восстановление окружных (прежних) округов (см. схемы № 1 и 3), б) установление Верх[овного] главнокомандования в лице Верх[овного] правителя, в) резкое разделение страны на театр военных действий и общий тыл страны с самостоятельными органами и управлением в каждой части отдельно с объединением их в руках Верховного, г) создание органов штаба Верх[овного] глав[нокомандую]щего и Воен[ного] министерства по типу времен русско-герм[анской] войны (см. схему № 3).

Для успешного ведения борьбы всерос[сийское] правительство увеличило вооруж[енные] силы до 1 200 000 чел., для чего произвело мобилизацию на всей территории страны.

Установлена армейская и корпусная организация на фронте, а равно боевое расписание и учет сил армий.

По вопросам снабжения армий сделаны заказы и частью получены разные предметы снабжения армии из-за границы.

В октябре 1918 г. отход армий закончился сдачей Уфы и оставлением фронта по линии (примерно) р. Чердынь, вост[очнее] г. Пермь, вост[очнее] Уфы, Стерлитамак, Оренбург, Уральск. Началась работа по воссозданию и упорядочению фронта.

В конце марта 1919 года предпринято общее наступление по всему фронту, закончившееся взятием г. Перми, Уфы, Белебея, Бугуруслана, Чистополя и выдвижением к р. Вятке.

³⁰⁴ Не публикуется.

Однако порывистое движение вперед, начатое без достаточных резервов и без надлежащих группировок, было встречено переброшенными резервами совет[ских] войск, остановлено, а контрударными операциями Красной армии к маю мес[яцу] не только ликвидировано, но вызвало дальнейший откат армий на восток. Усталый и бессильный фронт не имел пополнений, не мог восстановить ни активного импульса, ни механич[еской] устойчивости.

Начатое наступление и весь ход работы военного аппарата к апрелю 1919 г. наглядно показал[и], что отсталость и мертвость работы тыла, погрязшего в канцелярщину, интриги и старые методы, вызвала крах фронта, работа коего протекала усиленным и ускоренным темпом все время без перерыва.

Вскрытые язвы [повлекли] реконструкцию военного управления (см. схему № 5³⁰⁵), что и было начато исполнением в середине апреля 1919 года.

Согласно новой структуре тыл был подчинен управлению фронта. Резкое разграничение между театром воен[ных] действий и общим тылом уничтожено. Воен[ное] министерство слито со Ставкой штаверха. Обращено большое внимание на осведомление. Несколько ранее Оренбургская армия переименована в Южную со включением в ее состав новых частей.

Новая переструктура военного управления не уничтожила основных болячек – страшной раздутости, нагромождения и мертвечины всего воен[ного] аппарата управления. Вместо двух разделенных больших органов (ведомств) создан один, вдвое больше. Правда, и при всем указанном недочете объединение имело большое преимущество перед прежним.

Между тем советская власть энергично продолжала наступление на восток, тесня все время армии «Всеросс[ийского] правит[еля] Колчака». После упорных боев оставлены были Уфа, Бирск, Пермь. Высшее командование не смогло остановить фронт и вырвать инициативу действий [у] красных войск.

Командующий Сибирской армией ген. Гайда в причинах общей неудачи [обвинил] наштаверха г[енерала] Лебедева, потребовал его немедленной отставки, что после некоторого колебания вызвало отрешение г[енерала] Гайда и г[енерала] Лебедева от занимаемых должностей

³⁰⁵ Не публикуется.

и назначение наштаверхом ген. Дитерихса, который, согласно выработанному им новому плану структуры военного управления и боевого расписания войск, занял вместе с тем вновь образованную должность главнокомандующего Восточным фронтом (см. схему № 6³⁰⁶).

Все армии в начале июня были переведены на положение неотдельных³⁰⁷. Из Сибирской армии образованы две: 1[-я] Сибирская и вторая. Западная переименована в 3-ю. Южная армия как действующая на самостоятельном театре – оставлена отдельной.

Согласно плана и директив ген. Дитерихса, армии Вост[очного] фронта, прикрыв себя слабыми арьергардами, должны были отвести главные силы за р. Тобол для пополнения и подготовки. Эти задачи и были выполнены ими в течение лета. Южная армия после неудачной операции на Туркестан остатками вышла на Кокчетав, где была переформирована и переименована в Оренбургскую (отд[ельную]).

Ставка была расформирована с передачей всех ее функций в управление Вост[очного]фронта, вновь образованное, согласно схемы № 6, а равно в органы Военного министерства (см. ту же схему).

По почину и указаниям г[енерала] Дитерихса по всей Сибири были произведены добровольческие формирования дружин креста и полумесяца.

На Дальнем Востоке начато формирование стратегического резерва, силою в корпус.

Закончив подготовку вчерне, армии Вост[очного]фронта получили 1 сент[ября] приказ перейти в общее наступление, к чему и приступили.

Наступление продолжалось в течение всего сентября с небольшими остановками. В результате боев и активных операций армии Вост[очного]фронта вышли на Тобол, где и остановились для пополнений, обещанных г[енералом] Дитерихсом еще в половине сентября. Однако, простояв месяц на Тоболе в ожидании пополнений и приказаний, ничего не получили. Между тем части Красной армии, пополнившись за Тоболом и усилившись новыми резервами, сами перешли в наступление

³⁰⁶ Не публикуется.

³⁰⁷ Автор неточен. Сибирская и Западная армии были реорганизованы в неотдельные – 1-ю (командующий – генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев), 2-ю (генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий) и 3-ю (генерал-майор К.В. Сахаров) армии в середине июля 1919 г. Во второй половине июня была введена должность главнокомандующего армиями Восточного фронта, которую 20.06.1919 занял генерал-лейтенант М.К. Дитерихс.

и после ожесточенных боев вырвали свободу действий из рук армий Вост[очного]фронта. Повторилась та же картина, что и весеннее наступление. Ослабленные потерями части Вост[очного]фронта, к тому же в летней одежде, в холодную погоду, измученные более чем месячными боями, отходили далее и далее на восток, все более теряя устойчивость и боеспособность.

Высланные, наконец, при полном отступлении пополнения, к тому же совершенно не обученные, не обмундированные, принесли лишь вред, увеличив беспорядок отхода и путаницу в тылу. Отход за р. Ишим не спас положения, т.к. сов[етские] войска продолжали энергичное преследование безостановочно.

Еще во время сентябрьского наступления и несколько позднее армии Вост[очного]фронта были сведены в две группы армий – Московскую и Сибирскую, согласно схемы № 6. На фронт прибыл войсковой Сиб[ирский] каз[ачий] корпус ген. Иванова-Ринова, но он не улучшил положения.

После упорных боев на Ишине войсками Вост[очного]фронта оставлены г.г. Петропавловск и Ишим. Отход все продолжался с боями. В тылу всего фронта была река Иртыш – солидная незамерзшая преграда с одним ж[елезно]д[орожным] мостом за центром, что страшно нервировало войска и стесняло управление.

Еще с потерей Петропавловска связь с Оренбургской армией прервалась. Армии этой дана задача или идти на восток через Славгород – Барнаул, или оставаться в занимаемом районе, ведя партизанские действия.

Проект и план ген. Дитерихса отвести снова главные силы в тыл к востоку от Омска, прикрывшись арьергардами, не нашли сочувствия у адмирала Колчака, который хотел во что бы то ни стало удержать за собою Омск, почему ген. Дитерихс в начале ноября был смещен и на его место назначен ген. Сахаров, которому и было приказано удержать Омск.

Между тем фронт ежедневно приближался к Омску. Устойчивость войск понизилась почти до нуля. Пополнений так и не было в надлежащем виде и числе. Войска были раздеты. 1[-я] Сибирская армия, перебрасываемая в резерв в район Томск³⁰⁸ – Новониколаевск – Красноярск на переформирование, была задержана непосредственно восточнее Омска.

³⁰⁸ В документе – Томска.

Ввиду быстрого отхода войск было решено удерживать за собой р. Иртыш и Куломзинский тет-де-пон³⁰⁹, сохраняя этим за собою г. Омск, который стали лихорадочно эвакуировать.

Однако еще на Тоболе участь Омска была решена. Вера армии в свою силу была окончательно подорвана, ибо всем стало ясно, что при существующем беспорядке тыла дальнейшая борьба бесцельна и антинародна.

По занятии должностей наштаверха и главковостока ген. Сахаровым, ему были подчинены министры путей сообщения и снабжения и продовольствия, дабы устранить полный междоуведомственный разлад и безответственность министра внутренних дел и др[угих] министров. Вопрос о подчин[ении] ему же был Колчаком отвергнут.

В частности, структура военного управления в начале ноября была видоизменена, согласно схемы № 7³¹⁰. Учреждены должности 2-х помощников главнокомандующего (по снабжению и по общей части).

Забайкалье выделено из Приамурского военного округа и обращено в Забайкальский военный округ.

Группы армий уничтожены. Армии оставлены неотдельными. Последнее предположено 2[-ю] армию слить снова с первой. В армиях корпуса обращены в дивизии, дивизии – в полки, полки – в батальоны. Командный состав оставлен на занимаемых должностях. Сокращены обозы и тыловые учреждения.

Несмотря на то что армии фронта 13 ноября заняли позицию по Иртышу и впереди Омска, советские войска неожиданным движением 14 ноября в обход Омска с севера [вынудили] очистить Куломзино и Омск, продолжая с боями отход на восток. Войска потеряли устойчивость и возможность [к] активным действиям, а по инерции, подталкиваемые ударами преследующих их совет[ских] войск, уходили неудержимо на восток.

В Омске оставлены почти полностью все боевые и прочие запасы армий. Сплошь забитая эшелонами магистраль ж[елезной] д[ороги] представляла ужасную картину полнейшей разрухи транспорта.

Быстрый и непрекращающийся отход армий ежедневно оставлял по несколько составов.

³⁰⁹ Плацдарм.

³¹⁰ Не публикуется.

Распоряжение об остановке на линии ст[анции] Татарской, естественно, выполнено быть не могло, почему решено дать вторичный бой на линии р. Оби или несколько восточнее, когда 1[-я] Сиб[ирская] армия изгот[овится] к операции в районе Н[ово]николаевск – Томск – ст[анция] Тайга.

Перед самым оставлением Омска правительство отбыло в Иркутск, куда направились все министерства. Туда же должен был прибыть адмирал Колчак.

Шта[б] фронт[а] и управления фронта 10-ю эшелонами отбыл[и] в Красноярск 13 ноября. В хвосте следовал эшелон главкостока; впереди его 5 эшелонов Колчака.

Во время стоянки на ст[анции] Новониколаевск был окончательно установлен план действий относительно вторичного удара в районе Н[ово]николаевск – Томск.

9 декабря 1919 г. на ст[анции] Тайга ген. Сахаров был по настоянию предсовмина Пепеляева смещен, а главнокомандующим назначен ген. Каппель.

Последний отдал директиву о контрударе в районе вост[очнее] Н[ово]николаевска, но в момент выполнения ее частями 1[-й] Сиб[ирской] армии в г. Томске произошло восстание всех частей этой армии, совершенно нарушившее расчеты главнокомандования.

После этого вопрос об удержании богатого Барнаул-Томского района совершенно отпал, особенно ввиду усилившегося давления красных партизан с юга от Барнаула и Кузнецка на левый фланг и тыл Вост[очного]-фронта. Части фронта продолжали дальнейший отход на Красноярск и восточнее, 2[-й] Степной отд[ельный] корпус с отходом на восток общего фронта оставлен в Семиречье для самостоятельных действий.

Отход Вост[очного] фронта восточнее Н[ово]николаевска прикрывался кроме других частей 5[-й] польской стр[елковой] дивизией, действовавшей вдоль магистрали.

Чем далее продолжался отход, тем более таяли армии отставшими и больными, тем более эшелонов оставалось на магистрали брошенными. Стремление ген. Каппеля собрать войска в Красноярске успеха не имело, ибо 1[-я] Сиб[ирская] армия фактически уже не существовала, кроме неск[ольких] отд[ельных] частей в Ачинске и Красноярске.

2[-я] армия сохранила крайне слабые кадры. Более всех сохранилась 3[-я] армия, но и она сильно расстроилась отходами по горным дорогам южнее ж[елезнодорожной] магистрали.

В конце декабря в Красноярске произошло восстание эсеров, стремящихся провести свою программу образования республики от р. Оби на восток до Дальнего Востока вкл[ючительно] под протекторатом Америки. К восставшим присоединился весь гарнизон Красноярска во главе с ген. Зиневичем. Новая власть разоружала все части, проходящие через Красноярск, требуя от ген. Каппеля принятия их условий и программы. Это требование было Каппелем отвергнуто и им было приказано отходящим войскам взять Красноярск и этим дать возможность всем отойти на восток.

Однако вскоре к местным коммуна³¹¹. Все попытки взять Красноярск успеха войскам³¹² ген. Каппеля не дали, что в громадной степени ухудшило обстановку, особенно в связи с подходом с юга войск Щетинкина.

Отдельные части войск, обогнув Красноярск, направились далее на восток. То же сделал ген. Каппель, перешедший на ст[анции] Минино в сани.

Большинство частей, учреждений, групп и отдельн[ых] чинов направлялись в самый гор. Красноярск, где и сдались.

Адмирал Колчак с эшелонами проследовал еще ранее на восток и в Нижнеудинске был арестован чехословаками.

Начиная от Мариинска, 5[-я] польск[ая] стр[елковая] дивизия вышла из активной борьбы, т.к. поляки объявили нейтралитет и, сев в вагоны, следовали в эшелонах на восток. Однако с прибытием главных эшелонов на ст[анцию] Ключевенная дальнейшее движение было остановлено и вся дивизия в полном составе сдалась.

Все польские эшелоны были стянуты в район Красноярска, где и обезоружены, а позднее все чины направлены в красноярский военг[о]родок как военнопленные.

Все русские эшелоны, шедшие между и за польскими, были остановлены зап[аднее] Красноярска.

Всего сдалось в Красноярске до 35 тыс. чел. Дальнейший отход армий Колчака представлял сплошное продвижение на восток отд[ельных] частей, групп и людей, а равно импровизированных отрядов.

Генер[ал] Оберюхтин

ГА РФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 280. Л. 1–8. Машинопись.

³¹¹ Так в документе.

³¹² В документе – войсками.

Документ 3

Письмо В.И. Оберюхтина народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову. 26 августа 1938 г.

Народному комиссару НКВД Генеральному комиссару Государственной безопасности т. Ежову Николаю Ивановичу.

Докладываю, что хотя я и вышел из бедной семьи канцелярского служащего, но за неимением средств на ученье и житье вынужден был пойти в военное Казанское училище в 1905 году. Это училище я окончил в 1908 году. Политически в это время я был совершенно безграмотен, хотя и участвовал в сходке и демонстрации в Ижевском заводе в 1905 году перед отъездом в военное училище.

По прослужении 3^х лет в строю офицером армейской пехоты в Самаре я поступил в академию Генерального штаба старой армии в 1914 году.

Постепенно, конечно, я в своей психологии отходил от пролетарских взглядов к воззрениям кастово-офицерским. Хотя я, конечно, не был никогда монархистом, но занимаемое мною место офицера в старой армии постепенно вынуждало меня держаться общеофицерской этики и поддерживать старый порядок.

Октябрьский переворот я встретил на фронте в Минске в должности пом[ощника] начальника операт[ивного] отделения штаба Западного фронта (капитаном Ген[ерального] штаба).

Скажу откровенно, что тогда этот переворот был встречен мною с тревогой, что войну нельзя будет довести до конца и что Россия если не погибнет, то потерпит громадное поражение.

Сюда прибавлялось и чисто личное, шкурное опасение за свою судьбу как офицера Генерального штаба. К тому же приказ № 1 Совета раб[очих] и крест[ьянских] депутатов лишал офицеров, в том числе и меня, уже достигнутых привилегий по службе.

Все это, естественно, настраивало меня против Октябрьского переворота. Я его встретил без особой радости, хотя всем требованиям и новым порядкам подчинялся без возражений. Я оставался служить на прежней должности и при больш[евистской] власти.

По демобилизации старой армии я был назначен преподавателем академии Ген[ерального] штаба РККА, которая была образована из старой академии, эвакуированной из Петрограда (Ленинграда) в Екатеринбург (Свердловск).

Я направился туда через Казань, где хотел повидать свою мать (умерла в 1918 г.). 1 августа 1918 г. в Казани я встретил штаб Вост[очного] фронта и академию Ген[ерального] штаба РККА. Последняя была направлена из Екатеринбурга в Казань распоряжением Вацетиса (б[ывшего] главкома Вост[очного] фронта). С 1 августа я был зачислен в академию преподавателем и начал там работу. Начальником академии был Андогский, настроенный враждебно к советской власти и собравший вокруг себя много старых офицеров Ген[ерального] штаба.

6 августа³¹³ 1918 г. Казань была неожиданно взята белым отрядом Каппеля, прорвавшимся по Волге из-под Самары. Обойдя город с 3^х сторон, белые к ночи 6 августа овладели им, захватив в плен весь штаб Вост[очного] фронта, академию и учреждения.

Поведение Вацетиса и Андогского было довольно странное и сводилось явно к тому, чтобы сдать Казань со всем[и] в ней находившимися частями и имуществом³¹⁴. Они могли все части вывести или их использовать в целях борьбы с белыми, но этого не сделали, т.к. хотели причинить ущерб советской власти. Их поддержали и латышские и сербские части, находившиеся тогда в Казани: они объявили нейтралитет, а потом или отошли без боя, или перешли на сторону белых.

Таким образом, благодаря таким действиям Андогского и Вацетиса советская власть потеряла Казань, академию, золотой запас и много др[угих] материальных ценностей.

На другой день академия (7 авг[уста] 1918 г.) была собрана Андогским и информирована, что она перешла на службу «Народной армии», а все ее служащие мобилизованы как военнослужащие.

Так началась моя работа у белых.

Как потом выяснилось, Андогский возглавлял в академии офицерскую корпорацию, высказывая определенную радость и надежды на восстановление царского режима.

В дальнейшем, эвакуировав академию в Томск, Андогский вернулся в Омск, когда там появляется «Директория». Он старается играть прежнюю роль объединителя и организатора всех преподавателей и слу-

³¹³ Так в документе. Правильно – 7 августа.

³¹⁴ Это утверждение не соответствует действительности. И.И. Вацетис лично участвовал в обороне Казани и прорыве из нее как рядовой боец, проявил мужество. А.И. Андогский как начальник Военной академии отношения к обороне города не имел.

шателей академии, а потом и штаба Верховного главнокомандующего (Колчака), занимая там место пом[ощника] и начальника штаба.

С указанной целью Андогский собирал офицеров в гостинице в Омске, где за общим ужином поднимал бокал за Великую неделимую Россию и за объединение всех на борьбу за это дело. Этим объединением было официально положено начало Союза возрождения России в Сибири, а все присутствующие, в том числе и я, входили в это объединение. Из офицеров, которые работали в Сибири, а следовательно, входили в это объединение³¹⁵, я могу указать на Андогского, Слижикова, Сыромятникова, Леонова, Колегова, Сторожева, Коханова, Кронковского, Добротворцева, Касаткина, Медведева.

Писаного устава этого союза я не видел, но все офицеры, находившиеся на территории Сибири, а потом и прибывшие туда из-за границы, входили в этот союз, т.к. все они работали на Колчака, дрались с Советским Союзом³¹⁶ и стремились к его поражению.

На этом основании в этот союз вошли – Головин, Базаревский, Лигнау, Нарышкин, Лохвицкий, Рычков, Беловский, Сахаров, Ханжин, Богословский, Белов (Виттекопф), Болдырев, Христиани, Колюбакин, Пепеляев, Лебедев.

По-видимому, этот союз офицеров Сибири связывался с таковым же союзом Юга России через прибывших оттуда и находившихся при Колчаке – полк[овников] Лебедева и Сахарова, носивших особый значок трехцветного флага.

Позже (в 1919 г.) Лебедев занял должность наштаверха, а Андогский – его помощника³¹⁷. Эти должности они занимали до осени 1919 г., когда Лебедева сменил Дитерихс.

Это произошло после неудач на фронте белых под Екатеринбургом и Челябинском, где Лебедев «оскандалился». Колчак под давлением окружавших его лиц и министров должен был сменить Лебедева на Дитерихса. Ставка была отделена от непосредственного управления фронтом в сев[ерной] части Сибири, где был образован фронт Дитерихса, а Ставка во главе с Колчаком, его наштаверхом Головиным и пом-

³¹⁵ Утверждение не соответствует действительности. Членство в каких-либо организациях не являлось обязательным для белых офицеров.

³¹⁶ Так в документе. В 1918 г. СССР еще не было.

³¹⁷ Эти данные неверны.

наштаверхом Андогским возглавила общее руководство ходом боевых действий на всех фронтах Сибири, Юго-Востока, Юга, Запада и Севера антисоветской России.

25 мая, после поражения белых т. Фрунзе под Бугурусланом и Бузулуком, вместо командарма 3 Ханжина был назначен Сахаров, а наштавром 3 – я (по настоянию и предложению слушателей и Андогского).

В этой должности я пробыл 5½ мес[яцев], а затем, перед самым падением Омска, мне было приказано прибыть к Сахарову в Омск для и[сполнения] д[олжности] начальника штаба фронта; командующим фронтом был назначен вместо Дитерихса Сахаров. В этой должности я пробыл 15 дней и был смещен после ареста Сахарова на ст[анции] Тайга войсками Пепеляева.

Новый главнокомандующий Каппель 2 янв[аря] 1920 г. под Красноярском отдал приказ о демобилизации постоянной белой армии и замене ее добровольческой, что дало мне возможность остаться в Красноярске, где выждать прибытия Красной армии. Этим закончилась моя работа у белых в Сибири. Все остальные продолжили отход на Восток и вышли позже за границу. На советской территории остались я, Лигнау, Колегов, Сыромятников, Базаревский, Богословский, Буров, Финицкий. Из остальных позже, насколько мне известно, во Владивостоке остался еще Болдырев, Колюбакин, Медведев, Христиани. 1-й и 4-й потом были направлены в Новосибирск, где по отбытии наказания остались работать, а Медведев и Колюбакин прибыли с академическим имуществом в Москву, где вскоре умерли.

Все оставшиеся на советской территории б[ывшие] б[елые] офицеры (Лигнау, Колегов, Сыромятников, Базаревский и Богословский и я) были арестованы, отбыли наказание в тюрьмах Сибири и были направлены в 1920 году в Москву, где одновременно были назначены преподавателями Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Лишь Богословский за побег с должности наштавра Красной армии в Екатеринбурге был судим отдельно и расстрелян.

Находясь на службе в Военной академии РККА, я работал добросовестно, но до конца не разоружился, вызывая симпатии б[ывшим] б[елым] офицерам, находящимся в академии. Работая с ними, видел их работу и настроение, но давал об этом сведения в органы НКВД смягченные, часто не заостренные и не выявлявшие их закулисной работы. Особых мер к раскрытию этой работы я не принимал, благодаря чему

моя работа носила двурушнический характер. Мало того, зная в академии Снесарева, Голубинцева, Лукирского, Сапожникова, Бесядовского, Верховского, Владиславского и др[угих] старых офицеров, я не принял мер к своевременному и настоящему глубокому выявлению их антисоветских взглядов, благодаря чему не помог органам НКВД своевременно пресечь их контрреволюционную деятельность и настроения.

Так, в бытность Снесарева начальником академии, а Лукирского – его помощником – я слепо выполнял их указания через начальника учебного отдела Бесядовского, критически не проверяя их. Их стремление выпатить на первое место все старое, а затушевать опыт Гражданской войны я поддерживал или не обращал на это внимание соответствующих органов, вел недостаточно настойчивую борьбу за проведение в методике и всей системе подготовки академии новых приемов работы. Я неактивно боролся за истребление «старых привычек профессуры» пренебрежительного отношения к слушателям и молодым адъюнктам академии.

Вместо своевременных информации комиссара академии и парторганизации о выявлении настоящего лица Снесарева, Циховича, Лукирского, Бесядовского и др., а равно о их небрежной работе в академии, о стремлении их получить лишь возможно больше денег путем малосодержательных лекций, раздутых по объему книг (Снесарев – введение в географию, Лигнау – пехота и др.), – я молчал или не вникал в существо дела.

В бытность Тухачевского начальником академии я, будучи помощником начальника учебного отдела академии (начальник отдела – Шилловский), я, слепо веря Тухачевскому, не информировал органы НКВД о слабой деятельности Тухачевского как начальника академии.

О сборах на квартире Снесарева бывших георгиевских кавалеров, вылившихся в контрреволюционные собрания, я не доносил, считая их простыми пирушками, а между тем они были антисоветскими. Я отдалился от этих собраний, а не пошел на них, чтобы этим своевременно разоблачить их контрреволюционную работу.

Зная правые убеждения Снесарева, я не старался у него выявить подробные цели собраний, участников их и методы действий; его стремлений обработать некоторых слушателей, привить им свои старые взгляды и тем нанести вред делу подготовки молодых кадров академии.

Снесарев, возглавлявший организацию георгиевских офицеров, привлек в нее Голубинцева, Лукирского, Бесядовского, Сухова, Надежного, Лигнау, Сапожникова.

Его учениками, которых он старался обработать, из числа слушателей были Никонов, Ахов, Белицкий.

Позднее Снесарев блокировался с Тухачевским. Сначала это выразилось в заискивании Снесарева у Тухачевского, а впоследствии – в единстве действий как политических сторонников. Этим объединением группы старых офицеров с «молодежью» увеличивалась организация правых, выросшая затем в правотроцкистскую контрреволюционную группу. С этой точки зрения приверженцами и соработниками³¹⁸ Тухачевского являлись – Какурин, Троицкий, Варфоломеев.

Неясна для меня роль Шиловского и Меликова. Первый был сторонником Тухачевского и работал с ним и под его руководством как на фронте, так и в академии, а второй – до ссоры с Тухачевским в 1930–31 г. был его постоянным приятелем.

К числу сторонников Тухачевского относились Соллогуб, Невежин, Виноградов, а соработников по боевой работе – Шварц. Поведение и роль его мне неизвестны. Оберюхтин. 17.8.38.

ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 13–17об.
Подлинник. Автограф. Чернила.

Документ 4

*Оберюхтин В.И. Отзыв на книгу
Г.Х. Эйхе «Уфимская авантюра Колчака
(март – апрель 1919 года)» (М., 1960). 25 марта 1961 г.*

Г.Х. Эйхе
Уфимская авантюра Колчака
(март – апрель 1919 года)
Военгиз. Москва. 1960 г.

Заключение

Книга живо, правдиво и объективно освещает наступательную операцию Колчака весной 1919 года, являющуюся важным этапом военных событий на Восточном фронте.

³¹⁸ В документе – приверженцы и соработники.

Книга составлена на основании новых, впервые публикуемых, обширных, подлинных первичных документов и материалов ЦГАКА и ЦГАОР³¹⁹, а равно личных воспоминаний автора.

Книга интересна и тем, что представляет собою двухстороннее исследование Уфимской операции во фронтовом масштабе, благодаря чему автором показан и оценен ход военных действий и деятельность войск и командования обеих³²⁰ сторон шире, глубже и объективнее.

Автор умело сосредоточивает внимание читателя на основных решающих поворотных моментах операции, тщательно анализируя в них оперативную деятельность командования, штабов и боевую работу войск. Попутно им дается правильная оценка, острая критика и выводы.

Необходимо приветствовать появление этого нового научно-исследовательского труда еще и потому, что в нем автор вскрывает и убирает все ошибочные и принципиально неверные толкования событий, фактические ошибки и неточности в ранее выпущенных трудах по истории борьбы на Восточном фронте, – на основании двусторонних архивных документов и личных воспоминаний автора как активного и видного участника Гражданской войны на Урале и в Сибири.

Как участник этой борьбы автор остро и талантливо показывает все важнейшие особенности описанной им операции в условиях Гражданской войны на Урале и в Сибири в 1919 году, по сути – на так называемом малокультурном театре в обстановке, отличной от современной войны и операции.

Книга написана сжато, ярко, доступным языком, дает много ценного, интересного материала. Оценки, разборы и выводы даются по существу, правильны, обоснованны.

Справочный материал в конце интересный, облегчает изучение содержания.

Жаль, что схемы малы, не вполне увязаны с текстом, некоторые названия селений, указанные в тексте, на схемах отсутствуют.

В общем, книга хорошая, ценная, интересная, издана неплохо и оставляет выгодное впечатление.

³¹⁹ Центральный государственный архив Красной армии и Центральный государственный архив Октябрьской революции. Ныне – РГВА и ГА РФ.

³²⁰ В документе – обоих.

В частности:

Автор совершенно правильно придает главное значение в Гражданской войне политическим факторам и среди них – яркой идее борьбы за коммунистические идеалы, столь понятно разъясняемые массе бойцов и народа агитаторами, и, с другой стороны – отсутствие яркой идеи борьбы у мобилизованных бойцов и командиров белой армии.

Верно также отмечается автором:

Наличие почти во всех советских полках рабочих ядер, которые составляли крепкий костяк и способствовали поддержанию дисциплины, активности, стойкости войсковых соединений.

Таких ядер и костяков в полках белых не было, а дисциплина – из-под палки, особенно в тяжелой боевой обстановке, часто давала отказы.

Аполитичность и пассивность офицеров в боях давали быстрое разложение и отказ от борьбы.

Хрупкость организации частей, вызываемая быстротой мобилизации и отправки на фронт даже без всякой подготовки.

Тяжелая обстановка борьбы: зимою – морозы; весною – половодье, при полном, часто, бездорожье; плохое питание, обмундирование, обувь и даже недостаток оружия.

Насыщенность событий и спешка, постоянные передвижения, изматывающие людей.

В работе командования фронтов, армий и частей у обоих противников – бумажное, часто рутинное руководство издалека, редкие посещения войск и даже низших штабов; слабость руководства в бою, при маневрировании; слабая организация, а иногда и отсутствие разведки, связи, информации.

Количественная и качественная слабость кадров командного и солдатского состава, особенно политработников.

Автор рельефно показывает громадность фронтов, малочисленность войск, низкую боеспособность и ненадежность частей, особенно казачьих; большое, часто не оправдываемое обстановкой изматывание бойцов; слабый учет командованием обеих сторон физических и моральных сил бойцов и командиров, пренебрежение к местным условиям погоды, местности, расстояниям и времени; легкомысленное отношение к организации и ведению постоянной разведки, довольствование, при оценке обстановки, лишь случайными данными и сведениями, часто устаревшими и потерявшими значение.

Очень характерно подчеркнуты автором почти постоянные споры, пререкания, взаимные обвинения и даже склоки между командующими лицами соседних соединений, между начальниками и подчиненными, – часто ведущие к явному ущербу операции и боевой работы войск. Особенно это резко проявилось в белой армии.

Очень показательно отмечена беспомощность командования в процессе динамики операции и боев, при маневрировании, отходах и при наступлении, отсутствие взаимодействия между соседними соединениями.

Преувеличенное внимание различным слухам, быстрое и чрезмерное реагирование на панику как начальников, так и войск (разложение, отказ от борьбы, дезертирство и др.).

Своей сжатостью и краткостью изложения фабулы событий и подробностью, обилием и правильностью оценок, выводов и заключений книга выгодно отличается от многих весьма объемистых, распухших изданий, а обилие документальных подлинных архивных материалов и новизна оценок и критики событий одной из узловых операций Гражданской войны 1919 года на Восточном фронте – правильных, правдивых и объективных – главное ее достоинство.

Вот мелкие и слепые схемы весьма затрудняют и замедляют изучение текста, что было бы желательно доработать.

Оберюхтин В.

25.3.61

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 38. Л. 1–4.
Автограф. Чернила.